394—
535

1004535 1164

УДАР

ТАНКИ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

МОСКВА, Смоленский бульв., 53. Тел. № 2-15-20.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАД ИЗДАНИЙ В. В. Р. С. Арбат, Глазовский пер., 1. Тел. 2-45-98.

СПРАВОЧНИКИ.

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ.

Под редакцией воздушной секции военно-научного общества. Многочисленные таблицы, схемы, снимки. (Справочник для комсостава пехоты, кавалерии и технических частей).

СОДЕРЖАНИЕ:

Главные свойства воздушной среды. Основы теории аэронавигации. Основные принципы авио- и воздух-техники. Краткие данные по истории воздухофлота. Современный воздушный флот. Тактика и организация воздушного флота. Обзор воздушных флотов иностранных армий. Мирное применение авиации. (Печатается).

ПОЛЕВАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА.

СОДЕРЖАНИЕ:

Организация и управление войсками.—Служба связи.—Пехота и конница.—Артиллерия.—Бронесилы.—Воздушный флот.—Инженерные войска.—Техника.—Средства переправы.—Действия соединенных отрядов.—Малая война.—Походное движение.—Отдых и охранение.—Продовольствие войск.—Санитарная служба.

В старой армии большой популярностью пользовалась полевая справочная книжка, изданная в Виленском Военном Округе. Сейчас ее в корне перерабатывают преподаватели Военной Академии и ряд виднейших работников центральных военных учреждений (т.т. Сухов, Цейтлин, Лигвау, Смысловский, Лапчинский, Карбышев, Белолипецкий, Сапожников, Загю, Архангельский и др.).

Необходимое пособие для командного состава армии. (Печатается).

СПРАВОЧНИК ОБ АРТИЛЛЕРИИ

В Н. О. при Военной Академии Р.-К.К.А. под ред. В. Гармэнуса, Е. Голубинцева и В. Григорьева.

(Для командного состава пехоты, кавалерии, авиации, инженерных войск).

СОДЕРЖАНИЕ:

Роль артиллерии в современном бою. Свойства артиллерии. Артиллерийские орудия. Снаряды. Средства передвижения артиллерии. Типы артиллерии и описание существующих образцов. Организация артиллерии. Стрельба артиллерии. Артиллерийская позиция. Разведка. Наблюдение. Связь. Боевая работа артиллерии.

Справочник по объему будет от 8-ми до 10-ти печ. лист. с 50-ю—80-ю иллюстрациями. Справочник, рассчитанный на командира роты и выше до командира полка включительно, составлен простым языком, без сложных математических формул и отвлеченных положений, выставляя на первый план боевую работу артиллерии в связи с другими родами войск и умение ее использовать в наиболее типичных случаях боевой жизни. (Печатается).

СЛОВАРЬ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ.

Составляется при помощи артиллерийского комитета, инженерного комитета, ученых комитетов в войсках связи, бронесилах и пр. Имеет задачей придти на помощь командному составу при чтении им современной военной литературы, где довольно часто встречаются мало известные рядовому читателю военно-технические термины. (Печатается).

Заказы адресовать в В. В. Р. С.

При покупке скидка от 15 до 30%, в зависимости от числа приобретенных экземпляров.

Я В94 535
3-36

ДЖ. ФУЛЛЕР

ТАНКИ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ 1914—1918 гг.

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Проф. В. Ф. НОВИЦКОГО
С 12 РИСУНКАМИ
И 9 ЧЕРТЕЖАМИ В ТЕКСТЕ,
9 ПЛАНАМИ СРАЖЕНИЙ
И ОДНОЙ КАРТОЙ

1983

Проверено 1935 г.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

ПРОВЕРЕНО 1989

724/3

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА—1923

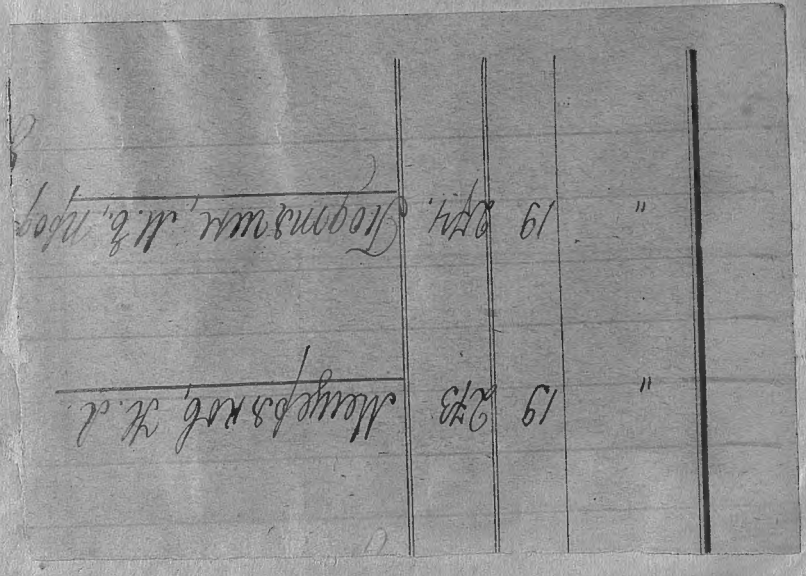
ОБЛУНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ БИБЛИОТЕКА
698654

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ № 804.

ТИРАЖ № 2000.
ПЕТРООБЛИТ № 8749.
ЗАКАЗ № 559.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (Площ. Урицкого, 10).



ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый труд „Танки в Великой войне“ является переводом с английского издания. Автор, начальник одного из отделов штаба танкового корпуса, полковник Дж. Фуллер, является по своему миросозерцанию типичным представителем британского великодержавного империализма. Поэтому книга в той части, где автор пытается „разрешать“ проблемы „умиротворения“ народов—чужда по духу нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

„Войны будут ограничены не словами, трактатами или лигами наций, а оружием—лигами танков, аэропланов и подводных лодок“—откровенно заявляет автор. При этом враждовать будут не „великие нации“ (ну, конечно!),—они, наоборот, призваны „умиротворять мелкие нации Средней и Восточной Европы, которые смотрят на войну, как на национальный спорт“. „Умиротворять“ же автор рекомендует при помощи новых и новых вооружений. Эти вооружения уничтожат возможность и внутренних волнений, и мятежей. Придушить при помощи танков, аэропланов и пр. Индию, Афганистан, а по возможности, и другие „мелкие народы“—вот политический идеал автора. Для его осуществления надо вооружаться до тех пор, пока „путем медленной эволюции при постепенном ослаблении склонности (?!) человечества к войне“ оно не обратится „к некоему другому идеалу“.

Все эти нелепые и тупоголовые выводы (к счастью, очень немногочисленные), над которыми посмеется любой рядовой боец нашей армии, искупаются богатым техническим содержанием книги, ценным учетом опыта работы танков в мировой войне, что и служит основанием для выпуска книги.

Полит. ред.

ВВЕДЕНИЕ.

Нижеследующий труд представляет собой описание великих и единственных в своем роде событий, полных такого же геройства, как и подвиги древних Аргонавтов; и хотя, может быть, еще не настало время судить об участии танков в Великой войне, я чувствую, что каковы бы ни были проникновенность и способность оценки событий у будущего историка деятельности корпуса танков, он, вероятно, будет лишен существенного преимущества, необходимого для правдивого бытописателя—возможности описывать события, как очевидец.

Пишущий эту книгу увидал в первый раз танк в конце августа 1916 г. В это время я не предполагал, что случайно удостоюсь чести сделаться офицером штаба корпуса танков, на период времени с декабря 1916 г. до августа 1918 г. Долгое время, проведенное в связи с величайшим военным изобретением Великой войны, не было, надеюсь, потрачено напрасно, и настоящее описание является доказательством того, насколько я ценю мое назначение на такую весьма интересную должность. Помимо того, что я был очевидцем и участником многих из описанных мною событий, все те, кто содействовал мне в составлении этой книги, имели непосредственное отношение к корпусу танков, или состояли в нем, и все они принимали участие либо в формировании корпуса, либо в его действиях во время боев. Я получил от них так много содействия, что считаю себя лишь издателем всех сообщений, доставленных мне другими лицами.

Тесное было братство в корпусе танков и если там были ветераны, то, конечно, не слишком старые. Командиру корпуса, генерал-майору Элесу, было менее сорока лет и почти весь состав его штаба и младших начальников был моложе его. Молодости вообще свойственен энтузиазм, и генералу Элесу часто трудновато было ввести этот энтузиазм в известные рамки, направляя его то для наступления на врагов, то дипломатически в сторону наших друзей.

Мы, в штабе корпуса танков, знали, что нам нужно. Сознавая мощь машины, созданную английскими мозгами, мы никогда не колебались отбросить „нет“, если мы знали, что сотни, если не тысячи жизней зависят от сказанного „да“.

Скромно припоминая войну, сидя в удобном кресле в Лондоне, я ясно, вполне ясно вижу, что мы были правы. Война

доказала это, и наши старания не были напрасны. Мы были правы, и молодость вообще права, так как она обладает умственной гибкостью, ее мозг пластичен и не заморожен. Умственный атлет—молодой человек. Великая война, подобно всем другим войнам, не раз доказала это. Мы много слышали о Гинденбурге и Людендорфе, но они также смеялись над танками, как Вурмзер и Альвинци над бешеными вольтижерами итальянской армии, с которыми маленький капрал, в 1796 г., удивил Европу. Мы тоже удивили Европу, мы, бродившие по полю сражения на Сомме со слезами на глазах и по болотам Фландрии со спазмами в горле.

Человеческое суждение по инстинкту консервативно, и все, что кажется человечеству самым неправоверным, всегда самое новое: это такая же истина для военного дела, как для политики или религии. Понадобилось 1000 лет со времени изобретения пороха, чтобы изменить войну. В 1590 г. некий сэр Джон Смайтз написал ученый труд: „Некоторые рассуждения о форме и действии различного оружия, и о других весьма важных военных делах, в которых заблуждаются многие воины наших дней; и, главным образом, о мушкете, пищали и длинном луке; а также искусстве, отличных качествах и наилучшем действии лучников", в котором он отрицает все устарелые виды оружия и описывает новейший аркебуз". Для реакционеров своего времени Джорж-Стефенсон с его локомотивом был театральным злодеем века; его встречали неудержимой бранью и преследованиями. Большая часть времени Стефенсона уходила на борьбу с глупцами" [1]). В начале нынешнего столетия почти каждый английский землевладелец клялся, что ничто не заставит его заменить свой экипаж автомобилем; однако, и локомотив, и автомобиль восторжествовали и восторжествовали с такой полнотой, что все, на что их изобретатели жаловались, кажется теперь злостной клеветой.

Так и с танком: он пришел не только для того, чтобы упрочиться, но и совершить переворот; и я сам, как энтузиаст, ни одной минуты не сомневаюсь, что мои самые смелые мечты относительно его будущности не только осуществятся, но будут превзойдены, и что из его неловких потуг во время Великой войны возникнет совершенно новое направление в самом искусстве ведения войны.

Что было и есть много скептиков, сомневающихся в танке, а также много откровенных критиков, это совершенно верно, но в этом нет беды, а скорее это благоприятствует ему, потому что толпа близорука; и если бы она встретила его

---

[1]) „Как заставить железные дороги служить для войны", Роя Горнимана, стр. 6.

восторгами, то как трудно было бы для него даже появиться, а тем более упрочиться и развиться.

Критика, направленная против этого величайшего военного изобретения, была краеугольным камнем его успеха. Без критики у нас еще был бы „Большой Вилли", но мы, энтузиасты, решили, что мы одолеем критику не только самой машиной, но тем, что мы сделаем ее смешной, путем создания улучшенного типа, а смешное убивает вернее всего. Так мы и поступили, и так как тип следовал за типом, одна победа сменяла другую. Тогда наши критики одумались и завертелись: они возражали не против танка, но против нашего мнения о нем, в котором была переоценка; этак мы скоро заявим, говорили они, что танк утром заварит им чай и обреет их в постели. Почему бы не так? Если потребуется такое действие, можно выстроить танк для выполнения его, потому что у танка есть мощь и энергия, а энергия есть движущая сила всего.

Критики упустили это из виду, потому что их ум находится под впечатлением условностей сегодняшнего дня. Они не видят того, что если лошадиная сила человека равна „x", то круг его деятельности имеет тот же „x" своим радиусом. Они не видят того, что если лошадиная сила машины равна $100x$, то круг ее деятельности будет гораздо больше, чем у человека; не видят они и того, что если „x" человека может быть устойчивым, под условием, что его регулярно будут питать мясом, хлебом и пивом, „x" машины может быть увеличен до бесконечности, и если окружность соответствующая площади круга „n" не может решить вопроса, то, повидимому, необходимо только прибавить больше „x" к ее радиусу. В самом деле, наука механики—сама простота, по сравнению с психологией и по мере роста механики на войне, психология будет ослабевать, до тех пор, может быть, пока мы не увидим в армиях полную замену ручного оружия машинным, как мы видели в наших мастерских замену ручного труда машинным, и экономия сил будет соответственная.

До Великой войны я твердо верил в воинскую повинность и в вооруженную нацию; в 1870 г. я был солдатом. Мое пребывание в корпусе танков изменило эти понятия. Теперь я верю в механическую войну, т.-е. в армию, снабженную машинами, которая потребует мало людей и сильные машины. Равным образом я сомневаюсь в том, что сказал мне 11-го ноября 1918 года один почтенный знакомый, более старый умом, чем годами. Вот его слова, я повторяю их, как он их воскликнул: „Слава богу, мы можем теперь сделаться настоящими солдатами!"

Лангам Отель.
Лондон,
20-го ноября 1919 г.

ГЛАВА I.

Происхождение танка.

Главная задача войны состоит в том, чтобы наносить удары, не получая их; так всегда было и, повидимому, останется навсегда, потому что всякая битва—двухактная трагедия: один состоит в нанесении удара, а другой в оберегании себя от него.

Если мы оглянемся на 4.000 лет истории войн, мы увидим, что задачи войны всегда одни и те же; так во время боя солдат должен думать о 4 главных действиях:

1. Как поразить своего противника издали.
2. Как подойти к нему.
3. Как поразить его вблизи.
4. Как предохранить себя самого от удара в течении всего этого процесса.

В этих четырех моментах надо искать происхождение танка, идея которого поэтому старше Троянского коня: в самом деле, она относится к какому-то неведомому периоду, когда доисторический человек поднимал свое оружие, чтобы предотвратить удар раз'яренного зверя или соседа. Предотвратить удар по обнаженному телу иногда затруднительно, почему же не облечь руку в кожу или железо, почему не носить щита, почему не заковать все тело в сталь, так, чтобы для удара можно было пользоваться обеими руками вместо одной, придавая этим своему нападению двойную силу?

Если мы оглянемся на средние века, мы увидим, что такие условия борьбы были в действительности возможны и что рыцари, с ног до головы закованные в латы, были в сущности неуязвимы.

Относительно этого времени имеется рассказ, касающийся 25-ти рыцарей, которые, выехав однажды в латах, встретили большую толпу взбунтовавшихся крестьян, на которых они напали и рассеяли их, убив и ранив не менее 1.200 человек, причем из них самих ни один не пострадал. По смыслу и цели, эти рыцари были живыми танками,—комбинацией

мускульной энергии, защитной брони и наступательного оружия.

Рыцари в латах оставались неуязвимы до тех пор, пока метательное оружие ограничивалось луком и пока рыцари воевали в границах, дозволенных их броней. В сражении при Креси и других подобных битвах, французские рыцари потерпели поражение не столько от стрел английских лучников, сколько вследствие условий местности. Они увязли, подобно танку, в болоте, и, ставши неподвижными, сделались легкой добычей неприятельских воинов. Доказательством того, что не стрелы были причиной гибели рыцарей, является тот факт, что лучники были снабжены палицами или свинцовыми молотками [1]), которыми они могли оглушать увязшего в болоте и ставшего неподвижным рыцаря, сделав его безвредным и затем расстегнуть его латы и взять его в плен для получения выкупа.

Главным врагом брони явился порох, потому что если он мог пробить самые толстые латы, какие могла вынести сила человека, то латы стали только помехой для носящего их. Хотя порох стал средством метания на полях сражения уже в XII столетии, однако его влияние стало значительным только в конце XIV и в начале XV столетия, причем интересно отметить, что как только было установлено, что ружье может пробить носимую человеком броню, вводятся новые способы применения последней. Эти способы заключаются в употреблении военных колесниц, или подвижных крепостей [2]). Конрад Кайзер [3]) в своем военном сочинении, написанном между 1395 и 1405 годами, описывает несколько „военных колесниц". Некоторые из них были снабжены пиками, другие были вооружены пушками. Немного позже, в 1420 году, Фонтана проэктировал большую „военную колесницу", а в следующем году Арчингер проэктировал такую, в которой помещалось не менее 100 человек. Все эти колесницы двигались живой силой, причем люди и животные были впряжены внутри их. Изображение одной из них можно найти в „Военных древностях" Франсиса Грозе, т. I, стр. 388 (см. рисунок 1). Ее команда состояла из 8 чело-

---

[1]) Стрела была средством остановить рыцаря, заставив его спешиться. Броня коней никогда не была вполне удовлетворительной. По поводу палиц один хроникер пишет, что при употреблении их лучниками под Азинкуром „казалось, что они бьют молотком по наковальне".

[2]) Мысль подвижной крепости или военной колесницы очень древняя: как известно, колесницы существовали в Ассирии не позже 3500 лет до Р. Х. Египтяне и Израильтяне заимствовали их у ассирийцев. Китайцы в 1200 г. до Р. Х. пользовались военными колесницами для защиты от ядер.

[3]) Многие из последующих сообщений взяты из статьи под названием „Предшественник танка", Манчестера, опубликованной в „The American Mechanist", т. 49, № 15.

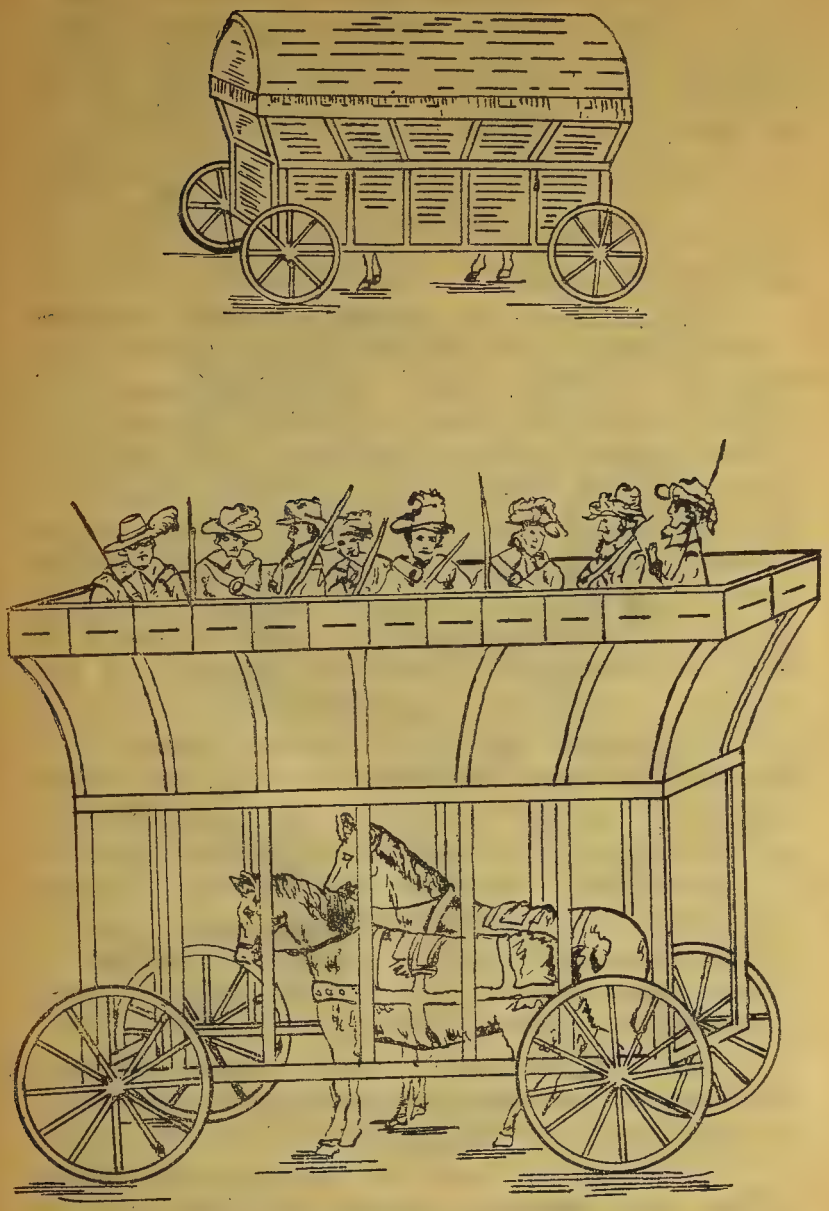


Рис. 1. Шотландская военная колесница 1456 года.

век, подобно тому, как у танка марки I. Интересна следующая выдержка из этого труда, касающаяся этих колесниц.

„Другим видом артиллерии были военные колесницы, снабженные каждая двумя пушками Петраро; некоторые из этих колесниц изображены на картине Каудри „Осада Болоньи", одно из этих изображений приведено в настоящем труде; повидимому, эти колесницы заимствованы у Шотландцев. Генри, в своей „Истории Англии", упоминает о них как об особенности этой нации и приводит следующие два парламентские акта, касающиеся их: один от 1456 г., в котором о них говорится, что „весьма важно, чтобы король потребовал от военных начальников всех степеней изготовления военных колесниц с поставленными в каждую из них двумя пушками и при них фейерверками с потребными для дела инструментами и опытным человеком для закрывания их". Другим актом, в 1471 году, прелатам и баронам приказано выставить такие военные колесницы, против старых недругов—Англичан („Черные акты", Якова II, Акт 52; Якова III, акт 55)".

Ввиду того, что эти военные колесницы двигались с помощью живой силы, их движение было весьма ограничено, за исключением лишь твердого и ровного грунта, вследствие чего стали делать попытки применения других средств передвижения. В течение последней четверти XV-го столетия военные колесницы вступают во вторую фазу своего развития. В труде Вальтурио от 1472 года есть чертеж одного из этих рыдванов, колеса которого двигались ветром (см. рисунок 2). Через 10 лет после этого мы видим Леонардо да-Винчи, занятого составлением чертежа другого типа самодвижущейся машины. В письме к Людовику Сферца он говорит: „Я строю безопасную, закрытую колесницу, совершенно неуязвимую; когда она врежется со своими пушками в глубину неприятельского расположения, какова бы ни была численность противника, последнему придется отступить; пехота может следовать за ними в безопасности и не встречая сопротивления". Что двигало эту военную машину—неизвестно; но вышеприведенное описание так подходит к современному танку, рисует его так точно, что, повидимому, у Леонардо да Винчи, почти 350 лет тому назад, было более ясное представление о действии танка, чем у многих британских военных перед сражением у Камбре, через 14 месяцев после выхода в поле первого танка.

Несколько похожий на это, самодвижущийся фургон был задуман для Максимилиана I, а в 1558 году Гольцшуер описывает боевую колесницу, во время движения которой ей предшествовала пехота, а с флангов ее прикрывала кавалерия (см. рисунок 3).

В 1599 г. Симон Стевин, якобы, построил для принца Оранского два настоящих сухопутных корабля; они состояли из 2-х небольших, вполне оснащенных боевых судов, поставленных на колеса (см. рисунок 4).

„Первый в Англии патент на самодвижущуюся повозку, которая могла быть при желании использована на войне, вероятно был выдан Давиду Рамзей в 1634 году. В 1658 г.

Гаспар Шотт сделал чертеж повозки, вмещавшей в себе 100 человек, для применения ее против турок" [1]).

Все, применявшие эти изобретения, должны были, однако, потерпеть разочарование, т. к. механика не настолько еще была совершенна в то время, чтобы сделать автоматическое движение практичным и только в половине XVIII-го столетия была сделана новая попытка построить такое важное орудие,

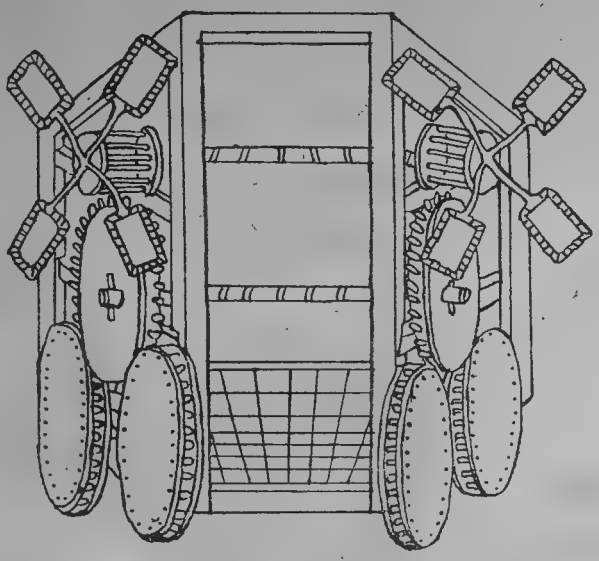


Рис. 2. Военная колесница Вальтурио 1472 года.

как военная колесница. В интересной статье Манчестера приводится следующая справка относительно возврата к этой идее: „После применения пара доктором Уайтом в 1765 г. мы встречаемся вскоре с попыткой применить его для движения на суше, которую мы должны рассматривать, как попытку создать первый паровой автомобиль. В 1769 г. Куньо во Франции поставил паровой котел на раму фургона и заставил фургон двигаться. Его мысль заключалась в том, чтобы использовать это изобретение для войны, и в этом предположении он на следующий год получил правительственную поддержку для постройки улучшенного типа. Скорость его, однако, были немного более $2\frac{1}{2}$ миль [2]) в час

[1]) „Предшественник танка", Г. Г. Манчестера.
[2]) Английская миля равняется $1\frac{1}{2}$ верст (пр. ред.).

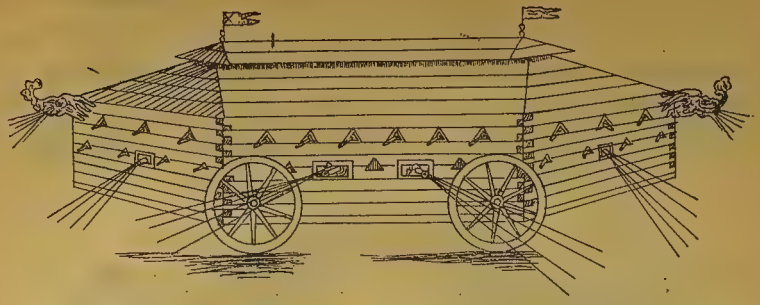


Рис. 3. Боевая колесница Гольцшуера 1558 года.

Рис. 4. Сухопутный корабль Симона Стевина 1599 г.

и машина могла непрерывно двигаться только по 20 минут с остановками на 15 минут для накачивания пара. На первом публичном испытании изобретатель имел несчастье наехать на каменную стену и снести часть ее; за это его заключили в тюрьму и опыты его были оставлены. Наполеон, видимо, предвидел появление самодвижущейся машины для военных целей, потому что когда великий полководец был избран в члены Французского Института, то темой его доклада послужил именно этот предмет".

„Боевая колесница" превратилась после этого, хотя бы в виде опыта, в локомобиль, который мог двигаться по дорогам; следующим шагом было изобрести такую машину, которая могла бы двигаться в любом направлении по местности, для чего необходимо было заменить колеса подвижным полотном. Появление гусеничного трактора приводит нас к четвертой фазе эволюции „боевой колесницы".

Мысль о распределении тяжести повозки на большей площади, чем та, которая покрывается колесами, ни в каком случае не нова; через год после того, как Куньо изобрел первый паровой автомобиль, Ричард Ловел Эджворт получил патент на изобретение, в котором переносные рельсы могли быть прикреплены к колесам. Они состояли из нескольких кусков дерева, двигавшихся в определенной последовательности таким образом, что постоянно оставался в запасе кусок известной длины для передвижения колес. Принцип этого изобретения был только видоизменением того, на котором основано подвижное полотно современного танка и всякая последующая идея основывалась на нем [1]).

Бесконечная цепь подвижного полотна прошла через многие предыдущие патентованные изобретения. В 1801 году Томас Джерман изобрел „средство облегчить движение, заменив бесконечной цепью или серией катков обыкновенные колеса". Это окончательно установило идею подвижного полотна. В 1812 году Вильяму Пальмеру принадлежит подобное же изобретение, а в 1821 году Джон Ричард Барри получил патент за изобретение, состоявшее из двух правильных бесконечных цепей, вытянутых и намотанных на два задние колеса повозки по одной с каждой стороны, что составляло рельсы или движущуюся поверхность для повозки.

Однако, колеса на подставке не были вполне оставлены, и в 1846 году локомотив Бойделя показывает, что колеса этой машины снабжены подставками. В 1861 году Андрью Дюнлоп получил патент за улучшенный вид колеса на подставке, измененный затем другими изобретателями и пере-

---

[1]) Для ознакомления с изобретением Эджворта и кратким описанием колеса на подставке и т. д. см. „The Engineer", августа 10—1917 г. и дальнейшие выпуски.

шедший постепенно в гусеницу, подвергнутую военным министерством испытанию в Альдершоте в 1905 году.

В 1882 году Гильом Фендер из Буэнос-Айреса предложил некоторые улучшения в бесконечной цепи, а Джон Ньюбэрн получил на них патент. Фендре выяснил, что попытки создать бесконечное железнодорожное полотно не увенчались большим успехом, вследствие короткости употребляемых рельс или подвижного полотна, поэтому он предложил, чтобы длина их равнялась расстоянию между осями тележек. Если желательно достичь короткой сцепки, надо увеличить число колес; кроме того, если понадобится применить трактор для тяги железнодорожного поезда, бесконечное полотно должно быть достаточно длинно для охватывания всех колес. Такова первоначальная идея бесконечного полотна.

Между многими интересными патентованными изобретениями приблизительно того же времени были трактор Эпльгарта 1886 года (см. рисунок 5) и трактор Бэтера 1888 года. В первом передняя часть подвижного полотна была наклонная

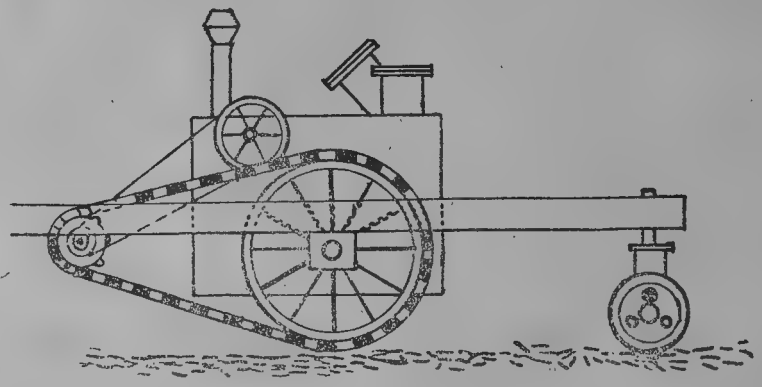


Рис. 5. Трактор Эпльгарта 1886 года.

и напоминала собой гусеницы с лобовой стороны танков. При поднятии подвижного полотна с лобовой стороны достигается, при встрече с препятствием, первоначальный под'ем, способствующий преодолению его.

Рисунок 6-й изображает трактор Бэтера; в нем ясно видны основные идеи танковой передачи и танковой конструкции. Этот трактор был патентован в Соединенных Штатах Америки, был снабжен двумя гусеницами, очертания которых близко подходят к гусенице танка средней марки „А“ (Уиппет) и легкого пушечного танка (см. рисунки 9 и 10). Двигатель его был паровой, с двумя отдельными машинами, питаемыми одним котлом, каждая тащила отдельную гусеницу; повидимому, предусмотрена была возможность, по желанию, сое-

динять вместе коленчатые валы этих машин. Каждая гусеница состояла из двух бесконечных поясов, внутреннего и наружного; наружный, касавшийся земли, состоял из поперечно поставленных и прицепленных одно к другому звеньев. Между

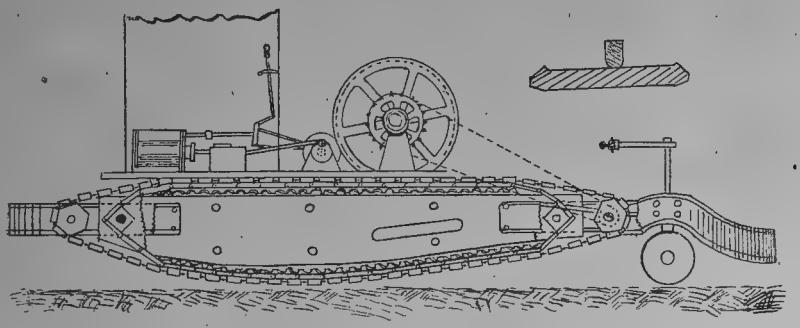


Рис. 6. Трактор Бэтера 1888 г. профиль.

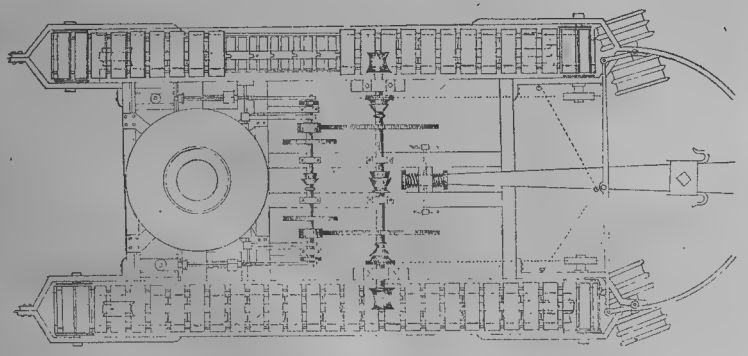


Рис. 6а. Трактор Бэтера 1888 г. план.

наружной цепью и катками была протянута внутренняя цепь. Внутренняя цепь или сцепка была много уже наружной и это дозволяло последней свободно вращаться, приспособляясь к неровностям грунта, при чем это не влияло на движение колес. Почти то же устройство было недавно присвоено для подвижного полотна танков. Катки были попеременно ребордные и простые, как и в танках. Машина была снабжена двумя хвостовыми рулями, для управления и равновесия; та же идея была применена для танков марки I и легкого пушечного танка, но постепенно была видоизменена.

Вообще, применение двигателей внутреннего сгорания, работающих на нефти, дало новый толчок тракторному делу. В 1900 году Франк Брамонд получил патент на гусеницу, которая могла применяться для повозок на резиновых шинах, как для одной, так и для двух пар колес. В 1907 году машина Роше-Шнейдера была снабжена Робертсом гусеницей и подвергнута испытанию в Альдершоте. Этот автомобиль демонстрировался вместе с трактором Горнсбай в 70 лош. сил, снабженным бесконечной цепью, и был на королевском смотру в Альдершоте в мае 1908 г. В том же году Горнсбай снабдил автомобиль Мерседес в 75 лош. сил гусеницей, чтобы доказать его преимущества для усиленного движения по песку. „Этот автомобиль делал пробег ежедневно в течение 5-ти месяцев в Скегнесе по сыпучему песку, и достоверно известно, что достигнутая им скорость равнялась 20 милям в час“ [1]).

В позднейшее время американские изобретатели и промышленники сделали большие успехи в изготовлении тракторов с бесконечной цепью, но в сущности все эти конструктивные принципы еще ранее применялись в Великобритании. Гусеница Гольта представляет собой тот вид американского трактора, который был принят в течение войны.

Интересно отметить, относительно вышеупомянутых изобретений, что, повидимому, ни Германия, ни Австрия никогда не содействовали зарождению идеи движения машины помощью гусеницы.

Вернемся снова к военной стороне нашей темы. Порох покончил с латами; если латы могут быть пробиты, то их ценность потеряна и они становятся только помехой для носящего их, ограничивая его подвижность и истощая его мускульную силу. Изменяет ли это основную задачу военного искусства? Нисколько; потому что нанесение ударов, не получая их, остается неизменной задачей боя, независимо от характера оружия. И произошло только то, что воин, не находя для себя защиты в латах, стал искать ее в других средствах—в маневрировании, в стрельбе и окопах по типу, выработанному Фридрихом Великим, в артиллерийской канонаде и огне стрелковой цепи Наполеона, в крепостях Вобана и позже, следуя Веллингтону, в использовании грунта для прикрытия себя от огня.

Об'явление войны в 1914 г. застало обе стороны вооруженными одинаковым оружием и, примерно, в одинаковых размерах. Большое наступление германцев через Бельгию завершилось битвой на Марне, состоявшей из целой серии кровавых боев, бушевавших от Лотарингии до Парижа. Затем наступила реакция—отступление германцев к р. Эну и спешное укрепление ими лежащих вдоль нее высот. Бои продолжались

---

[1]) The Engineer.

пока хватало энергии, а затихли с наступлением истощения. Сначала осторожно, а затем поспешно, правый германский фланг и левый англо-французский старались обойти друг друга; это повело к состязанию за обладание побережьем. Тем временем, 7-я британская дивизия высадилась в Зеебрюге и вслед за тем завязалось первое сражение у Ипра, которое остановило наступление германцев на британском фронте на 3 года и 4 месяца.

Скорострельные легкие орудия и пулеметы, употребляемые при обороне, оказались слишком сильным средством против атакующего, который вынужден был добиваться безопасности скорее с помощью своей лопаты, чем своей винтовки. Целые фронты окопались и уже к концу 1914 года можно было, за исключением небольших участков, пройти по окопам от Ньюпора почти до самой Швейцарии.

Вместе с окопами пришли проволочные заграждения, этот ужас атаки, и тройственное соединение окопа, пулемета и проволоки сделало оборону настолько сильной, что приводило каждую очередную атаку к неудаче.

Предстоявшая нам тогда задача была двоякого рода: во-первых, как защитить солдата при атаке от шрапнели, снарядных осколков и пуль? Вернулись к шлемам, попробовали одеть латы, изобрели щиты, но все это без особой пользы.

Во-вторых, если бы даже можно было изобрести неуязвимую для пуль броню, что, конечно, было возможно, как могли бы люди, скованные ее тяжестью, пройти через проволочные заграждения, защищающие каждую позицию?

Были испробованы три средства: первое—артиллерия, второе — газ и третье — танки, при чем каждое из них разрешало нашу задачу в том случае, если условия были благоприятны для его применения. Так, в сражении на Дунайце, весной 1915 года, сосредоточенный огонь артиллерии войск Макензена прорвал русский фронт; при чем этот успех столько же зависел от недостатка орудий у русских, как и от искусства этого полководца. Во втором сражении у Ипра неожиданная газовая атака германцев удалась за отсутствием у французов и англичан противодействия. Во время первого сражения у Камбре применение танков на хорошем, твердом грунте привело к поразительному успеху, тогда как в третьем сражении у Ипра оно было, вследствие грязи, совершенно неудачным.

Все армии пробовали увеличивать число орудий, калибры их и количество выпускаемых снарядов. Это было проведено с такой полнотой, что целые участки неприятельского фронта бывали разрушаемы до неузнаваемости. Однако, это достигалось в ущерб неожиданности нападения, так как предварительная подготовка давала неприятелю время стянуть свои резервы навстречу атаке. Кроме того, хотя проволока и окопы

Гос. издат. публичная историческая библиотека

противника были разрушены, но движение по местности между боевыми линиями обеих сторон становилось весьма трудным, вследствие изрытого грунта, что являлось сильной помехой для дальнейшего наступления и задерживало боевое снабжение атакующего, подобно тому, как непрорванная проволока затрудняла движение пехоты для успешного штурма.

Таким образом, вместо того, чтобы разрешить задачу: „Как вернуться к активным действиям на Западном фронте?" значительное увеличение количества артиллерии, в течение 1915 и 1916 годов, только осложнило эту задачу; потому что, хотя предварительная бомбардировка и разрушала проволоку и разбивала окопы неприятеля, а заградительный огонь сильно содействовал прикрытию пехоты, тем не менее в течение двух лет каждая артиллерийская атака кончалась неудачей, вследствие отсутствия внезапности и невозможности питать ее достаточным количеством снарядов в течение боя.

Германцы испробовали второй способ—газ и, начиная со второго сражения у Ипра, химик идет рядом с солдатом. Что газ мог бы выиграть войну, это ясно теперь и не нуждается в доказательствах. Для этого требовались только два условия: достаточное количество газа и благоприятное направление ветра. К счастью для нас, противник не дождался заготовки газа в достаточном количестве; к несчастью для него, преобладающий ветер на западном фронте западный, поэтому когда мы, или французы, отплачивали ему тем же средством, противник терпел больше, чем мы терпели от его газовых атак. Употребление газа, однако, еще больше осложнило рассматриваемую задачу, потому что насколько легко пустить облако газа при обороне, настолько трудно пользоваться им при атаке; вследствие чего, как только солдат был снабжен противогазовыми масками, обороняющийся выиграл от этого способа борьбы и война стала еще менее подвижной.

В отношении британского фронта, первый день первого сражения на Сомме 1-го июля 1916 года показал, насколько оборона стала сильнейшей формой войны; это доказал первый список потерь убитыми и ранеными в этот день. Никогда в течение этой войны не казалось нам более вероятным, что все наши старания приведут к гибельному концу. Надежды двух почти лет разбились в несколько часов перед развалинами Типваля, Серры и Гомкура, где наши пали тысячами от убийственного пулеметного огня противника. Одиннадцать недель спустя, 15-го сентября, стало намечаться решение этой задачи, решение, обязанное усилиям небольшой группы лиц, об энергии и стараниях коих будет рассказано в следующей главе.

ГЛАВА II.

Изобретение сухопутного корабля.

В этой главе не предполагается дать ответ на вопрос: кто первый подумал о танке? Мысль о соединении подвижности с наступательной силой и броней очень древняя, как это указывалось в предыдущей главе; настолько древняя и так часто встречающаяся в истории, что, когда началась в 1914 г. Великая война, многие, равно военные и невоенные, обдумывали пути и средства для введения вновь рыцаря в латах и боевой колесницы, с заменой живой силы механическою,— другими словами с применением горючего для нужд поля сражения.

В течение августа и сентября 1914 г. в Бельгии и Северо-Западной Франции успешно применялись блиндированные автомобили. Это, несомненно, повело к возрождению упомянутой выше идеи. Как бы то ни было, в октябре того же года, подполковник (теперь генерал-майор) Свинтон подал мысль о постройке блиндированного автомобиля по системе трактора Гольта или подобной ему гусеничной системе, пригодного для разрушения проволочных заграждений и прохождения через окопы.

В это же время, капитан Туллок, управлявший Пороховой Компанией в Чильворте, также посвятил свое внимание постройке сухопутного крейсера, достаточно забронированного, чтобы иметь возможность добираться до неприятельских пушечных и гаубичных позиций. В ноябре капитан Туллок сообщил свою мысль подполковнику Хенкей, секретарю „Комитета Имперской Обороны“ и позже Черчиллю, в то время первому лорду Адмиралтейства, который в январе 1915 г. написал следующее письмо Асквиту, ставшее ныне историческим:

Глубокоуважаемый, г. Первый Министр.

„Я совершенно согласен с замечаниями полковника Хенкей по вопросу о создании специальной машины для овладения окопами. Удивительно, что и действующая армия, и военное министерство пропустили почти три месяца войны, не останавливая своего внимания на этой специальной задаче.

Настоящая война перевернула все военные теории относительно пределов употребления огня. Сила винтовки так велика, что считается возможным с расстояния в 100 ярдов *) остановить всякое нападение, почему для того, чтобы избежать потерь от артиллерийского огня, окопы часто бывают вырыты на обратных склонах позиций или на близком расстоянии от тыловой окраины селений, лесов и других преград. Вследствие этого, война сделалась борьбой на близких расстояниях, а не на дальних, как этого ожидали, и окопы противников часто подходят вплотную одни к другим для обоюдной безопасности от артиллерийского огня.

Поэтому теперь предстоит разрешать вопрос не о длительной атаке по тщательно подготовленному гласису прежнего времени, но о преодолении открытого пространства в 100 или 200 ярдов и проволочных заграждений. Все это было ясно более чем два месяца тому назад, но для достижения этого не было принято никаких мер и не было сделано никаких приготовлений. Было бы совершенно легко снабдить в короткий срок некоторое количество паровых тракторов небольшим бронированным помещением, в которое можно было бы поместить людей и пулеметы для предохранения их от пуль. При употреблении их ночью, они были бы совсем безопасны от артиллерийского огня. Гусеничная система дозволила бы совершенно свободно проезжать окопы, а тяжесть машины разрушила бы все проволочные заграждения.

40 или 50 таких машин, скрытно приготовленных и доставленных на позиции с наступлением темноты, могли бы быть двинуты к неприятельским окопам, разрушая и сметая все преграды и окопы, как огнем своих пулеметов, так и метанием с крыши ручных гранат. Они образовали бы большое число точек опоры для сбора на них британской пехоты и для ее наступления. Затем, их можно было бы двинуть вперед и для овладения второй линией окопов.

Стоимость этих машин будет невелика. Если опыт не удастся, какая в этом беда?

Простое благоразумие должно было побудить начать что-нибудь подобное два месяца тому назад. И, конечно, это следует сделать теперь.

Применение щита является несомненно другим опытом, который следует сделать в значительных размерах. Что до того, какой образец самый лучший? Следует изготовить большое количество различных образцов; и переносные, и годные для надевания, и для перевозки на колесах. Если грязь препятствует теперь действию щитов или машин с трактором, то первый мороз сделает их вполне действительными. Предвидя это, я заказал месяц тому назад 20 щитов на колесах, по лучшему чертежу, которым может располагать морской воздушный флот. Они скоро будут готовы и могут, если понадобится, быть использованы с целью опыта.

Третье средство, которым следует пользоваться систематически и в широком масштабе, это искусственно производимый дым. Можно приготовить маленькие боченки с сажей, которые выпускали бы при зажигании большое количество густого черного дыма; последний можно было бы прекращать по желанию. Есть и другие вопросы, тесно связанные с тем, на что я уже обратил Ваше внимание, но они такого секретного свойства, что я не могу доверить их бумаге.

Одна из самых серьезных опасностей заключается в том, что германцы, может быть, уже подготовляют все эти неожиданности, и что мы можем во всякое время очутиться лицом к лицу с совершенно новым видом атаки. В военном министерстве должна бы непрерывно заседать комиссия инженерных офицеров и других экспертов, чтобы намечать изобретения и рассматривать предложения; я повторил бы, что, в большинстве случаев, невозможно располагать длительными предварительными опытами.

---

*) 20 ярдов=25 шагам (примеч. ред.).

Если средства должны быть готовы к тому времени, когда они понадобятся, необходимо, чтобы промышленность одновременно занялась изготовлением их. Худшее, что может случиться,—напрасная затрата сравнительно небольшой суммы денег.

С совершенным почтением и проч.

Приблизительно в то же время, когда было написано это письмо, подполковник Свинтон снова поднял этот вопрос и доказывал желательность принятия спешных мер для его решения, но так как было установлено, что изготовление чертежей и постройка машины капитана Туллока потребуют для своего выполнения целого года, то это приводило, повидимому, к тому, что его предложение откладывалось.

1-го июня 1915 года подполковник Свинтон, вернувшись в то время во Францию, подал по этому вопросу в главную квартиру докладную записку, переданную затем главному инженеру генерал-майору Фоук на его заключение. Эта докладная записка может быть сведена к следующему. Главное наступление германцев направлено на Россию; поэтому, для достижения максимальной численности на востоке, германцам необходимо удерживать на западе только минимум сил; а, чтобы осуществить сокращение живой силы на западном фронте, германцы должны основывать там свою оборону на использовании пулеметов. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы справиться с пулеметами германцев. Возможны два решения:

1) Иметь достаточно артиллерии, чтобы пробиться через неприятельские линии.

2) Ввести в употребление бронированные истребители пулеметов.

В отношении второго решения полковник Свинтон изложил следующие требования: скорость 4 мили в час; способность подниматься в гору на 5 фут.; преодолевать рвы шириной 5 фут.; радиус действия—20 миль; вес около 8 тонн; команда—10 человек; вооружение—2 пулемета и одно скорострельное орудие. Далее, он предложил, чтобы этими машинами пользовались для неожиданных атак, скрывая их до этого позади линии нашего фронта в специально построенных углублениях, на расстоянии около 100 ядров одно от другого. В этой же записке указывалось, что эти истребители будут весьма полезны во время газовой атаки, так как они дадут возможность применить самые искусные средства для борьбы с газом.

Вышеупомянутая докладная записка была благосклонно принята сэром Джоном Фрэнчем, в то время главнокомандующим во Франции и, 22-го июня, она была представлена им военному министерству, с указанием на желательность поездки подполковника Свинтона в Англию для более полного выяснения своих соображений.

В то время, как подполковник Свинтон и капитан Туллок спешили со своими предложениями, адмирал сэр Реджинальд Бэкон разрабатывал третий план, в связи с которым министр распорядился в январе 1915 г. произвести опыт с трактором Фостера Дэймлера в 105 лош. сил, снабженным мостовым аппаратом для переезда через окопы. Почти в то же время такому же испытанию в Шубэринесе был подвергнут гусеничный трактор Гольта в 120 лош. сил, в связи с предложением Туллока. Оба испытания окончились неудачно.

Таким образом, положение в июне, поскольку дело касалось армии, было следующим. Были сделаны предложения подполковником Свинтоном, адмиралом Бэконом и капитаном Туллоком и переданы на заключение военному министерству. Было произведено несколько опытов, результатом которых, по мнению властей, должно было быть усовершенствование инженерного дела и преодоление некоторых затруднений. Только в июне 1915 года генерал-лейтенант сэр Джордж Скотт-Монкриф, директор фортификационных и строительных работ военного министерства, проявлявший вначале большой интерес к развитию этой идеи, заявил, что исследования в том же направлении были произведены и адмиралтейством; он тотчас же предложил создать „Соединенный Комитет Флота и Армии“ в целях общей разработки вопроса. Комитет был образован 15-го июня.

Работа адмиралтейства была до тех пор самостоятельной. В феврале 1916 г. Черчилль послал к Дэйнкурту, директору кораблестроения, копию заметок, касавшихся предложения нового типа военной машины, сделанного майором королевского воздушного флота Хетерингтоном (18-го гусарского полка). Эту машину можно описать, как настоящую колесницу Джагернаута, тяжело забронированную, мощную в атаке и способную двигаться без дорог.

Она состояла из платформы, поставленной на трех колесах, два ведущих спереди и одно рулевое сзади. Предполагалось снабдить ее тремя башнями по два 4-х дюймовых орудия в каждой, а двигательная сила должна была даваться ей группой моторов Дизеля в 800 лош. сил.

Проект был рассмотрен инженерами департамента воздухоплавания и интересны следующие, выработанные в то время, цифры:

Вооружение—3 двойных 4-х дюйм. башни с 300-ми снарядов на орудие. Лошадиных сил—800, с топливом на 24 часа.

Общий вес	300 тонн.
Броня	3 дюйма.
Диаметр колеса	40 футов.
Наружн. выгиб гл. колес	13 ф. 4 дюйма.

Наружн. загиб рулевого колеса	5 фут.
Общая длина	100 „
„ ширина	80 „
„ высота	46 „
Наивысшая скорость при хорошем грунте	8 миль в час.
Тоже при плохом грунте	4 мили „ „

Способность движения по всякой местности оказалась в этой машине вполне хорошей. Она не увязала ни в каком грунте, где могла пройти кавалерия, она проезжала водяные преграды, если только берег был крепок, от 20 до 30 футов водяной площади; она могла переходить броды глубиной до 15 футов, если только дно было прочно, и переезжать через отдельные препятствия до 20 футов высоты. Небольшие препятствия, вроде насыпей, болот, мостов, окопов, проволочных заграждений и обыкновенной лесистой местности, она преодолевала вполне свободно. Дейнкурт рассмотрел это предложение, но, придя к заключению, что машина будет тяжелее 1.000 тонн, решил, что постройка ее не будет практична. Дейнкурт указал на это Черчилю и предложил заменить машину майора Хетерингтона другим типом, меньшего размера и меньших требований. Черчиль с этим согласился, и для обсуждения вопроса был образован „Комитет сухопутных кораблей".

Но ранее его образования, началось обсуждение другого предложения. 14-го ноября 1914 года Диплок выдвинул некоторые предложения относительно применения рельсовой цепи для перевозки тяжелых орудий и военного снаряжения по неровному грунту. После беседы с Китченером, который не нашел это предложение полезным, Диплока направили в адмиралтейство и там он увидался с Черчилем, который, отнесясь к делу с интересом, предложил привезти для осмотра, на учение конногвардейцев, однотонную машину. Майор Хетерингтон взялся устроить это, и 12 февраля 1915 года была продемонстрирована машина с рельсовой цепью. Это произвело такое впечатление на Черчилля, что он решил вопрос о постройке блиндированного автомобиля с рельсовой цепью в утвердительном смысле.

„Комитет сухопутных кораблей" снесся с фирмой Вильяма Фостера в Линкольне, которая уже изготовляла тяжелые тракторы для адмиралтейства, и управляющий фирмой Триттон был приглашен сотрудничать в изготовлении двух образцов: первый—типа колесных тракторов и второй—типа тракторов с рельсовой цепью, причем последний был рекомендован председателем Компании тракторов с рельсовой цепью.

После отставки Черчилля изготовление 12 машин с рельсовой цепью остановилось, несмотря на то, что и моторы, и большая часть материала были изготовлены.

Выработка проекта, однако, продолжалась под руководством „Комитета сухопутных кораблей“ и, немного позднее, были получены, в целях испытания, гусеничные тракторы из Америки. В то же время вопрос об устройстве этих машин обсуждался с Триттоном, и одновременно лейтенант (ныне майор) Вильсон, опытный инженер, был привлечен в качестве консультанта, в результате чего был составлен проэкт, включавший в себе данные, окончательно принятые для танка. Таким образом, сухопутный крейсер или „танк“, как его называли позднее, начал свое существование, благодаря „Комитету сухопутных кораблей“, в такой момент, когда военные власти склонны были считать трудности, сопряженные с его постройкой, непреодолимыми.

После образования 15-го июня „Соединенного Комитета Флота и Армии“, было решено, в результате переписки между адмиралтейством и военным министерством, что опытная постройка сухопутного крейсера должна быть передана в качестве срочной военной работы адмиралтейскому департаменту. Затем, было выражено согласие на избрание в председатели комитета директора фортификационных и строительных работ, с тем, чтобы бывший председатель и члены „Комитета сухопутных кораблей“ продолжали свою работу, пока их содействие может потребоваться, а бывший морской министр Черчилль сохранил наблюдение за постройкой машин в продолжение периода испытаний. Членами комитета от военного министерства были назначены полковник генерального штаба Бэрд, полковник Хольден и майор Уиллер.

В начале июля министр снабжения Ллойд-Джорж обсуждал с Бальфуром (ныне морским министром) вопрос о передаче адмиралтейством производства машин министерству снабжения. Тем не менее, было решено, что адмиралтейство должно быть ответственно за изготовление первой пробной машины, при чем директор судостроения ответственен за выполнение этой работы.

В июле 1915 года подполковник Свинтон вернулся в Англию, чтобы принять на себя обязанности помощника секретаря „Комитета Имперской обороны“. Он тотчас же взялся за согласование всех частных и оффициальных попыток того времени, имевших отношение к устройству гусеничных тракторов. В начале сентября он посетил Линкольн и осмотрел машину, известную под названием „Маленький Вилли“(Литль-Вилли), а 10-го того же месяца написал майору Гесту, секретарю „Комитета опытов“, следующее:

„Из флота торопят с первым образцом гусеницы... им удалось соорудить зверя, переезжающего через возвышения в 4 ф. 6 дюймов и вертящегося на своей собственной оси, как собака с блохой в хвосте“...

Несмотря на свою скорость, эта машина была забракована в пользу „Большого Вилли“ (Биг Вилли), модель которого была выстроена под руководством „Соединенного Комитета“, по чертежу машины, спроэктированной Триттоном и лейтенантом Вильсоном, согласно требований, выставленных подполковником Свинтоном в его докладной записке от 1-го июня.

Что касается этих требований, то на следующий день после упомянутого письма, „Комитет опытов“ главной квартиры послал следующие соображения, вытекающие из первоначального предложения полковника Свинтона, секретарю „Комитета императорской обороны“. Их стоит привести, т. к. они предусматривают многие характерные черты, присущие танку марки I.

1) Цель, для которой требуется крейсер с гусеничным трактором или блиндированный форт, состоит в использовании его в большом числе в связи с общей пехотной атакой на широком фронте, или в отдельных эпизодах этой атаки.

2) Как общий принцип, более желательно иметь большое количество небольших крейсеров, чем малое количество больших.

3) Броня крейсера должна быть непроницаемой для сосредоточенного огня винтовок и пулеметов, но не для огня артиллерии. Весь крейсер должен быть окован броней.

4) Тактическая задача крейсера—атака; в его вооружение должно входить орудие с хорошей меткостью до 1,000 ярдов, и, по крайней мере, два пулемета Люиса, из которых можно было бы стрелять через бойницы в стороны и назад.

5) Команда должна состоять из 6 человек—два к орудиям, по одному к каждому пулемету Люиса и два шоффера.

6) Гусеница должна иметь способность переезжать через воронки, получившиеся от разрыва сильно взрывчатых снарядов, до 12 футов в диаметре, до 6 фут. глубины, с покатыми стенками; переезжать сквозь колючие проволочные заграждения значительной ширины и через неприятельские окопы с отвесными стенками и до 4 фут. ширины.

7) Крейсер должен иметь способность движения со скоростью не менее $2^1/_2$ миль в час по пересеченной местности и действовать в течении не менее 6 часов последовательного движения.

8) Колеса крейсера должны быть или гусеничной сложной или гусеничной простой системы; смотря по тому, какая окажется более подходящей для переезда по болотистой и скользкой местности.

Большинство из этих требований уже были осуществлены в деревянной модели „Большого Вилли“, которая была осмотрена в законченном виде в Вемблей 28-го сентября. Эта модель была принята, как основная для последующих построек, в действительности же она была первым приближением к теперешней машине марки I.

Большой Вилли имел, примерно, 8 ф. высоты, 26 ф. длины, 11 ф. ширины без спонсона и на 3 ф. шире с ним. Его вооружение состояло из двух 6-дюймовых орудий и двух пулеметов, а команда должна была состоять из одного офицера и 9 солдат.

На следующий день „Соединенный Комитет" собрался в адмиралтействе и решил, что нужно установить следующие специальные качества для машины: вес—22 тонны, скорость $3^1/_2$ мили в час, способность проходить рвы шириной до 8 фут. и способность подниматься на $4^1/_2$ фута высоты.

3-го декабря, Черчилль отправил в главную квартиру записку под заглавием „Варианты наступления", в которой он подчеркивал необходимость обратить большее внимание, чем это было сделано, на „бронированную атаку", причем главной задачей брони должно являться сохранение подвижности. Он подавал мысль о совместном пользовании гусеничным трактором и щитом. Гусеницы должны пробить укрепленную линию противника и, затем, повернуть направо и налево, а пехота—следовать за ними под прикрытием непроницаемых для пуль щитов. Затем предполагалось, что атаку следовало вести ночью при содействии прожекторов. В остальной части записки говорилось об „атаке траншейными мортирами", „атаке с лопатой" и „атаке на первую линию".

В день Рождества 1915 года сэр Дуглас Хейг, только что принявший командование над экспедиционными силами во Франции, прочел эту записку и желая ближе ознакомиться с упомянутыми в ней гусеницами, командировал в Англию подполковника Элеса (позднее командира корпуса танков) для точного выяснения положения дела. 8-го января этот офицер письменно докладывал следующее.

„Имеются два учреждения, изготовляющие сухопутные крейсера: а) Департамент окопной войны [1]), работающий отдельно и в) Комитет сухопутных кораблей при адмиралтействе, работающий вместе с военным министерством.

Первое не изготовило еще ни одной машины; предполагаемый размер таковой будет 10 фут. высоты, 14 фут. 6 дм.

---

[1]) Машина, которую строил Департамент окопной войны, представляла собой автомобиль с двойными тележками по проекту „Компании рельсовой цепи", 12 штук которых, следует помнить, были первоначально заказаны „Комитетом Сухопутных Кораблей" и случайно не закончены. Эта машина появилась следующим образом:

В течение лета 1915 года Департамент окопной войны запросил Компанию гусеничных тракторов по поводу проэкта прожектора вместимостью на 12.000 галлонов горючего. Кампания рельсовой цепи предложила для перевозки последнего свой первоначальный проэкт, который был принят Департаментом окопной войны, несмотря на то, что его не одобрил „Комитет Сухопутных кораблей".

Одна машина была заказана и построена в Батзе фирмой Стотерт и Питт, рельсовая цепь была изготовлена Компанией Метрополитена, а рама—фирмой Вильяма Ароль.

Выстроенная машина весила 32 тонны без нагрузки, была снабжена двумя моторами Астора по 100 лошадиных сил и при испытании в Салисбюри развила скорость до 15 миль в час.

Закончена была только одна такая машина, потому что мысль о механической перевозке прожекторов была временно оставлена.

ширины и 36 ф. длины; проект второго учреждения заканчивается постройкой (т.-е. Большой Вилли)".

До 20 декабря 1915 года общая стоимость опытов была покрыта адмиралтейством, которое также поставляло рабочих из состава эскадры № 20 королевского воздушного флота. Адмиралтейство, фактически, было творцом сухопутного крейсера и несло ответственность за него со времени первого его появления.

24-го декабря были вынесены следующие постановления на совещании при Управлении „Комитета Имперской Обороны":

1) В случае, если военный совет, после осмотра последнего опытного сухопутного крейсера, решит, что такие машины должны быть доверены „Исполнительному Комитету Снабжения", последний, в целях соблюдения тайны, должен быть наименован „Комитет снабжения танками" [1]) и должен начать деятельность, как только будет вынесено решение военного совета.

2) Этот комитет должен быть ответственен за изготовление гусеничных пулеметов-истребителей или сухопутных крейсеров одобренного типа, за совершенство их во всех отношениях при действии, включая главное и вспомогательное вооружение. Он должен получать инструкции по снабжению и проектам непосредственно от генерального штаба, причем необходимые финансовые распоряжения должны исходить от заведывающего счетным отделением военного министерства.

3) В целях дать комитету возможность выполнить свою работу с наибольшей продуктивностью и минимумом переписки, он будет иметь право делать заказы и непосредственно сноситься с любым правительственным учреждением. Чтобы иметь возможность выполнять это, он должен иметь, как только начнется его работа, кредит на сумму, равную стоимости 50 машин, каковая сумма должна быть увеличена впоследствии, по мере надобности, дальнейшими суммами, необходимыми для выполнения строительной программы, одобренной генеральным штабом. Комитет должен также быть уполномочен на все необходимые затраты, имеющие отношение к производству опытов, приглашению сотрудников, поездкам и другим непредвиденным расходам во время развития дела.

4) Когда машины будут изготовлены и снаряжены, они должны быть переданы военному министерству в целях обучения их команд обращению с ними.

5) Комитет должен быть переизбран под председательством лейтенанта Стерна.

6) Так как офицеры королевского воздушного флота перестанут считаться служащими там, как только „Комитет Снабжения танками" будет организован, то должны быть отданы распоряжения, чтобы их оплачивали из того же источника, который пойдет на покрытие стоимости постройки сухопутных крейсеров и даны им назначения с военными чинами, сообразно с важным значением их обязанностей.

---

[1]) Это было первое появление в истории машиностроения слова „танк". До декабря 1915 года машины, ныне известные под названием „танков", назывались в своей опытной стадии „сухопутными судами и крейсерами", а также „гусеничными пулемето-истребителями". 24 декабря при составлении вышеизложенного постановления Совещания, полковник Свинтон высказал мысль, что употребление таких названий выдает тайну, которую необходимо сохранить. После совещания с подполковником Дэли-Джонсон, помощником секретаря при „Комитете Имперской Обороны", полковник Свинтон предложил следующие названия: „цистерна", „резервуар" и „танк", которые все подходили к первоначальному устройству машины в ее стальных частях. Так как слово „танк" было менее неуклюже и односложно, остановились на нем.

Пробная машина была закончена к концу 1915 года и ее предварительные испытания дали многообещающие результаты.

30 января 1916 года Дейнкурт, как глава „Адмиралтейского Комитета", которому была доверена постройка пробной машины, написал лорду Китченеру, что машина готова к осмотру и соответствует всем требованиям военного министерства, а именно, что она может перевозить орудия, истреблять пулеметы, проходить сквозь проволочные заграждения и проезжать через окопы противника, все время предохраняя от поражения свою собственную команду. Дейнкурт так же предлагал немедленно заказать некоторое количество машин этого образца, без серьезных изменений, развивая, одновременно с постройкой их, проэкт более могущественной машины.

2-го февраля первое официальное испытание новой машины произведено в Хетфильде и очевидцами его были лорды адмиралтейства, Ллойд-Джорж, Маккенна и различные представители военного министерства и министерства снабжения. Вслед за этим испытанием, главная квартира во Франции 8-го февраля дала одобрительный отзыв о машине, с просьбой снабдить армию некоторым количеством таковых.

Результатом испытания в Хетфильде было решение образовать небольшую войсковую часть в составе пулеметного корпуса и назвать ее „тяжелым отделением", а подполковник Свинтон был назначен командовать им, имея штаб в Лондоне, причем учебный лагерь был сначала устроен при Бизли, а позже переведен к Эльведену около Тетфорда.

Так как „Комитет Адмиралтейства", имевший председателем директора судостроения, окончил свою работу и создал машину, совершенную во всех отношениях и удовлетворяющую всем требованиям, то было решено, что министерство снабжения возьмется за производство этих машин. Поэтому, 10 февраля военный совет обратился к лордам адмиралтейства с письмом, прося их передать „самую горячую благодарность военного совета директору судостроения Дейнкурту и его комитету за их работу по созданию машины для нужд армии и Триттону и лейтенанту Вильсону, за их труды по проэктированию и постройке".

Двумя днями позже, 12-го февраля, „Соединенный Комитет" был распущен и новый комитет, в точности придерживаясь постановлений совещания, собиравшегося при управлении „Комитета Имперской обороны", был образован при министерстве снабжения, и стал известен под именем „Комитета снабжения танками".

14 февраля 1916 года Дейнкурт написал следующее письмо, приводимое нами полностью, подполковнику Черчиллю, командующему 6-м королевским Шотландским стрелковым полком во Франции, инициатива и дальновидность которого

были истинными виновниками развития танка, как военной машины:

„Дорогой полковник Черчилль. Я могу с величайшим удовольствием сообщить Вам, что военное министерство, наконец, заказало 100 сухопутных судов по образцу, недавно выдержавшему весьма успешные испытания. Сэр Д. Хейг присылал несколько своих сотрудников с фронта. Лорд Китченер и Робертсон, а также члены адмиралтейства также были на испытании. Машина оказалась оконченной почти во всех подробностях и в соответствии со всеми требованиями, предъявленными мне военным министерством. Проезд через окопы и т. п. ничего ей не стоил, и, в заключение, мы показали им, как она может переехать через ров в 9 фут. ширины, взобравшись предварительно на отвесный вал в 4 ф. 6 д. высоты. Она проходит сквозь проволочные заграждения, как носорог сквозь засеянное поле. Она везет два 6-ти фунтовых орудия в спонсонах и около 300 патронов, а также небольшие пулеметы и неуязвима для пулеметного огня. Ее можно перевозить по рельсам (сняв спонсоны и пушки и облегчив ее) и очень скоро собрать для действия. Приезжал король и видел ее и был весьма поражен исполнением, также, как и все прочие. В сущности, они все были изумлены. Машина может сильно совершенствоваться, но, чтобы иметь своевременно достаточное количество таковых, я настоятельно предлагаю заказать их немедленно по известному уже всем нам образцу. Как Вам известно, понадобилось много времени и беспокойства, чтобы добиться усовершенствования этого предмета и получить практичную, легко изготовляемую машину; мы испытали различные типы и сделали много опытов. Я сожалею, что это так долго продолжалось, но работа пионеров всегда требует много времени и не было ни одной проволочки, которую можно было бы избегнуть, хотя я просил заказать десять машин для учебных целей два месяца тому назад. Мне было также довольно трудно провести свой план среди подводных камней противодействия и предательских мелей равнодушия, так часто создаваемых теми, кто становится поперек большой дороги прогреса.

„Теперь весьма важно сохранить дело в тайне и выстроить машины сразу и совершенно неожиданно. Я уже приступил к производству под руководством министра снабжения, который очень внимателен к этому; адмиралтейство также разрешило мне продолжить дело с тем же комитетом, но председателем там теперь Стерн.

„Я прилагаю фотографию машины. По виду, она скорее похожа на допотопное чудовище, особенно, когда она вылезает из болотистого грунта, по которому она проезжает свободно. Задние колеса образуют руль для описывания кривой и также облегчают толчек о насыпь и т. п., но не являются абсолютно необходимыми, т. к. машина может быть направляема и повернута на всю свою длину по независимому подвижному полотну".

В промежуток времени между своим образованием и следующим августом, „Комитет снабжения танками" подвергся некоторым легким изменениям в организации, причем распределение обязанностей в нем все более и более приводило к централизации. Вскоре после образования его, был создан при министерстве снабжения „Департамент снабжения танками" для работы с „Комитетом Снабжения танками". Этот Комитет участвовал в доставке машин и был ответственен за выпуск из мастерских танков, действовавших в битве на Сомме.

1-го августа 1916 года „Комитет снабжения танками" принял следующее решение, одобренное министром снабжения:

„Комитет снабжения танками должен в будущем именоваться „Совещательным Комитетом при департаменте снабжения танками".

Подкомиссия, в составе Дейнкурта, Бэсселя и председателя, должна быть назначена для решения вопросов о проэктах и способах их осуществления".

22-го августа комитет был распущен на том основании, что организация снабжения танками должна быть приурочена к организации других департаментов министерства снабжения; это повело к образованию „департамента механического военного снабжения" с лейтенантом Стэрном в качестве председателя. Департамент продолжал существовать с этого момента до конца войны. У него были широкие полномочия, обнимающие производство, устройство, осмотр танков и снабжение ими армии; энергия его была безгранична.

В то время, как происходили все эти перемены, танки строились, команды набирались и обучались и 13-го августа 1916 года первый отряд из 13 танков, составлявший половину роты „*C*", выехал из Тетфорда во Францию, а 22-го августа за ним последовало еще 12 танков, чем и была дополнена рота „*C*". 25-го августа половина роты „*D*" отбыла из Тетфорда во Францию, а 30-го августа остальная часть роты последовала за ней. По прибытии во Францию, танки были доставлены в Ивранш, близ Абевиля, где был устроен учебный лагерь под начальством подполковника Броуф, выехавшего во Францию 3-го августа для производства необходимых распоряжений. 4-го сентября полковник Броуф, организовав обучение, вернулся в Англию, а подполковник Бредлей принял вместо него командование тяжелым отделением.

Главной квартирой было решено, что танки должны будут принять участие в предстоявшем большом наступлении на Сомме 15-го сентября; в виду этого, 7-го, 8-го и 9-го того же месяца, роты „*C*" и „*D*" двинулись на передовые позиции и расположились у узловой железнодорожной станции Люп, недалеко от селения Брей на Сомме.

ГЛАВА III.

Особенности механизма танков.

Нижеследующее очень краткое описание особенностей механизма танков, надо полагать, окажется достаточно простым и полным, чтобы дать незнакомому с прикладной механикой читателю некоторое понятие о танке, как о машине.

Танк марки I. (Рис. 7).

Первым назначенным для пользования британским танком была, уже описанная в предыдущей главе, тяжелая машина-танк марки I, общее очертание корпуса которой осталось неизменным до конца войны для всех британских танков. Как

Рис. 7. Танк марки I.

будет указано ниже, постепенно было введено много технических усовершенствований для получения более действительной и легко управляемой машины, но тот факт, что профиль танка марки V 1918 года осталась во всех отношениях профилью марки I 1916 года, является поразительным показателем гения конструкторов, которые, не имея еще практических данных, на которых можно было бы обосновать работу, дали машину-родоначальника.

Здесь не предполагается входить в рассмотрение общего устройства танка марки I, но упоминание о двух характерных особенностях его конструкции не будет лишено интереса.

Первая из них заключается в том, что машина была снабжена „хвостом", состоящим из пары тяжелых, большого диаметра, колес, собранных в задней части танка на тележке, которая сцеплялась с танком таким образом, что колеса могли свободно перекатываться по различным неровностям грунта. Несколько сильных пружин прижимали обода колес к земле, между тем, как гидравлический механизм, приводимый в действие от машины масляным насосом, давал возможность поднимать колеса над землей.

Назначением этого хвостового приспособления было давать направление движению машины и для этой цели у шоффера имелось рулевое колесо, которое, приводя в движение канат на катушке или барабане, изменяло путь хвостовых колес и, при благоприятных условиях, заставляло танк идти по окружности с диаметром около 55 метров. Однако, недостатки этого приспособления превосходили его достоинства. Бесчисленные затруднения вызывались гидравлическим механизмом и его насосом; проволочный рулевой канат, растягиваясь или скользя на катушке, приводил к неподвижности хвостовые колеса, от шоффера требовались неимоверные физические усилия для преодоления громадного сопротивления колес и, наконец, все устройство легко могло быть подвержено повреждению артиллерийским огнем в бою. В противовес этим недочетам должно отметить тот факт, что наличие в танке марки I хвоста давало ему возможность переходить через более широкие окопы по сравнению с бесхвостыми машинами тех же размеров, так как колеса, поддерживая заднюю часть танка над точкой качания, значительно уменьшали риск „нырнуть хвостом". Однако, к концу операций 1916 года у всех танков хвосты были отрезаны и последующие образцы уже не снабжались ими.

Вторая интересная особенность этих первых танков касается их спонсонов [1]). Они, как у самцов, так и у самок [2]) (вооруженных соответственно 6-фунтовыми орудиями полной длины и пулеметами Виккерса), накладывались и приболчивались к стенам корпуса, а для погрузки на поезда их надо было отнимать и перевозить на тележках, которые могли буксироваться за танками. Само собой понятно, что такого рода устройство требовало значительного количества работы и сильно замедляло погрузку танков на поезда; этот недостаток заставил на танке марки IV применить спонсоны более совершенной конструкции.

Главные недостатки, выявившиеся в танке марки I при первом его выступлении, были следующие.

---

[1]) Выступы на боковых стенках корпуса танка (прим. ред.).

[2]) Самцом принято было именовать пушечную машину, самкой — пулеметную (прим. ред.).

Машина не была снабжена глушителем и вследствие этого большой шум, искры и даже пламя, вырываясь из открытых выводных труб на крыше танка, представляли серьезную опасность во время приближения танка к противнику.

Многие изобретательные команды приспособляли к своим машинам примитивные глушители из жестянок из-под масла или гасили искры, пользуясь запасом мокрых мешков или, наконец, прикрывали выводную трубу глиной и грязью.

Наблюдение извнутри машины было скверное и поэтому действительное управление огнем было невозможно.

Имевшиеся средства для входа в танк и выхода из него были неудовлетворительны и в типе „самка“ (пулеметный танк) быстрое очищение танка, в случае пожара, было затруднительно.

Весь запас бензина находился внутри машины и притом в ее уязвимом месте, — обстоятельство, которое усиливало риск возникновения пожара при попадании в резервуар с бензином бронебойной пули или снаряда. Кроме того, единственным способом питания карбюратора горючим являлось питание самотеком из баков с бензином на носу танка; поэтому часто случалось, что при наклонении танка носом вниз, питание прекращалось и приходилось прибегать к опасному способу „питания вручную“.

Танки марки II и III.

Эти машины были построены в небольшом числе и их отличие от марки I заключалось лишь в различных мелких усовершенствованиях несущественного характера.

Танк марки IV. (Рис. 8).

В 1917 году этот танк сделался основной боевой машиной корпуса танков и применялся в боях в течение всего этого и последующего годов. Как уже указывалось выше, по наружному очертанию этот танк настолько походил на танк марки I, что ознакомление с основными чертами его устройства может служить, вообще говоря, иллюстрацией развития конструкции танков до этого времени. Полная длина машины равнялась 8,1 метр., ширина типа „самка“, считая спонсоны,—3,2 метр., а мужского 4,1 метр. Высота машины равнялась 2,5 метр., а ее вес со снаряжением 28 тоннам. Вооружение состояло в типе „Самец“ из двух 6-фунтовых пушек и четырех пулеметов, а в типе „Самка“ из четырех пулеметов; танк был снабжен 6-цилиндровым бесклапанным мотором „Даймлер“ в 105 лошадиных сил, который, однако, позже, на небольшом числе танков, был заменен

мотором в 125 лошадиных сил. Эту увеличенную мощность получили от применения алюминиевых поршней, сдвоенных карбюраторов и увеличения числа оборотов мотора.

Вообще говоря, эти моторы вызывали очень мало хлопот, хотя иногда их мощность оказывалась недостаточной для работы, которую они должны были выполнять. Следует добавить, что они оказались особенно подходящими с точки зрения простоты ухода за ними, в противовес машинам

Рис. 8. Танк марки IV.

с обычным клапанным распределением, где всегда неизбежен риск плохой пригонки и притирки.

Сила от маховика мотора передается через посредство жестких и гибких соединений к коробке скоростей (две скорости и задний ход); эта коробка известна под названием первой передачи и находится под непосредственным управлением шоффера, который может, таким образом, сам, без посторонней помощи, поставить на первую и вторую скорость и дать задний ход.

Червяк выходящего из коробки скоростей вала приводит во вращение зубчатое колесо большой редукционной передачи, при чем эта последняя служит также и дифференциалом, дающим возможность вращать рабочие, сцепленные с гусеницей, колеса с различной скоростью. Шоффер имеет возможность, посредством особого приспособления, блокировать дифференциал, когда он желает итти прямым курсом вперед или когда танк проходит через окопы и другие препятствия. При блокированном дифференциале передача становится, если так можно выразиться, „жесткой", и тем уменьшается риск скольжения одной из гусениц в скверном грунте, что легко может заставить танк соскользнуть боком в ров и завязнуть.

Вначале некоторое затруднение вызывалось поломкой замыкающих муфт, но впоследствии эта деталь была улучшена и сделана более прочной.

Выходящий из коробки скоростей вал заканчивается в тормазном барабане, лента которого нажималась педалью, находящеюся у ноги шоффера. Быть может, небезинтересно здесь отметить, что совокупность упомянутых до сих пор частей, т.-е. мотор, коробка скоростей и дифференциал, составляли хорошо известные элементы трактора Фостер-Даймлера довоенного времени и к ним надо было лишь придать прочие мелкие части; это, конечно, много облегчало проектирование.

С каждой стороны коробки дифференциала выступают поперечные валы, наружные концы которых поддерживаются подшипниками, установленными на наружной стенке танка, а между внутренней и внешней стенами корпуса танка, на снабженных пазом частях обоих поперечных валов, установлено по паре скользящих шестеренок.

В дальнейшем описании передачи достаточно говорить об одной стороне танка, так как обе стороны имеют совершенно одинаковое устройство.

Скользящие шестеренки, о которых упоминалось выше, управлялись посредством коротких рычагов двумя рабочими-передатчиками; их единственной обязанностью было оказание помощи шофферу, подававшему им сигналы со своего сидения в передней части танка, сами же передатчики были расположены на сиденьях в задней части машины над первичной коробкой скоростей. Скользящие шестеренки были двух размеров, известных под названием шестеренок большой и малой скорости, а непосредственно за ними находилась другая пара зубчатых колес также различных размеров, с которыми скользящие шестеренки могли соединяться по желанию,—другими словами, с каждой стороны танка находилось приспособление, известное под названием вторичной коробки скоростей, при чем каждая из этих коробок давала возможность установки на одну из двух скоростей.

Таким образом, ясно, что весь механизм танка давал шкалу в четыре скорости. Предполагая, что вторичные коробки стояли на малой скорости, шоффер, действуя на первичную передачу, имеет выбор между первой и второй скоростью, при желании же получить третью или четвертую скорость (наивысшую), он должен подать сигнал передатчикам для установки их передач на большую скорость и помочь им в этом производством целого ряда сцеплений. Вряд ли нужно указывать, что такой механизм был крайне груб и часто вызывал большую потерю времени и хладнокровия. Можно также указать, что упомянутая реверсивная передача была значительно выше наименьшей скорости вперед и поэтому не всегда являлась возможность во-время дать ход назад от препятствия, в котором танк мог бы завязнуть.

Тормоза с ручным приводом находились под управлением командира танка, помещавшегося рядом с шоффером в пе-

редней части танка и были включены во вторичную коробку скоростей. Эти тормоза, препятствуя движению одной или другой гусеницы, позволяли в некоторых пределах управлять направлением движения танка при незамкнутом дифференциале, тогда как, замыкая дифференциал и ставя, скажем, правую вторичную передачу на нейтральное положение, можно было, приложением правого тормоза, повернуть танк вправо, вокруг его оси. Для поворота влево надо было включить правую вторичную передачу, левую передачу поставить в нейтральное положение, замкнуть дифференциал и зажать левый тормаз. От вторичной коробки скоростей усилие, посредством цепи Ковентри (Галля), передается в заднюю часть танка на зубчатые колеса, имеющие с каждой стороны колеса, сцепленного с цепью, два тяжелых зубчатых колеса, находящихся в постоянном сцеплении с последними цепными ведущими колесами, которые, захватывая, в свою очередь, за болты звеньев гусеницы, продвигали танк по образуемому ею трэку.

Каждая гусеница нормально состояла из девяноста пластин или башмаков, соединявшихся между собой посредством пальцев (двух на башмак) и шплинтов, при чем пальцы эти, как указано выше, входили в сцепление с ведущими колесами.

Вес машины передавался трэку через ролики, сама же гусеница поддерживалась наверху корпуса танка поперечниками или рельсами.

Регулирование гусеницы достигалось движением холостого колеса, которое направляло ее в носовой части танка. Впоследствии были введены улучшения в виде грязеочистителей гусеницы и приспособлений для смазки колес вторичной передачи. Следует напомнить, что, до введения грязеочистителей, пол внутри танка часто покрывался слоем жидкой грязи в несколько дюймов толщиной; грязь переносилась цепями и выходила через вторичную передачу.

Вначале питание машины марки IV производилось по системе с давлением, которая вызывала много хлопот, а так как она, кроме того, считалась опасной, то, в конце концов, от нее отказались в пользу системы „Вакум", которая высасывала горючее из бака, установленного снаружи машины, и подавала его самотеком в карбюратор.

Охлаждение машины осуществлялось сначала посредством радиатора в виде медной рубашки, а так как этот тип вызывал много хлопот, то его заменили радиатором трубчатого типа.

Установленный нормальный глушитель с длинной выводной трубой в задней части танка значительно уменьшил шум машины и сделал приближение к неприятелю менее рискованной операцией, чем это было при более ранних образцах. Спонсоны могли откидываться в случае необходимости внутрь машины и хлопотливой работе отнятия их от

корпуса танка был положен конец. Для возможности осуществления этой перемены на танках были установлены короткие 6-фунтовые пушки.

Для усиления сцепления гусениц со скверным грунтом, впервые для этой машины были введены съемные „сошники", так же, как и в высшей степени удачное приспособление для вытаскивания завязших танков. Последнее состояло из бруса, несколько большей длины, чем полная ширина танка, который прикреплялся к каждой гусенице посредством зажимов и цепей. Это бревно волочилось вокруг всего танка, помогая ему переползать через скользкие места.

Были сделаны усовершенствования для более легкого доступа в танк и более быстрого выхода из него, так же как и достигли лучшего и более безопасного наблюдения из танка и управления его огнем.

Танк марки V. (Рис. 9).

Введение танка марки V, который является основным современным британским танком, знаменовало осуществление большого прогресса в скорости движения, легкости маневрирования, увеличении радиуса действия, простоте управления танка и действительности наблюдения из него.

Размеры и вес этого танка были приблизительно такими же, как и у танка марки IV, а конструкция корпуса все еще

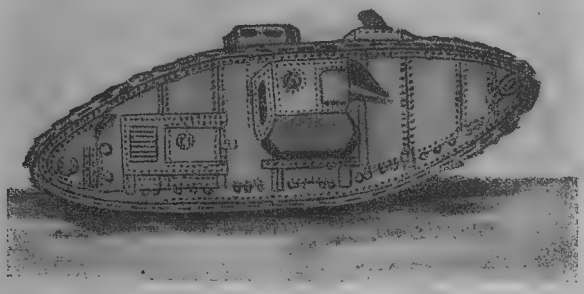


Рис. 9. Танк марки V.

близко совпадала с корпусом основного танка марки I. Танк был снабжен 6-ти цилиндровым клапанным мотором Рикардо, специально спроектированным для службы в танках; появление танка марки V повлекло за собой необходимость прохождения курса обучения с мотором для всего личного состава корпуса танков, так как лишь немногие из офицеров

и прочих чинов корпуса имели в это время опыт ухода и регулирования этих моторов.

Мотор Рикардо, хотя несколько необычной конструкции, оказался в высшей степени пригодным и, при должном внимании и уходе, вызывал очень немного хлопот. Усилие от мотора передавалось, через дисковое сцепление в маховике, к коробке скоростей на четыре скорости; непосредственно за коробкой была помещена реверсивная передача, дававшая задний ход на всех скоростях. Включенный в реверсивную передачу поперечный вал имел на каждом конце (в том же самом относительном положении, как и вторичные передачи, о которых говорилось при описании марки IV), эпициклическую передачу.

Здесь не предполагается входить в подробное описание этой передачи, но следует указать, что ее можно рассматривать, как комбинированную в одном механизме редукционную передачу и сцепление.

Передача усилия от эпициклической передачи к гусенице следовала тем же принципам, как и для танка марки IV, исключая того, что здесь не было второлинейных зубчатых колес, как во вторичной передаче предшествовавших танков, а цепь Галля танка марки V проходила прямо от единичной эпициклической передачи к шестерням, вращающим ведущие колеса гусениц.

Все вышеперечисленные части находились под непосредственным управлением шоффера, который один мог выполнять все операции, требовавшие раньше участия четырех человек. Для этой цели шоффер имел ручные рычаги и ножные педали.

Для изменения направления движения танка, шоффер должен был лишь поднять рычаг эпициклической передачи той стороны, в которую он желал повернуть. Результатом этого поднятия было расцепление с гусеницей этой стороны и танк, при работе другой гусеницы, поворачивался около холостой стороны.

Если необходим был крутой поворот, ножным торможением автоматически затормаживалась холостая гусеница.

Питание машины горючим производилось по системе Вакума, как и в танке марки IV. Охлаждение достигалось радиатором трубчатого типа, при чем вода охлаждалась воздухом, втягиваемым снаружи танка через вентиляционные отверстия в левой стороне корпуса и выталкиваемым через такие же отверстия с правой стороны танка. Машина была совершенно закрыта кожухом из листового железа, горячий воздух из которого выгонялся вентилятором Кейта через крышу танка. Вооружение марки V было таким же, как и в марке IV, и спонсоны были того же типа.

Отсутствие об'емистой, имевшейся в предшествующих образцах, дифференциальной передачи позволило расположить пулемет у задней стены танка, так же как и дало возможность устроить широкие входные двери в задней части крыши.

Танк был снабжен значительно улучшенного типа задней кабиной, благодаря чему получилось всестороннее хорошее наблюдение и явилась возможность прикреплять брус для вытаскивания увязших танков извнутри. Это достигалось посредством откидных ставень в задней кабине марки V, в предшествовавших же танках команда при увязаниях должна была подвергать себя действию неприятельского огня, так как брус мог быть одет и снят лишь снаружи танка.

Танк марки V с одной звездой.

Танк марки V со звездой был на 182 см. длиннее марки V и вес танка типа „Самец" со снаряжением равнялся приблизительно 33 тоннам. Ни в вооружении, ни в численности команды, состоявшей всего из 8 человек, разницы не было. Помимо своей команды, этот танк мог перевозить от 20 до 25 человек других войск и мог переходить через рвы в 4,3 метра шириной, тогда как марка V переходила лишь через 3-метровые рвы.

Общее механическое устройство танка соответствовало устройству марки V; были приняты те же моторы и те же передачи, с добавлением, однако, карданного вала между маховиком и коробкой скоростей, что обусловливалось большей длиной танка.

Маневрирование танка марки V со звездой было относительно медленным; это об'яснялось большей величиной площади соприкосновения гусеницы с грунтом.

Средняя марка А или „Уиппет" танк [1]) (рисунок 10).

Танк средней марки А, известный также под названием Чейзера [2]) и Уиппета, был основным типом легкой британской машины и имел конструкцию совершенно отличную от тяжелых образцов. Его вес со снаряжением равнялся приблизительно 14 тоннам, а длина, высота и ширина равнялись соответственно 6,1 м., 2,7 м. и 2,6 м. Команда его состояла из 3-х человек. Максимальная развиваемая им скорость рав-

[1]) Уиппет—английское название собаки, помеси гончей с терьером известной своим быстрым бегом. (Прим. ред.).

[2]) Чейзер—преследующий, гонящий. (Прим. ред.).

нялась около 8,3 миль в час, и он мог переходить через окопы приблизительно до 2,1 метр. шириной.

В этой машине гусеницы не обходили поверх корпуса, как в тяжелых танках, а оба трэковых пути составляли самостоятельную часть и дорожные элементы как бы для шасси, на котором были установлены машинные помещения и боевая кабина. Спонсоны отсутствовали и танк управлялся и вел

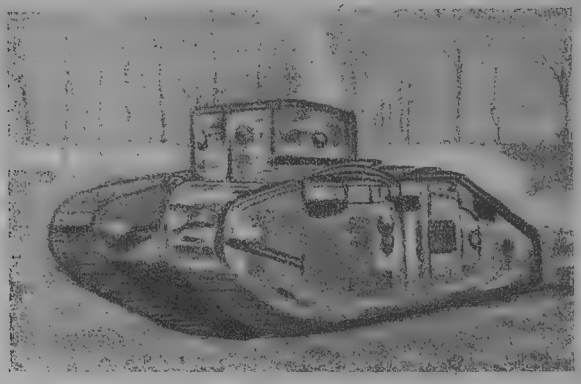


Рис. 10. Танк марки А Уиппет.

бой из кабины позади машины, где можно было поставить три пулемета.

Каждый танк был снабжен двумя 45-сильными 4-х цилиндровыми моторами Тейлора, питаемыми по системе Вакума и охлаждаемыми трубчатым радиатором, снабженным двумя вентиляторами, приводимыми в движение цепями от каждого коленчатого вала.

Усилие каждого мотора передавалось посредством жестких и гибких сцеплений, коробки скоростей (4 скорости) и механизма реверсивного действия, к содержащей две червячные передачи коробке, помещенной в задней части танка. Два вала этих червячных передач находились в одной линии и внутренние их концы почти касались друг друга; на каждом из этих концов была укреплена половина кулачкового сцепления и одну из этих половин можно было, движением в направлении оси вала, привести к сцеплению с другой и тем сомкнуть оба вала в один.

Один из этих валов имел механизм с фракционным сцеплением, назначенным ограничивать передачу силы от одного вала к другому, приблизительно в размере 12 лошадиных сил.

Отсюда видно, что было возможно либо заставить каждую машину вращать в отдельности свой вал, либо, при

прямом курсе танка, сомкнуть валы и заставить оба мотора вращать их с одной определенной скоростью, при условии, что разница в развиваемых машинами мощностях не превышала бы 12 лошадиных сил. На червячные валы можно было передавать действие ленточных тормазов и от них же приводили в движение вентилятор, нагнетавший воздух в машинное помещение.

Возвращаясь к подробностям системы передачи, надо сказать, что каждый поперечный вал, выходящий из коробки червячной передачи, заканчивался „валом, вращающим цепную шестеренку", и наружные их концы поддерживались в боковых стенках гусеничных рам шарикоподшипниками. Надетые на этом валу цепные шестеренки передавали, посредством роликовой цепи, усилие на последние ведущие колеса, зубья которых, входя в пазы звеньев гусеницы, продвигали танк по трэку. Каждая гусеница нормально состояла из 67 пластин или башмаков, рамки же служили, как для передачи веса танка на трэк, так и для поддержания гусеницы поверх трэкового пути. Натягивание гусениц производилось движением передового холостого колеса, как и в образцах тяжелых машин.

Уиппет-танки требовали особой ловкости управления и, чтобы получить хорошего шоффера, нужна была обычно очень большая практика. Застопоривание одного или обоих моторов бывало обычным явлением в ранние периоды обучения. Управление осуществлялось изменением скоростей машин и радиус поворота был пропорционален разности скоростей двух машин, этой разностью скоростей управляло рулевое колесо, находившееся в соединении с дроссельными клапанами обоих карбюраторов, при чем вращением колеса одновременно получалось увеличение скорости одной машины и уменьшение другой.

Танк для перевозки орудий.

Спроектированные первоначально для подвоза в бой 60-фунтовой пушки или 6-дюймовой гаубицы и снарядов, эти машины в течение 1918 г. применялись, главным образом, для перевозки снабжения. 6-цилиндровый 105-сильный мотор Даймлера помещался в задней части танка, а общее расположение передач, соответствовавших марке IV, было в танках для перевозки орудий несколько видоизменено; а именно, в виду занятого мотором места, первичные и вторичные передачи и пр. были помещены впереди мотора. Передача тяги гусеницам помещалась в тылу и точно соответствовала марке IV, тогда как сами гусеницы поддерживались рамами и в этом отношении этот танк несколько напоминал машины марки А.

Характерные элементы британских танков во время Великой войны.

	Марка I.		Марка IV.		Марка V.		Марка V со звездой.		Средняя марка А.	Легкий танк для перевозки орудий
	Тип „Самец".	Тип „Самка".	Тип „Самец".	Тип „Самка".	Тип „Самец".	Тип „Самка".	Тип „Самец".	Тип „Самка".		
Длина с хвостом	10,9 метр.	9,9 метр.	—	—	—	—	—	—	—	13,1 метр.
„ без хвоста	8,1 метр.	8,1 метр.	8,1 метр.	8,1 метр.	8,1 метр.	8,1 метр	10 метр.	10 метр.	6,1 метр.	9,1 м.
Ширина	4,1 м.	4,1 м.	4,1 м.	4,1 м.	4,1 м.	4,1 м.	4,1 м.	4,1 м.	2,6 м.	3,4 м.
Высота	2,5 м.	2,5 м.	2,5 м.	2,5 м.	2,6 м.	2,6 м.	2,6 м.	2,6 м.	2,7 м.	2,8 м.
Вес со снаряжением	28 тонн.	27 тонн.	28 тонн.	28 тонн.	29 тонн.	28 тонн.	33 тонны.	32 тонны.	14 тонн.	34 тонны.
Команда	1 офицер, 7 нижн. чин.	1 офицер, 7 нижн. чин.	1 офицер, 7 нижн. чин.	1 офицер, 7 нижн. чин.	1 офицер, 7 нижн. чин.	1 офицер, 7 нижн. чин.	1 офицер, 7 нижн. чин	1 офицер, 7 нижн. чин.	1 офицер, 7 нижн. чин.	1 офицер, 3 нижн. чина.
Вооружение	2 пушки 6-ти фунт. и 4 пул. Гочкиса.	5 пулем. Виккерса и 1 Гочкиса.	2 пушки 6-ти фунт. и 4 пулем. Люиса.	6 пулем. Люиса.	2 пушки 6-ти фун. и 4 пул. Гочкиса.	6 пулемет. Гочкиса.	2 пушки 6-ти фунт. и 4 пул. Гочкиса.	6 пулемет. Гочкиса.	4 пулемета Гочкиса.	1 пулемет Люиса
Мотор	105 лош. сил. Даймлера.	105 лош. сил. Даймлера.	105 лош. сил. Даймлера.	105 лош. сил. Даймлера.	150 лош. сил. Рикардо.	150 лош. сил. Рикардо.	150 лош. сил. Рикардо.	150 лош. сил Рикардо	2 Тэйлора по 45 лош. сил.	105 лош. сил. Даймлера.
Максимальная скорость (миль в час)	3.7	3.7	3.7	3.7	4.6	4.6	4.0	4.0	8.3	3.0
Средняя скорость (миль в час)	2.0	2.0	2.0	2.0	3.0	3.0	2.5	2.5	5.0	1 75
Радиус действия	час. 6.2 миль 12	час. 6.2 миль 12	час. 7,5 миль 15	час. 7.5 миль 15	час. 9.0 миль 25.	час. 9.0 миль 25	час. 7.5 миль 18	час. 7.5 миль 18.	час. 10.0 миль 40	час. 7.5 миль 15.
Способность преодолевать рвы шириной	3,5 метр.	3,5 м.	3 м.	3 м.	3 м.	3 м.	4,3 м.	4,3 м.	2.15 м.	3.5 м.

Примечания: 1) Танк V (со звездой) мог везти 20 человек, кроме команды.
2) Танк для перевозки орудий мог везти 10 тонн запасов.
3) Радиус действия приблизительный; он зависит от грунта, обученности команды и т. п

Для управления танками для перевозки орудий потребно было четыре человека, при чем шоффер и тормозный помещались в двух маленьких отдельных кабинах, установленных над каждой гусеницей в передней части танка, а передатчики помещались внутри корпуса танка.

Для сношений между шофером и прочими людьми команды была установлена связь сигналами.

Между внутренними стенками корпуса танка в передней его части помещалась платформа, которую можно было выдвигать и наклонять передней частью до грунта, образуя, таким образом, наклонную плоскость, по которой лебедкой, приводимой в действие мотором танка, втаскивали орудие до занятия им того положения, которое оно должно было иметь при перевозке.

Ящики для снарядов устанавливались на платформах над гусеницами, непосредственно сзади двух кабин управления.

Первые перевозящие орудия танка были снабжены хвостами, подобными хвостам танков марки I, но впоследствии от них отказались.

Изложенное дает краткое описание конструкций различных типов британских танков, употреблявшихся во время великой войны и, хотя несомненно будущее принесет с собой много усовершенствований и, может быть, в корне изменит все строение современного нам танка, однако, вряд ли во всю историю машиностроения,—не говоря уже о специально военном,—была когда-нибудь создана новая машина, которая оказалась бы настолько совершенной при первом же пользовании ею и которая потребовала бы в течение двух долгих лет войны так мало изменений.

ГЛАВА IV.

Танк марки I и его тактика.

Танк марки I был точным снимком опытной машины, официально испытанной 2-го февраля 1916 г. Его можно определить, как „вооруженную передвижную батарею с механическим двигателем"; максимальная толщина его брони была 12 миллим. [1]). Главные тактические особенности танков могут быть сведены к рассмотрению следующих свойств: подвижности, неуязвимости и наступательной силы. Для машины марки I эти свойства следующие.

1) Подвижность: Танк марки I мог двигаться по ровной местности со скоростью от 90 до 110 метр. в минуту; по грунту, изрезанному окопами, от 25 до 35 метров в минуту; и ночью до 12,5 метров в минуту. Он мог проходить через проволочные заграждения всех видов, прорезая сквозь них двойной путь, по которому пехота могла пройти двумя рядами. Он мог переезжать через окопы в 3,5 м. ширины, брать препятствия в 1,5 м. высоте и взбираться по под'ему с уклонами в $^1/_2$ (45°).

2) Неуязвимость. Танк марки I был непроницаем для обыкновенных пуль, шрапнели и большинства снарядных осколков.

3) Наступательная сила. Танки марки I разделялись на типы: самец и самка. Вооружение первого состояло из двух 6-фунтовых орудий и 4 пулеметов Гочкиса, вооружение последнего из 5 пулеметов Викерса и одного пулемета Гочкиса. Нормальное количество снарядов, которое вез тип самец, было 200 орудийных и до 10.000 пулеметных патронов, тип самка—12.000 пулеметных патронов.

Радиус действия марки I, зависевший от подвижности, был около 12 миль и способность команды к непрерывной боевой работе от 8 до 12 часов. Он не годился для проезда по болотам, густому лесу, через ручьи с топкими берегами, и по сильно углубленным дорогам. Он был в состоянии ме-

[1]) Спонсоны марки I были окованы 10-миллим. броней и пробиваемы бронебойными пулями.

дленно проезжать по изрытому снарядами сухому грунту, но после дождя проезд становился уже затруднительным и машина могла легко увязнуть.

Докладная записка о тактическом употреблении этой машины была представлена полковником Свинтоном в феврале 1916 г., под заглавием „Заметки об употреблении танков". Этот документ особенно интересен, как первая, появившаяся в печати, статья об использовании танков. Вот некоторые выдержки из нее.

„Употребление германцами пулеметов и проволочных заграждений, совокупность которых обладает такой силой для остановки наступления пехоты, привело к изобретению „непроницаемого для пуль гусеничного мотора или танка", машины, специально предназначенной для поддержки пехотной атаки, путем проезда через заграждения, разрушения препятствий и уничтожения пулеметов. Это, прежде всего, пулемето-истребитель, который может быть употребляем, как вспомогательное средство при пехотной атаке"...

„Неприятельские пулеметы, которые невозможно раздавить (т. е. проехать по ним), будут уничтожены орудийным огнем. Танки везут орудия специально с целью уничтожения пулеметов, находящихся под прикрытием в домах, погребах, среди развалин, в стогах сена, или в других скрытых местах за линией неприятельского фронта, где их не может достать наша артиллерия, и откуда они могут остановить наступление нашей пехоты. Имея непроницаемое для пуль покрытие, а потому в значительной мере неуязвимые для неприятельских пулеметов, эти орудия могут подходить к ним достаточно близко с целью уничтожения их и выпускать снаряды в упор"... „Так как предполагается, что танки должны сопровождать пехоту, то они должны везти с собой следующие приспособления для связи: небольшую беспроволочную установку, аппарат для прокладывания телефонного кабеля по поверхности земли или, по возможности, на глубине 300 м/м., также зрительный сигнализационный аппарат и смоляные ракеты. Танки могут быть разбиты всяким прямым попаданием гаубичного снаряда. Вероятно они будут выведены из строя и при удачном попадании сильно взрывчатого снаряда из легкого орудия. Они могут быть также взорваны минами".

„В виду того, что успех танковой атаки зависит, главным образом, от ее новизны и неожиданности, ясно, что повторение ее не может быть таким удачным, как первый неожиданный натиск. Из этого следует, что эти машины нельзя употреблять при мелких стычках, и самое их существование должно сохраняться в секрете, пока нельзя будет использовать всех машин совместно с пехотой для крупной операции"...

„Участок фронта, где машины могут работать наилучшим образом, должен быть тщательно избран в соответствии с их свойствами, т. е. принимая во внимание, что они не могут переезжать через каналы, реки, глубокие железнодорожные выемки с крутыми стенками, леса и фруктовые сады".

„Танки должны оставаться на сборных пунктах достаточно долго, чтобы команды могли произвести разведку и подготовить пути к тем пунктам, у которых они перейдут линию передовых укреплений и узнать все, что возможно разведать относительно передовых окопов германского фронта и полосы, находящейся за ними, по которой им предстоит проходить".

„Предполагается, что танки должны двигаться вперед совокупно, напр., по сигналу ракетой, сметая бруствер передовой линии противника огнем своих пулеметов; и, после того, как они проедут около трех четвертей пути между нашей и неприятельской передовой линией, и им удастся привлечь на себя огонь германской пехоты и пулеметов, наша наступающая пехота должна броситься вперед, чтобы добраться до германских окопов тотчас же после того, как танки взобрались на бруствер и начали анфилировать окопы"...

„...Если эти предположения сбудутся и машины будут сопровождать наступающую пехоту, двигаясь вместе с ней или впереди ее, они пройдут

вместе через передовую линию и окажутся на пути ко второй ранее, чем появится огневая неприятельская завеса, которая окажется позади них. Предполагается также, что, вследствие устранения обычных замедлений в движении действиями танков, к тому времени, когда германская артиллерия уменьшит прицел, чтобы образовать новую завесу впереди своей второй линии, наше наступление уже успеет перекинуться за нее".

„Вышеизложенные ожидания, быть может, преувеличены, но если танки будут употреблены в дело и окажутся успешно действующими, нужно думать, что они дадут возможность провести наступление через его важнейшие моменты и быстро пробиться сквозь германские позиции, что до сих пор являлось недостижимым, даже жертвуя бесчисленным количеством жизней".

„Конечно, танки не только, повидимому, дадут возможность успешно прорваться через сравнительно неповрежденные оборонительные линии, но, чем быстрее и непрерывнее их наступление, тем больше шансов на то, что они достаточно долго сохранятся, чтобы совершить это. Поэтому возможно, что попытка пробиться в один день сквозь зону неприятельской обороны может считаться теперь выполнимой. В таком случае, подобное продвижение танков должно быть тщательно подготовлено отправкой вперед подкреплений, орудий, снарядов и снабжения"...

„Необходимость согласования действий всех видов оружия для совместного действия вообще не требует здесь подтверждений, но все же желательно обратить на это особенное внимание, раз организация атаки осложняется введением нового средства, притом такого, которое отчасти изменяет взаимоотношение всех других. Пересмотр этих взаимоотношений уяснит вопрос. Танки не могут сами по себе выиграть сражения. Они лишь вспомогательное оружие пехоты и предназначаются для разрушения преград, которые до сих пор останавливали продвижения нашей пехоты за передовую линию германцев и не могли быть уничтожены артиллерийским огнем. Из этого следует, таким образом, что успех атаки, зависящий от продвижения пехоты, зависит от энергии и сохранности танков".

„Легче всего танки могут быть выведены из строя неприятельскими орудиями. Единственное средство, которым мы можем ослабить действие неприятельских орудий в начале атаки, это—наш собственный артиллерийский огонь и бросанье по ним бомб с аэропланов".

„Из этого, следовательно, вытекает, что для того, чтобы помочь нашей пехоте при всякой операции, где танки принимают участие,—главной задачей наших орудий должно быть не уничтожение германских пулеметов, земляных укреплений и проволоки, находящихся за передовой линией неприятеля, чего они, конечно, и не могут выполнить и что лежит на обязанности танка; главной их задачей должно быть содействие пехоте, помогая танкам, т.-е. сосредоточивая возможно сильнейший огонь по главным артиллерийским позициям неприятеля, и по всяким полевым и другим легким орудиям, положение которых за передовой линией нам известно"...

„Чтобы увеличить замешательство, которое, надо надеяться, будет вызвано среди неприятеля танковой атакой, и, чтобы сохранить втайне истинный характер этих машин, было бы полезно, если бы их наступление возвещалось облаками дыма"...

Вышеизложенные выдержки не нуждаются в об'яснениях, но если бы таковые потребовались, то наиболее подходящее место, в котором их можно найти, это описание боев, в которых танки принимали участие, так как в них и в большом числе мелких стычек, всего около 85-ти, можно найти не только оправдание расчетов полковника Свинтона, произведенных семь месяцев до появления первого танка в полосе между нашей и неприятельской боевыми линиями, не только „полеты фантазии", но и „солидные факты", ценность которых эти бои доказали неоднократно.

ГЛАВА V.

Сражения на Сомме и Анкре.

1 июля 1916 года сражение на Сомме началось с успешного наступления британского правого фланга между Марикуром и Овилером и с остановки британского левого фланга между Овилером и Гомкуром. С этого дня, до начала сражения на Анкре, в ноябре, попытка продвинуть вперед британское левое крыло не возобновлялась, так как все наличные силы были заняты поддержкой наступления правого фланга. Местность, разделяющая реки Сомму и Анкр, изрезана долинами с крутыми склонами, большая часть которых образует естественные линии обороны для неприятеля и могла быть атакована в 1916 г. только после сильной артиллерийской бомбардировки. Местность была сильно изрыта; но так как до 15 сентября погода была ясной и сухой, это обстоятельство не представляло особенных затруднений для танков, которые были распределены между четвертой и резервной армиями следующим образом.

Четвертая армия,	XIV корпус. Рота. С (без полувзвода) . .	17 танков.
„ „	XV корпус. Рота Д (без полувзвода) . .	17 „
„ „	III корпус. Взвод роты Д	8 „
Резервная армия.	Взвод роты С	7 „
В резерве главного командования (без механического обо-рудования)	. . . . .	10 „

11 сентября из четвертой армии было получено приказание выступить, а 13-го состоялось совещание, на котором присутствовал подполковник Брэдлей, для обсуждения предстоявшей атаки. В течение 14-го числа рота А прибыла в Ивранш, а в 4 ч. 30 м. утра этого дня, штаб роты С был перенесен в Брикетри, близ Тронского леса, а штаб роты Д в Грин-Дэмп.

Фронт атаки 4-й армии растянулся между оврагом Комбль и Мартинпюиш, ее целью был прорыв сквозь неприятельскую линию и занятие Морваля, Лебефа, Гедекура и Флера. Одновременно с этой атакой, резервная армия должна была атаковать левее III-го корпуса, а французы правее XIV корпуса.

Атаку предполагалось вести с крайней стремительностью, а за ней должно было следовать наступление кавалерийского корпуса, который должен был завладеть высотами около Рокиньи, Вилер-о-Фло и Рьенкур-ле-Бапом.

Общая идея боевого употребления впервые применявшихся здесь танков заключалась в том, что эти машины должны были быть брошены полувзводами в 2 или 3 машины на более сильные пункты. Существовало большое опасение, что, с одной стороны, танки могут, в случае слишком раннего выступления, преждевременно вызвать огонь неприятеля, а с другой стороны, слишком поздно достичь места своего назначения, чтобы быть поддержкой для пехоты. Было окончательно решено, что они выедут с таким расчетом, чтобы достигнуть первой поставленной им цели за 5 минут до прибытия туда пехоты, рискуя привлечением на себя неприятельского огня. Заградительный огонь нашей артиллерии, неподвижный и подвижной, должен быть открыт в нулевое время [1]), не обстреливая путей, по которым должны были двинуться танки.

Танки выехали со своих сборных пунктов к исходным пунктам в ночь с 14-го на 15-ое сентября. Из 49 машин, предназначенных для атаки, 32 пришли своевременно к исходным пунктам, остальные опоздали, или увязнув в болоте, или вследствие порчи механизма. Танки, работавшие с резервной армией и с III и XIV корпусами, не имели большого успеха; действия танков XV-го корпуса были следующие.

Танки, приданные этому корпусу, были собраны в ночь с 13-го на 14-ое сентября у Грин-Дэмпа, где машины были приготовлены для боя, и где была собраны запасы горючего и масла. В ночь с 14-го на 15-ое танки выехали к исходным пунктам в обход леса Дэльвиль. Каждому танку был указан путь следования и время выезда с исходного пункта; в большинстве случаев, это было за полчаса до нулевого времени (рассвета), при чем предполагалось устроить так, чтобы танки достигли германских окопов за несколько минут до прихода нашей пехоты. 8 танкам было отдано приказание наступать к западу от Флера, а 6 — к востоку от этого селения, при чем местом их назначения был Гедекур и углубленная дорога к западу от него. Танки должны были атаковать на своем пути все укрепленные пункты и поддерживать пехоту при всяких ее задержках.

Из 17 двинутых танков, 12 вернулись на место выезда; 11 из них проехали через германские окопы и сделали полезное дело. Один в особенности оказал большую поддержку, когда атаковавшая пехота была остановлена на флеровских пози-

[1]) Исходный момент, от которого велся счет времени в течение наступления (прим. ред.).

циях проволокой и огнем пулеметов; командир танка поставил свою машину на окоп и анфилировал его; после этого танк поехал вдоль тыловой стороны окопов, при чем 300 германцев сдались и были взяты в плен. Другой танк въехал в Гедекур, атаковал германскую батарею и разбил 77-миллим. легкое орудие своими 6-фунтовыми; в это время в танк попал снаряд и зажег его; только двое из его команды вернулись на нашу позицию.

Эта атака 15 сентября не была особенно успешной с точки зрения действия танков. Из 49 танков только 32 дошли до исходных пунктов; 9 двигались во главе пехоты и причинили неприятелю значительные потери, а 9 других, хотя не вошли в связь с пехотой, хорошо поработали по очистке пунктов, где неприятель еще держался. Из остальных 14 у 9 испортился механизм и они вышли из строя, а 5 увязло в грязи.

Потери среди команд танков были незначительны. 10 машин получили повреждения во время боя и временно приведены в негодность, а 7 слегка попорчены, но не настолько, чтобы они не могли вернуться в целости.

Второй случай применения танков был при атаках 25 и 26 сентября, при чем 5 машин были назначены в четвертую армию, а 8 в резервную. Из этих 13 танков 9 попало в воронки от снарядов, 2 пробились в Типваль и, поддержав пехоту, подверглись участи первых, а один, действовавший с XV корпусом, отметил своей деятельностью поворот к новым приемам тактики, что описывается в реляции XV корпуса следующим образом.

„25 сентября, атака 64-й бригады, 21-й дивизии, на окопы Герда была приостановлена и не могла развиваться далее. Атакующий закрепился в окопах Герда в пункте № 32 *d*. 9. 1. [1]) и наши части заняли окоп к северу от № 26. *c*. 4. 5. Между этими двумя пунктами оставалось приблизительно 1.500 ярдов окопов, сильно укрепленных германцами и хорошо защищенных проволокой, так как она не была перерезана. Было отдано распоряжение двинуть отсюда танк (женского типа) для атаки завтра утром. Танк прибыл в 6 ч. 30 м. утра в сопровождении бомбометателей. Он двинулся к юго-востоку вдоль окопа Герда, стреляя из пулеметов. Так как окопы постепенно переходили в наши руки, то в нескольких местах они были сильно заняты двумя ротами пехоты, наступавшими за танком с этой целью.

Никаких затруднений не встретилось. Неприятель охотно сдавался по мере продвижения танка вдоль окопов. Он не мог спастись, потому что окоп на южном конце, в № 32 *d*. 9. 1 был в наших руках. Около 8 ч. 30 м. утра окопы были очищены во всю свою длину и 15-й легкий пехотный Дурамский полк открыто двинулся и занял захваченные окопы. Затем пехота стала наступать к месту окончательного назначения, при чем танки оказывали очень существенную поддержку. Наконец, к юго-востоку от Гедекура, танк израсходовал весь свой запас горючего. При взятии окопов Герда 8 офицеров и 362 нижних чина захвачены в плен и много германцев убито. Наши потери составляли лишь 5 человек. Около 1500 ярдов окопов были взяты менее чем в 1 час. То, что могло быть очень трудным делом, сопряженным, вероятно, с очень тяжелыми потерями, удалось совершенно легко, всецело благодаря поддержке танка".

[1]) Соответствующие обозначения на карте. (Прим. ред.).

В последний раз в течение 1916 г. танки были применены 13 и 14 ноября, во время сражения на Анкре, чем и закончились действия на Сомме в этом году. Шли сильные дожди и неудобный грунт вдоль реки Анкра превратился в болото. Для этой атаки танки были вполне подготовлены, произведена была разведка и в Ашё был устроен танкодром (танковый парк). Однако, вследствие дурной погоды, первоначальный план использовать 20 танков был оставлен и был принят более скромный. Три танка должны были действовать с 39-й дивизией против Сен-Пьер-Дивион. 13 ноября они двинулись вперед и случайно все 3 увязли в грязи. К северу от реки Анкра было послано 2 танка против Бомон-Хамель; эти тоже попали в грязь. На следующий день было послано еще 3 танка, чтобы очистить укрепленный пункт как раз к югу от вышеназванного селения. В один из них попал снаряд, а 2 остальных, достигнув линии германского фронта, увязли в грязи. Однако, эти 2 танка успели направить огонь своих 6-фунтовых пушек и пулеметов на назначенный им укрепленный пункт; это оказало такое сильное действие, что вскоре занимавшие его германцы сдались: 400 пленных было взято командой танка, состоявшей из 2-х офицеров и 14 нижних чинов.

С точки зрения обыкновенного наблюдателя можно сказать, что в боях на Сомме танки не оправдали себя, за исключением 1—2 мелких и блестящих эпизодов. Однако, обыкновенный наблюдатель редко бывает наилучшим судьей и, если взвесить наличные условия, при которых танки употреблялись осенью 1916 г., то, по всей вероятности, приговор истории скажет, что танки в такой мере доказали свою ценность 15 сентября 1916 г., что в будущем этот день будет отмечен не столько за свои успехи, сколько за то, что он явился первым днем новой эпохи в военной истории.

Каковы же те поучения, которые могут быть извлечены отсюда?

1) В общем, машина абсолютно пригодна и нуждается только в некоторых усовершенствованиях механизма.

2) Не было произведено правильного испытания машины. Она строилась для хорошей дороги и ясной погоды; ею пользовались неизменно на размякшем грунте, часто превращавшемся, после дождя, в сплошную грязь.

3) Вследствие необходимости соблюдать тайну, командиры знали мало или ничего не знали о боевом употреблении машины.

4) Для полного и тщательного обучения команд было слишком мало времени.

5) Танковые операции требуют самой тщательной подготовки и точной разведки для своего успешного проведения.

6) Танки требуют руководства и управления во время боя и потому существенно необходима хорошая связь с ними в бою.

7) Танки, как всякий другой род войск, требуют особой организации снабжения во время боя.

8) Танки отвлекают от пехоты большое количество неприятельского огня и оказывают на наши собственные части настолько ободряющее влияние, насколько они деморализуют неприятеля.

Таковы главные поучения, выведенные из танковых операций в течение боев на Сомме и Анкре и оправдывающих употребление танков в течение этих боев. Кроме того, надо помнить, что какие бы опыты ни были произведены в мирное время, единственно верен боевой опыт; следовательно, окончательным испытанием машины или орудия может быть только первый бой, а пока это испытание не произведено, истинная ценность испытываемого не гарантирована и нельзя сделать верных выводов относительно дальнейших усовершенствований.

ГЛАВА VI.

Развитие организации корпуса танков.

Слово „реорганизация“ никогда не забудется ни одним из служивших в штабе корпуса танков; оно было их постоянным спутником более двух лет. Оно следовало за ними по пятам во все времена года; как ищейка, преследовало их и на учебных полях, и на полях сражений с самого начала их деятельности; и никогда его шаг не был стремительнее и язык слышнее, чем 11 ноября 1918 г., когда его временно хотели забыть с наступлением перемирия. Как ни удручающе действовали эти беспрестанные перемены, однако, реорганизация все же в высшей степени здоровое явление, потому что оно доказывает, что корпус танков, это новое учреждение, не боялся развиваться и отказывался останавливать свой рост; и, когда все, что требуется, сказано и сделано, не должна ли каждая организация быть подвижной, не должна ли она меняться с годами, расширяться, расти и преодолевать затруднения, а не отмахиваться и отворачиваться от них? Чем бы ни был корпус танков в глазах других, он оставался в течение всей великой войны чрезвычайно доблестной частью.

В этой главе будет рассматриваться в целом формирование и преобразование корпуса танков, сначала известного, как „Тяжелое Отделение“, а позднее — как „Тяжелый Отряд“ пулеметного корпуса; если мы не посвятим этому вопросу отдельной главы, он будет всюду беспокоить нас и на протяжении этой краткой истории также, как это было в то время, когда ныне описанные события развертывались во Франции и Англии.

В июне 1916 года тяжелое отделение пулеметного корпуса состояло из 6 рот—*A*, *B*, *C*, *D*, *E* и *F*. Каждая рота состояла из 4 взводов, каждый из 6 танков и одного запасного на всю роту,—всего из 25 машин, таким образом поглощая все 150 заказанных машин [1]). Каждый взвод состоял из 3 х танков мужского типа и 3-х женского, подразделенных на три полувзвода, из 1 мужского и 1 женского каждый. Команда танка

[1]) Первоначальный заказ был на 100, а потом увеличился до 150.

состояла из 1 офицера и 7 нижних чинов, общее количество людей во взводе было 6 офицеров и 43 нижних чина. На каждые две роты полагался штаб из одного офицера и 4 нижних чинов и мастерская с 3 офицерами и 50 нижними чинами.

Через несколько дней после первого выступления тяжелого отделения на поле сражения на Сомме, было предложено образовать его по образцу королевского воздухоплавательного корпуса, что и было принято. Это предложение было несомненно разумное, так как каждый новый род войск требует своей собственной организации, которая должна облегчать его развитие с первых же дней его существования.

29 сентября подполковник Элес, который, как мы видели, впервые занялся танками в январе 1916 г., был назначен командиром тяжелого отделения во Франции и в тот самый день, когда состоялось это назначение, было решено, что должно быть построено 1000 танков, и что должны быть введены некоторые улучшения в существующее устройство этой машины. В это время штаб тяжелого отделения помещался в маленькой избушке в центре четырехугольной деревушки Бокен и так как это селение было найдено неподходящим для постоянного расположения штаба, вместо него выбрали Бермикур,—маленькую деревушку к северу от дороги Гедин—Ст. Поль. В этом селении штаб оставался до конца войны, разросшись от трех хижин в группу строений, покрывших площадь в 3 акра.

3 октября был утвержден постоянный штат штаба. Он состоял из командира (полковника), одного начальника штаба, начальников административного и оперативного отделений, одного капитана генерального штаба и заведывающего разведкой. Эти должности были замещены следующими офицерами: полковником Элесом и капитанами Мартелем, Узиелли, Таппером и Хотблэком.

Приблизительно в это время было предложено преобразовать тяжелое отделение в корпус, давши ему административный штаб в Англии и оперативный—во Франции, и превратить 4 роты, бывшие во Франции, в 4 баталиона и сформировать в Англии 5 новых баталионов из двух оставшихся рот. Хотя слияние танковых частей в корпус не было своевременно утверждено, 2 октября бригадный генерал Гор Энли был назначен начальником главного учебного танкового лагеря в Бовингтоне, в Вуле (вместо полковника Свинтона) с подполковником Мэтью-Лэноу в качестве штабного офицера. При новой организации 9 баталионов должны были образовать 3 бригады, каждая из 3 баталионов, при чем в каждом баталионе должно было быть 3 роты, а в каждой роте 4 боевых взвода и штабной взвод. Боевой взвод состоял из 5-ти танков, а штабной взвод из 4. Таким образом, в общем баталион имел 72 машины.

18 ноября, в тот день, когда началась деятельность вновь утвержденной организации, роты, которые находились в зоне боевых действий, были двинуты в окрестности Бермикура и, перестав существовать как роты, превратились в батальоны *A*, *B*, *C* и *D* тяжелого отряда пулеметного корпуса. Они были расположены по следующим деревням:

Батальон *A* . . Юмьер, Эклимё, Бермикур.
„ *B* . . Сотрекур, Пьермон, Сен-Мартен-Эглиз.
„ *C* . . Эрэн, Тилли-Капель.
„ *D* . . Бланжи.

Эти батальоны образовали 1-ю и 2-ю бригаду танков: 1-я бригада, 30-го января 1917 г., из батальонов *C* и *D*, под командой полковника Бэкер-Карра; и 2-я бригада, 15 февраля, из батальонов *A* и *B*, под командой полковника Кураж. Позднее, 27 апреля, в виду прибытия двух батальонов из Вуля, было дано разрешение сформировать 3-ю бригаду, под командой полковника Хардрес-Ллойд.

Между тем, в Англии вопросом о дальнейшем производстве танков усиленно занимался подполковник Стерн, который собрал в Лондоне 23 ноября совещание, на котором дальнейшее развитие танкового дела было указано следующим образом. К моменту совещания во Франции было 70 машин марки I; надеялись создать улучшенный тип этого танка в следующие сроки: в январе—50 танков марки II, к 7-му февраля 50 танков марки III; в промежуток времени от 7 февраля до 31 мая, по 20 танков марки IV в неделю. Далее постановили, что в августе и сентябре 1917 г. должна быть закончена постройка танков марки V и что новый легкий танк, названный марка VI, будет готов к испытанию на Рождестве 1917 г. К несчастью, вследствие затруднений в производстве и требований постоянных перемен в устройстве, вышеизложенная программа не осуществилась и, хотя танки марки II были посланы во Францию, машины марки IV прибыли туда лишь после того, как сражение под Аррасом было дано и выиграно. В начале нового года, батальоны тяжелого отряда подверглись дальнейшей реорганизации: их слегка уменьшили по составу и количество их машин свели с 72 до 60; каждая рота, имевшая 20 танков, разделилась на 4 взвода по 5 танков в каждом; однако, в действительности, было решено, что во взводе не может быть больше 4 танков, так что количество танков уменьшили до 48, из которых 36 предназначались для боя и 12 для обучения.

В марте 1917 года генерал Энли был назначен начальником тяжелого отряда пулеметного корпуса со штабом в Лондоне, а бригадный генерал Глазгау принял на себя заведывание

учебным лагерем в Вуле. В мае его заменил генерал-майор сэр Джон Кэппер, под председательством которого был образован комитет танков для упорядочения и укрепления взаимоотношений между армией и министерством снабжения. 1-го числа этого же месяца полковник Элес был утвержден в должности командира тяжелого отряда во Франции с чином бригадного генерала.

Опыт, приобретенный в сражении под Арасом в апреле 1917 г., повел к предложению развернуть тяжелый отряд из 9 в 18 батальонов, из которых 9 были бы снабжены машинами тяжелого типа и такое же количество среднего типа [1]). Со времени этих предположений, которые повели к многим обсуждениям, начинается важный период в развитии тяжелого отряда. 28-го июня было утверждено вышеупомянутое развертывание и в учебный лагерь в Вуле собрали личный состав для новых частей. Однако, месяцем позднее понадобилось такое увеличение новой живой силы, что расширение тяжелого отряда пришлось приостановить. 28-го числа этого месяца тяжелый отряд был переименован в корпус танков.

В течение последующих месяцев, августа и сентября, вопрос о расширении корпуса танков оставался открытым. 6-го октября он снова был поднят и был предложен вновь пересмотренный проект развертывания до 18-ти батальонов. Главной особенностью этого проекта было уничтожение батальонных мастерских с заменой их бригадными мастерскими. Это повело к значительной экономии живой силы, что явилось возможным, благодаря лучшему обучению танковых команд; таким образом, каждый танк со своей командой становился самостоятельной единицей.

27-го ноября эти распоряжения получили официальное одобрение и ровно на неделю позже, 4-го декабря, в результате поразительных успехов, достигнутых танками во время боя при Камбре (20 ноября), был поднят вопрос о двух новых штатах, из коих один назывался „низшим", а другой „высшим". Остановились на „низшем" штате, который представлял собой прежний штат, с некоторыми добавлениями, сообразно опыту, приобретенному во время сражения при Камбре. Этот штат, хоть и был выработан, никогда не получил утверждения, и германское наступление в марте 1918 года застало корпус танков все еще в том же виде, в каком он был в октябре.

В апреле, в виду настоятельной необходимости в пехотных пополнениях, расширение корпуса танков было временно приостановлено; 2 из 3-х батальонов, оставшихся в Англии, были сведены к кадровому составу, а 3-й переименован в батальон бронированных автомобилей. В июле и августе удивительный

---

[1]) Более легкий тип танка был назван „средним", потому что французы в то время построили легкий танк Рено.

успех, достигнутый танками на различных участках западного фронта, вновь выдвинул вопрос о необходимости расширения британских танковых батальонов, при чем 2 батальона, оставшихся от расширения, начатого в октябре 1917 г., отправили во Францию в сентябре 1918 года.

В январе 1918 года, на основании опыта, приобретенного относительно времени, необходимого для выполнения реорганизации, были сделаны предположения на 1919 г. Они были обсуждены в междусоюзническом комитете танков из представителей различных союзных танковых корпусов, впервые собравшихся в Версале в апреле. Весенняя атака германцев, однако, поглощала столько внимания, что в то время невозможно было выработать что-либо, кроме числа танков, необходимых для решающей танковой атаки в следующем году. Т. к. положение союзников во Франции упрочилось, то к вопросу, впервые поднятому в Версале, вернулись в июле, после чего было постановлено развертывание до 34 батальонов и принятие совершенно нового штата. Чтобы ближе поставить это дело под наблюдение военного министерства, было решено около этого времени упразднить танковый департамент, впервые созданный в мае 1917 года, и заменить его новым подотделом департамента штабной службы. Эта перемена произошла 1-го августа, когда новый отдел был добавлен к департаменту штабной службы военного министерства для общей административной работы по танкам и, в особенности, для выполнения программы постройки танков на 1919 год.

В то же самое время был упразднен комитет танков, замененный правлением танков.

Сентябрь был месяцем оживленной деятельности в учебном лагере в Вуле, где под руководством бригадного генерала Мэтью-Леноу, принявшего 1-го августа от бригадного генерала Глазгоу заведывание учебным лагерем, было начато выполнение расширенной строительной программы.

22-го октября в военном министерстве получили новые штаты, утвердили и вернули их через 4 дня в главную квартиру. Принимая во внимание, что эти штаты были изложены на 96-ти страницах, напечатанных на пишущей машинке, следует признать, что последняя реорганизация корпуса танка в течение великой войны была выполнена с небывалой быстротой.

ГЛАВА VII.

Корпоративный дух танковых частей.

Первая „Инструкция по обучению" была преподана батальонам тяжелого отряда в конце декабря 1916 г. Она довольно интересна, потому что дух и пригодность всей организации отражались в ней.

„Всякое обучение, говорится в ней, имеет целью создать образцовую часть, т.-е. такую, где люди не только способны содействовать выигрышу войны, но и преисполнены решимости достигнуть этого. Нельзя не повторять неустанно, что всякое обучение, во все времена и повсюду, должно стремиться к развитию наступательного духа во всех чинах. Поэтому от них требуется высокая степень обученности и высокий моральный под'ем.

Хорошая обученность зависит от умственной восприимчивости и физической годности; первая достигается широтой знания и быстротой логического мышления, вторая физической тренировкой, играми и поддержанием здоровья. Моральный уровень зависит от корпоративного духа части и чести мундира; первый достигается дисциплиной, организованностью и талантом, второй чувством собственного достоинства, выправкой и уверенностью в себе.

Необходимы хорошо обученные инструктора и руководители; посредственные должны быть беспощадно устраняемы. Офицеры не должны довольствоваться уже приобретенными обучением и знаниями, но должны дополнять их самообразованием. Кроме того, они должны упражнять свои умственные способности, применяя получаемые ими знания так, чтобы они могли заинтересовать и расширить умственный горизонт тех, кого они обучают. По умственному превосходству и физической силе они должны быть примером для своих солдат. По общему правилу, офицеры и унтер-офицеры, на которых возложена обязанность обучать войска, должны усвоить себе следующий прием: сначала надо об'яснить урок, затем показать его на примере и наконец перейти к упражнению на практике.

Преподавание должно быть интересным. Т. к. интерес скоро ослабевает, тема должна часто меняться, хотя одни и те же движения должны часто повторяться при различных обстоятельствах.

Перемены должны быть систематизированы; так, работа, требующая мозгового напряжения, должна сменяться физическими упражнениями, и наоборот. Как физическая тренировка развивает мускулы по определенной системе, так и умственная должна развивать ум. Выполнить это можно только путем тщательной выработки и продуманности плана, и обучение должно вестись по программе, постепенно усложняющейся.

Часто тратится много времени на продолжительные нецелесообразные движения и учения. От 3 до 4 часов в день, разбитых на часовые или получасовые периоды, вполне достаточно для занятий. Между каждым часом работы должны быть перерывы по 10 минут. Всякая работа должна быть выполнена с энергией. Каждое упражнение и движение должно, по возможности, выполняться точно. Игры должны занимать в программе обучения определенное

место. Порядок всего лучше достигается выполнением работы по установленному плану. Порядок—основа дисциплины. Мелочи, в роде отправления людей строем на работу и с работы, приучение их ко внимательности, перед тем, как распустить их, способствуют сколачиванию части и поддержанию дисциплины. Каждый день должен начинаться с тщательной проверки отпускных билетов и людей или подобной формальности. На место обучения и с него следует идти в строгом порядке, особенно настаивая на этом. Существенной частью подготовки людей для войны является требование следить за собой, с целью поддерживать свою физическую пригодность. Для этого следует им об'яснять необходимость самой тщательной заботливости о сохранении своей одежды и своего снаряжения. Важность повиновения должна быть внушена всем чинам и усиленно подчеркнута необходимость беречь казенное имущество. Как в отношении офицеров, так и унтер-офицеров, должно быть обращено особое внимание на проведение подготовительных занятий для всех положений и должностей. Людям должно быть внушено сознание, что от их умения, приобретенного при обучении, зависит их жизнь, так же как и исход боя. Обучение достигается не одной затратой определенного времени, а использованием этого времени с наибольшей пользой.

Обучение в тяжелом отряде распадалось на следующие отделы: бригадное учение, батальонное учение, школа, курсы инструкторов, учебный лагерь, лекции и учение в депо. Учения—бригадное и батальонное, распадались на два периода: одиночное и в составе частей. Так как время было очень ограничено, всякое одиночное обучение должно было быть закончено 15-го февраля 1917 г.

Предмет одиночного обучения, говорится в инструкции, двоякий: во-первых, приобретение технических знаний и уменье пользоваться ими; во-вторых, поднятие общего уровня знаний, дабы все чины имели возможность достичь наибольшей пользы из всего преподаваемого при обучении в составе частей. Это последнее, в свою очередь, существует для подготовки боевых единиц. Одиночное обучение есть основание воинского обучения. От той тщательности, с которой оно проводится, зависит успешность всего обучения.

Предметом обучения в состав с частей было: применение во всех подробностях, в условиях возможно ближе подходящих к предстоящим во время боя, всего выученного при одиночном обучении. В это входит:

1) Тесная согласованность с другими родами войск;
2) Быстрота передвиженья по местности в боевых строях;
3) Выбор целей в соответствии с боевой задачей.

В течение января и февраля все офицеры приняли участие в выработке учебного плана, который явился тактической и административной основой для будущих операций и всем чинам были прочитаны лекции о дисциплине, корпоративном духе, моральном элементе и умении руководить. Пока развивалась вышеизложенная работа, было образовано депо пополнений, сначала в Гумерейле, затем передвинуто в Эрэн и, наконец, в Мэр, близ Ле-Трепор. Через депо проходили все команды пополнения, посылавшиеся в корпус танков, как из учебного лагеря в Англии, так и из строевых частей и госпиталей во Франции. На обязанности депо лежало обучение этих пополнений и затем поддержание этого обучения на должной высоте, до получения требований из батальонов пополнить их некомплект. Кроме депо и состоявших при нем школ, были образованы еще две школы в окрестностях Бермикура—артиллерийской стрельбы и управления танком. В начале лета 1917 года первую отправили на берег моря в Мерлимон, а другую в Вельи, деревню примы-

кающую к полосе, опустошенной германцами во время их отступления в феврале и марте, что позволило производить проездки, не портя урожая. Эта школа оставалась в Вэльи до января 1918 года, когда вследствие угрожавшей атаки германцев, была продвинута в Авелюи близ Альбера. Но случилось так, что Авелюи попало в руки германцев в конце марта 1918 года, тогда как Вэльи осталось в наших до конца войны.

В тесной связи о обучением людей находилось и общее управление тяжелого отряда. Ясно сознавалось всеми, что успешность обучения всех чинов зависит от настроения их духа и тех условий, в которых они живут, почему и не было ничего упущено, или, по крайней мере, не испробовано, что могло бы улучшить настроение и здоровье людей.

1-го января 1917 года были открыты бани и прачешные в Бланжи. Первоначальное устройство давало возможность ежедневно мыть в бане 450 человек, что позволяло каждому мыться не менее раза в неделю. В депо были устроены также кинематографы, а позднее в Мерлимоне и в других местах они были устроены на средства, вырученные солдатскими клубами и барами. Тем временен в Эрэне была устроена санатория для отдыха тех людей, которые временно утратили способность работать. Это последнее учреждение было найдено столь полезным, что летом 1917 года в Мерлимоне была устроена санатория на берегу моря, с целью доставить отдых и перемену обстановки людям, побывавшим в боях или с расстроенным здоровьем. В этой санатории могли поместиться 100 офицеров и 900 нижних чинов, и срок отдыха обыкновенно был ограничен 14-ю днями.

Еще более популярными, чем санатория в Мерлимоне, оказались подвижные солдатские клубы, передвигавшиеся на грузовиках, приспособленных для перевозки продовольственных запасов; они являлись механическими маркитантками корпуса танков, следуя на расстоянии мили или двух от линии нашего фронта за нашими частями или двигаясь по полю сражения после достигнутого успеха. В течение печальных дней марта и апреля 1918 года они сыграли видную роль в поддержании духа в батальонах, доставляя им удобства, которые, иначе, были бы недостижимы. Они составляли также веселые сборные пункты, где люди могли встречаться, есть и болтать, чтобы затем возвращаться в бой освеженными.

ГЛАВА VIII.

Тактика танков.

Когда началось обучение тяжелого отряда, необходимо было создать общий метод тактики [1]), с тем, чтобы применять его к обучению частей по окончании одиночной подготовки; вскоре появились слухи, что тяжелый отряд примет участие в весеннем наступлении, почему нельзя было терять времени в обсуждении лучших способов и строев для атаки. Это было сделано лишь в начале февраля, когда было выпущено „Наставление № 16“, которое долго будет памятным танковому корпусу.

Хотя единственно правильной поверкой общепринятых тактических приемов является боевой опыт, все же главные основы тактики какого-либо отдельного рода войск базируются не на опыте, но на его исключительных особенностях, в связи с основными принципами ведения боя. Если какой-либо род войск употребляется с другими, то свойства этих последних должны быть также принимаемы во внимание, чтобы таким образом из взаимодействия их получалось во время боя единство действий.

При установлении тактики танков необходимо прежде всего иметь в виду их мощность, которая может быть выражена словами: „вторгаться с безопасностью“. В прежнее время передовые линии противника оставались неуязвимыми для непосредственной атаки пехотой; теперь же танк может прорвать столь опасный для пехоты пояс проволок и окопов, благодаря своей способности преодолевать их под огнем противника с гораздо меньшим риском, чем пехота. В техническом отношении танк далек еще от совершенства; поэтому и было установлено, как общее правило, чтобы в атаке участвовало всегда не менее двух танков, а если возможно, то и четыре.

С военной точки зрения вторжение в оборонительную линию противника должно выражаться не только в простом

---

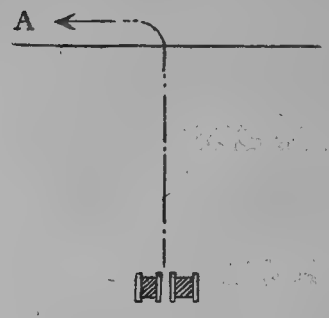
[1]) В это время, в январе 1917 г., заметки генерала Свинтона, приведенные в IV главе, еще не были известны в штабе тяжелого отряда.

движении через его укрепленную позицию, но и в возможности, разрезав последнюю на двое и продвигаясь затем вперед и в стороны, обходить образовавшиеся таким образом фланги противника и постепенно расширять образовавшийся прорыв для свободного продвижения вперед резервов и приласов и для отвода назад пострадавших и утомленных частей.

Пролезая сквозь изгородь, человек прежде всего избирает слабое место (пункт атаки), просовывает руки сквозь ветви (вторжение) и, раздвигая их в стороны (обход флангов), образует достаточно широкое отверстие (прорыв) для свободного прохода тела (армии) сквозь преграду (неприятельская укрепленная полоса).

По такой же схеме должна выполняться и танками операция вторжения в неприятельскую укрепленную позицию. Возьмем полувзвод, т.-е. 2 машины. Этот полувзвод должен преодолеть оборонительную линию противника, пройдя сквозь нее, а затем движением в сторону, например влево, начать расширение образовавшегося прорыва, тесня противника к точке А (черт. I) и создавая этим между точкой первоначального вторжения и точкой А проход для штурмующей пехоты. Пока танки двигаются к точке А, противник, укрывшийся в глубоких убежищах, может, после прохода танков, вновь оживить свою деятельность; поэтому необходимо, чтобы танки сопровождались пехотной частью, которая, бросая в эти убежища бомбы, не позволит „вновь ожившему“ противнику быть особенно энергичным. Так как упомянутая пехотная часть должна продолжать работу совместно с танками, то она не в состоянии удерживать за собой уже очищенные от неприятеля окопы, а потому необходима другая партия пехоты, которая заняла бы их.

Черт. 1.

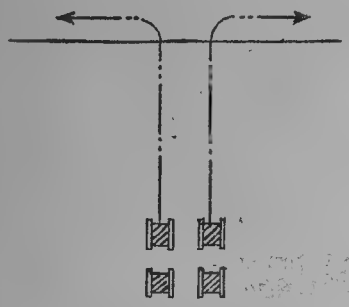


Таким образом, мы видим, что даже при самых незначительных атаках, к танкам необходимо придать две партии пехоты: в период позиционной войны эти партии получили название „чистильщиков“ и „поддержки“, а в маневренной войне назывались „огневой линией“ и „поддержками“. Хорошо также к этим двум партиям пехоты прибавлять третью, в виде резерва, дабы иметь под рукой некоторую силу для противодействия возможным случайностям.

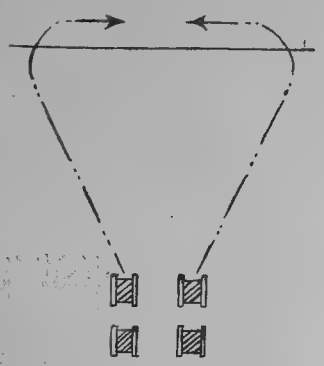
Если вместо двух танков назначить четыре, можно достичь более существенных результатов. Тогда танки могут проникнуть или сквозь линию обороны в одном пункте, а затем

попарно разойтись в стороны (черт. 2); или же пройти попарно линию обороны в двух разных пунктах и направиться затем друг к другу навстречу (черт. 3); или, наконец, по прорыве неприятельской линии в одном пункте, одна пара по-

Черт. 2.



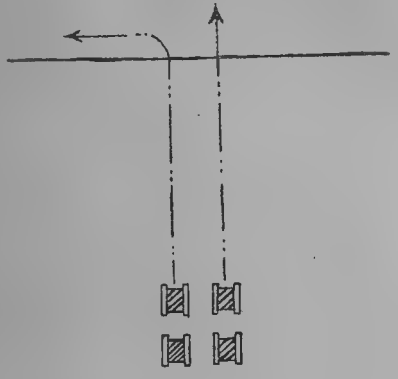
Черт. 3.



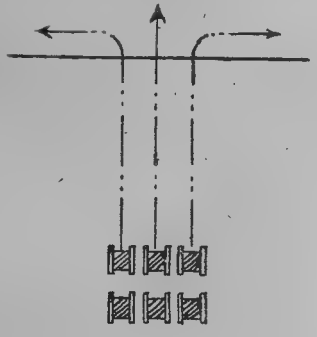
ворачивает в сторону, а другая следует прямо перед собой, угрожая пути отступления противника (черт. 4).

Когда имеется в виду последняя операция, то следует назначать 6 машин, а еще лучше 12, т.-е. полную танковую

Черт. 4.



Черт. 5.

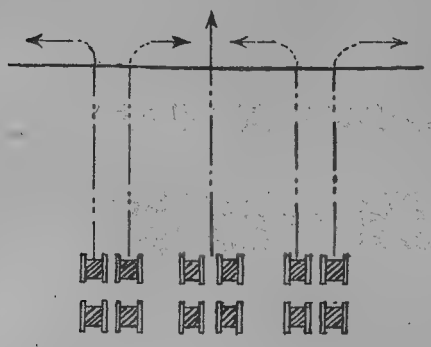


роту. При назначении для прорыва 6 машин, они обычно проходят оборонительную линию в одном месте, после чего одна пара продвигается прямо перед собой, а две другие пары расходятся в стороны флангов (черт. 5), образуя так называемый „трезубец".

При назначении 12 машин, каждые 4 танка переходят линию обороны в особом пункте (черт. 6). Затем средняя группа продолжает движение вперед, а каждая из фланговых по проходе сквозь оборонительную линию, разделяется на пары, из которых одна направляется к средней группе, а другая—к наружному флангу.

Особенное внимание следует обращать на движение фланговых танков вдоль линии обороны противника, ибо раз фланги являются наиболее уязвимыми местами, то, перейдя в наступление против этих флангов, мы можем прикрыть не только наши собственные фланги от атаки противника, не давая ему на это времени, но и обеспечить продвижение нашего центра.

Черт. 6.



Определение сил для действий в центре зависит не только от степени необходимости продвижения вперед, но и от желательных размеров прорыва; чем шире этот прорыв, тем он будет безопаснее, так как атакующий всеми мерами будет стараться избежать риска попасть в мешок, на котором будет сосредоточен весь огонь противника.

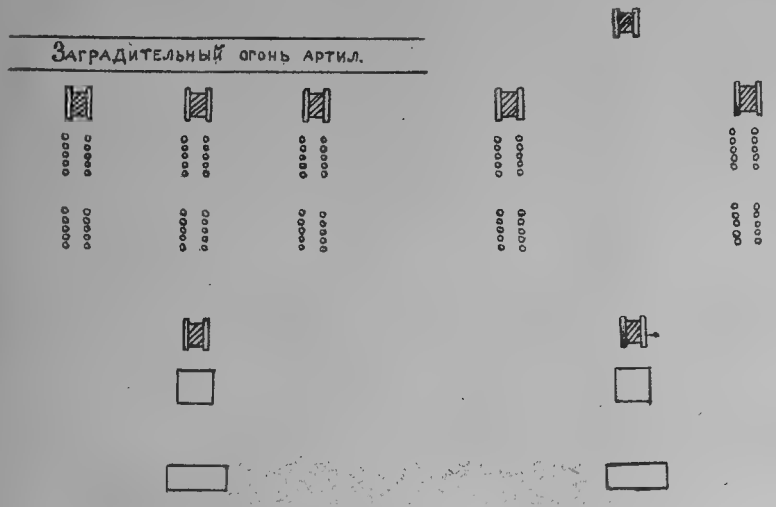
Из таких простых форм движения могут быть составлены различные формы боевых порядков для применения их в соответствии с имеющимися средствами. Начиная со сражения при Камбре, применялись главным образом следующие три формы.

1. Атака траншей противника при заградительном огне артиллерии. Три танка (черт. 7), расположенные в одну линию на интервалах в 150—250 шагов, сопровождаются каждый отделениями пехоты; каждое отделение является самостоятельной боевой единицей, следует в строю рядами и при атаке составляет стрелковую линию; за нею продвигается танк с необходимым числом отделений пехоты в виде поддержки. В случае надобности могут быть добавлены резервы.

2. Атака траншей противника без заградительного огня артиллерии. Один танк идет впереди; за ним следуют во второй линии на дистанции в 125—180 шагов (черт. 8) два танка, с интервалом в 225—350 шагов, и в третьей линии еще один танк, в виде поддержки. Пехота располагается, как сказано раньше. Передовой танк откры-

вает заградительный огонь, подобно артиллерии, и действует, как разведчик, по отношению к двум следующим позади танкам, составляющим, вместе с пехотой, боевую линию.

Черт. 7. Черт. 8.



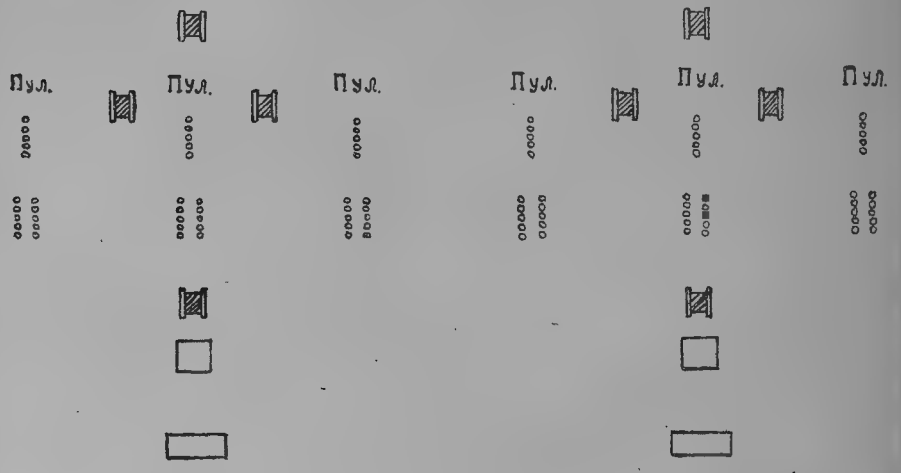
3. Атака в полевом бою. В полевом бою танки применяются в зависимости от обстоятельств. Действия их сводятся к трем главным видам (черт. 9): а) движению впереди боевой линии пехоты, б) движению вместе с пехотой и в) движению за боевой линией пехоты.

В случае движения вместе с пехотою,—что является наиболее часто применяемой формой боевого порядка, группы танков составляют как бы род подвижного укрепления, которое не только сокращает количество пехоты, необходимой для боевой линии, но и дает фланговый и перекрестный огонь впереди наступающей пехоты. В целях возможной экономии живой силы, но не за счет уменьшения интенсивности огня, применяются пулеметы Люиса для обстрелов интервалов между группами танков. За этими пулеметными отделениями должны следовать стрелки; когда при помощи танков и пулеметов непосредственное сопротивление сломано, стрелковые отделения быстро выдвигаются на несколько сот шагов вперед и образуют стрелковую цепь, служащую прикрытием атакующего. Такое построение сохраняется, пока стрелки не будут задержаны противниками, после чего боевая линия танков и пулеметов должна пройти сквозь них для возобновления атаки, а стрелки снова следуют позади в виде поддержки. Интересно сопоставить эту форму боевого порядка

с римскими велитами и гастатами (стрелки), принципами (пулеметы Люиса), триариями (танки) и с Наполеоновской легкой пехотой (стрелки), линейной пехотой (пулеметы), старой гвардией и тяжелой кавалерией (танки).

Атаки танков, подобно пехотным, также зависят от характера цели и способа действий, сосредоточения и экономии сил, степени внезапности, быстроты и безопасности движения и от согласованности действий. Танк должен знать, что следует делать далее; он должен действовать решительно; подобно пехоте, он должен быть поддержан огнем артиллерии, должен атаковать сосредоточенно, как в смысле огня, так и

Черт. 9.



в отношении числа машин, хотя и не в одном пункте; он должен нападать врасплох, двигаться насколько возможно быстро и действовать рука об руку с другими родами войск. От умелого применения этих правил к обстановке зависит успех или неуспех атаки танка.

При выяснении обстановки необходимо знать: 1) цель действий; состояние грунта, по которому предстоит движение танка; допускает ли местность образование наступательных крыльев на флангах; 2) расположение и число неприятельских орудий; можно ли парализовать их действие своими контрбатареями или удушливыми снарядами; насколько они могут поражать подступы к неприятелю и влиять на их выбор; 3) число промежуточных целей, прежде чем захвачена последняя; 4) исходное положение нашей пехоты, и 5) как напасть врасплох на противника. Раз эти вопросы разрешены

удовлетворительно, танки делятся на три группы: главные силы и два крыла; каждая из них в свою очередь распределяется по целям для атаки. Число танков против каждой цели определяется ее тактическим значением.

Если противник не имеет своих танков или надежных мер противодействия им, как это было у германцев, то хорошо обдуманная и подготовленная совместная атака танков, пехоты, артиллерии и аэропланов является для достижения несомненного успеха самым верным средством, какое когда-либо применялось в истории войн. Хорошо рассчитанная атака танков всегда удавалась и каждая такая атака давала больше пленных, чем убитых и раненых. Это — исторические факты, а не хвалебный гимн танкам; они заслуживают поэтому самого внимательного к себе отношения при составлении предположений для будущего.

ГЛАВА IX.

Сражение у Арраса.

См. план № 1.

Большие сражения, с которых началась для союзников кампания 1917 г. на западном фронте, были прямым последствием двух главных причин:

1) стратегического положения неприятельских армий, являющегося последствием сражения на Эне в 1914 г.;

2) тактических условий, в которых находились те же армии, как результат боев на Сомме в 1916 г.

Первая заставила девять десятых германских войск расположиться на западе по громадной дуге Остенде—Нойон—Нанси; вторая заставила значительную часть тех же войск образовать малый клин у Аррас-Гомкур-Морваль. Первая давала союзникам возможность нанести удар справа и слева по двум главным центрам германских сообщений—Валансьену и Мезьеру; последняя—нанести удары справа и слева по северному и южному флангам германской шестой и первой армий в направлении на Кеан.

Если бы было возможно нанести эти последние успешно, то произошел бы такой разгром германских сил, что не только наступление 1-й, 3-й, 4-й и 5-й английских армий явилось бы серьезной угрозой Валансьену, но и движение германских резервов для противодействия этому прорыву ослабило бы их давление на французов под Реймсом, и, вероятно, дало бы последним возможность двинуться на Мезьер.

План атаки в районе Арраса подвергался обсуждению еще незадолго до начала сражения на Сомме 1 июля 1916 г., он был тогда отвергнут, но снова ожил в октябре, когда было предположено двинуться на северный фланг Гомкурского клина. Надеялись использовать для этого наступление 2 батальона, из 48 танков каждый; так как обещанные к январю танки поспели только к концу апреля, этот план пришлось постепенно изменять.

Тем временем начались неприятельские действия, угрожавшие нам потерей достигнутых нами в течение предыду-

щего лета тактических преимуществ. В конце февраля выяснилось, что германцы намереваются покинуть Гомкурский клин, и недавняя постройка укрепленной линии Гинденбурга указывала на их желание закруглить прямой угол фронта между Аррасом и Краоном.

Отступление германцев вызывало некоторые изменения в плане британских операций. Четвертая армия сменила французов между Соммой и Ройе; третья армия, состоявшая из 5 корпусов и 3 х кавалерийских дивизий, должна была прорвать германскую оборонительную линию и движением на Камбре обойти линию Гинденбурга, между Хенинелем и Маркоином; первая и пятая армия должны были действовать на правом и левом флангах третьей армии. Успех британской атаки зависел не только от прорыва германской передовой линии, но и оборонительной линии Дрокур—Кеан в течение 48 часов с момента начала атаки; так как этим был бы нанесен германцам такой тяжелый удар, что им пришлось бы, двинув свои резервы на Камбре и Дуэ, оттянуть их от Суасонна и Реймса, где должен был быть нанесен противнику главный удар. Время, поэтому, являлось, как и всегда, решающим фактором: возможно ли было проникнуть за линию Дрокур—Кеан, пока неприятель не собрал еще своих резервов?

Решено было, что танки должны помочь выиграть нужное время. Однако, 1 апреля, даже взявши что было возможно из учебных лагерей Англии и Франции, удалось собрать для сражения только 60 танков марки I и марки II.

Эти 60 танков можно было использовать трояко: или сосредоточить их против одной цели, как, напр., Монши-Ле-Прё, если потребуется прорыв в центре: или против Бюллекура, если окажется необходимым обойти левый фланг германцев; или распределить машины по армиям или корпусам для мелких операций. Принято было это последнее решение и сделано следующее распределение машин:

1) 8 танков в первую армию для действия против высот Вими и селения Телю.

2) 40 танков в третью армию: 8—для действий с XVII корпусом, севернее реки Скарпы и 32—для действий с VI-м и VII-м корпусами к югу от той же реки.

3) 12 танков для действий с пятой армией.

План действий третьей армии был следующий: VI и VII корпуса должны были атаковать к югу от реки Скарпы между Аррасом и Меркателем и достигнуть линии, начинающейся от пункта в 2000 ярдах юго-восточнее Хенэн-на-Кожейле и идущей на север к Гемаппу, а оттуда восточнее Монши-ле-Прё к Скарпе. Вся полоса наступления имела 10.000 ярдов в длину и 8.000 в глубину. Она заключала в себе могущественные укрепленные линии:

1) Линию Кожейль-Невиль-Витас—телеграфный холм—Харп-Тиллои-ле-Мафлен, значительная часть которой укреплялась более двух лет.

2) Линию Феши-Шапель-Феши. Южнее их шла линия Гинденбурга, а к востоку от Монши-ле-Прё плато, командующее всей окрестной местностью. Три долины лежат между этой возвышенностью и городом Аррасом.

XVII-й корпус должен был атаковать к северу от реки Скорпы и занять линию от восточного края Фампу до Пуендю-Жур и оттуда до пункта, лежащего в 4.000 ярдах к востоку от Роклинкура. Местность вдоль северного берега Скарпы была пересеченная и там существовало много прекрасных позиций для неприятельских пулеметов. Кроме того, железная дорога на Байе была сама по себе сильной преградой.

Атака первой армии имела целью овладение знаменитыми высотами Вими, Телю и холмом севернее Телю, считавшимися одной из самых сильных позиций во Франции.

Пятая армия должна была действовать между Ланьикуром и правым крылом третьей армии, двигаясь к северу на Визан-Артуа. Задача этой армии была чрезвычайно трудна. Разрушение дорог и дурная погода сделали невозможным движение артиллерии,—это необходимое условие всех атак этого периода. Все вышеизложенные операции в целом следовало рассматривать, как подготовку к наступлению двух кавалерийских дивизий и XVIII корпуса южнее Скарпы, где эти войска должны были прорваться у Монши и наступать к востоку к линии Дрокур—Кеан.

Общие основания подготовки, необходимой для боя танками, будут изложены в другой главе, здесь же достаточно упомянуть, что подготовка распадалась на предварительную разведку, создание передовых складочных пунктов, подготовку танкодромов и сборных пунктов, соображения о перевозках по железной дороге и выбор и подготовку танковых дорог, ведущих от танкодромов.

Разведка началась с января и была выполнена весьма тщательно. Складочные пункты были образованы в Борен, Ашикуре, близ Роклинкура и Невиль Сант-Вааста. Так так не существовало грузовых танков, то запасы пришлось нести на руках, но если бы были такие машины, то каждая из них заменила бы труд 300—400 носильщиков. Головные станции пятой, третьей и первой армии были намечены соответственно у Аши-ле-Гран, Монтенескура и Ака. Перевозка танков и запасов к этим станциям была успешно выполнена после нескольких мелких приключений, в роде испорченных грузовиков, опоздавших поездов и гибели 22 марта 20.000 галлонов горючего во время железнодорожного крушения. Такого рода случайности, конечно, имеют мало значения, если

весь план выработан с предусмотрительностью. Единственная реальная неудача, случившаяся в ночь с 8-го на 9-е апреля, постигла колонну танков, двигавшуюся от Ашикура к исходному пункту атаки.

Ашикур лежит в долине, по которой протекает ручей Крэншон. На поверхности здесь крепкий грунт, но под этой наружной корой местами лежит размякшая почва, что выяснилось только тогда, когда 6 танков провалились сквозь верхний покров и погрузились в смесь воды и глины. Присутствовавшие никогда не забудут часов, следовавших за этой неудачей. Постепенно удалось вытащить танки, но слишком поздно, чтобы они могли принять участие в первой атаке следующего дня.

7-го и 8-го апреля погода была ясная, но, на несчастье, рано утром 9-го прошел сильный дождь. В нулевое время, на рассвете, танки двинулись за пехотой, но сильно изрытая площадь у высот Вими, смоченная вдобавок дождем, оказалась не по силам танкам 1-й армии и все они завязли в 500 ярдах к востоку от линии германского фронта и так и не могли принять участия в наступлении. Те 4, которые выехали из Роклинкура, тоже не были счастливее и, хотя они проехали значительно дальше, все-таки завязли и выбыли из строя. Заградительный огонь артиллерии был великолепен и канадцы, выступив под его прикрытием, почти с одного маху захватили несколько тысяч пленных. Быстрота этого наступления, явившаяся результатом прекрасного действия нашей артиллерии и порыва канадцев, сделала содействие танков излишним; поэтому, решено было изъять все 8 машин из 1-й армии и отослать их в 5-ю. Танки из Роклинкура также были отправлены для подкрепления тех, которые действовали непосредственно к северу от Скарпы.

Четыре танка, выехавшие прямо на восток от Арраса, были удачливее, так как, хотя один из них был разбит снарядом вскоре после выезда, три остальных продвинулись к востоку вдоль по Скарпе и оказали ценную поддержку пехоте, уничтожая неприятельские пулеметы.

К югу от Скарпы пехота атаковала с таким же порывом. У Тиллои-ле-Мафлен, Харпа и телеграфного холма танки присоединились к наступлению и истребили много германцев, а, затем, двигаясь дальше, помогли захватить голубую линию (Невиль-Витас, Буа-Де-Беф, ферма Хэрвэн) и те части коричневой линии (Хенинель, Феши-Шапель, Феши), до которых успели дойти засветло.

Почва у Харпа, где были чрезвычайно сильные земляные укрепления, была очень изрыта и в некоторых окопах было на 2 фута воды. Довольно много танков застряло здесь. Операции танков в течение 9-го можно считать удачными только отчасти, главным образом, вследствие тяжелого грунта,

сырого и сильно разбитого снарядами, и быстроты наступления пехоты. На следующий день были предприняты лишь мелкие операции и было тотчас же приступлено к спасению увязших танков, которые были отрыты и отправлены в починку.

11-го было произведено три важных атаки, первая от Феши-Шапель к Монши; вторая от Невиль-Витас вдоль линии Гинденбурга и третья на селение Бюллекур.

Первая атака была чрезвычайно удачна и хотя только 3 из 6 танков, выехавших из Феши-Шапель, достигли Монши, но их доблестному действию, более чем чему-либо другому, пехота обязана тем, что заняла эту чрезвычайно ценную с тактической точки зрения позицию. После захвата Монши кавалерия двинулась вперед. По всем донесениям, германцы были весьма деморализованы в этот период сражения, но тем не менее, пока у них было хоть немного стойких пулеметчиков, успешное наступление кавалерии было невозможно и единственно, кто мог бы сделать его возможным,—был танк, истребитель пулеметов, а так как не оставалось больше ни одного танка, годного для дела, то германцы успели укрепиться и упрочить свое положение.

Вторая атака была произведена от Невиль-Витаса четырьмя танками. Эти машины проехали прямо вдоль линии Гинденбурга к Хенинелю, загоняя германцев под землю и убивая большое их количество. Затем, они повернули на северо-восток к Винкуру и в течение нескольких часов сражались с германцами у этого селения. Все четыре окончательно вернулись на наши позиции после 8—9 часов самостоятельных боевых действий. Это—достопамятное маленькое дело, несмотря на то, что его действительная ценность не очень велика.

Третья операция, именно атака на селение Бюллекур и к востоку от него, самая интересная из всех трех. Во всех предыдущих операциях этого сражения главную роль играли своевременность и сила заградительного огня артиллерии, при чем танкам принадлежало здесь второстепенное значение. В настоящей атаке положение танков было совершенно обратное этому: им принадлежала руководящая роль и, хотя атака оказалась неудачной, они ясно доказали возможность для танков выполнить задачи, которые до тех пор возлагались лишь на артиллерию, из коих две главные—разрушение проволоки и подвижной заградительный огонь—могли с этого момента производиться танками (последняя—6-фн. пушками и пулеметами).

План атаки был следующий: 11 танков должны были выстроиться в линию на расстоянии 80 ярдов [1]) один от другого и в 800 ярдах от германской линии. Их задачей было

[1]) 20 ярдов = 25 шагам. (Прим. ред.),

прорвать линию Гинденбурга на восток от Бюллекура: затем 6 из них должны были повернуть на запад (4 для атаки Бюллекура и 2 — линии Гинденбурга на северо-запад от Бюллекура), 3 наступать на Рейнкур и Хендекур и 2 двинуться на запад вдоль окопов Гинденбурга. Это была операция, подобная уже упомянутой в главе VIII-й „Тактика танков" и названной „Трезубцем".

Все 11 танков вышли в нулевое время, которое было назначено в 4 ч. 30 мин. утра. Наступавшие на флангах были быстро выведены из строя огнем неприятельской артиллерии; однако, 2 или 3 из них, которым было приказано наступать на Рейнкур и Хендекур, вошли в эти селения, а следовавшая за ними пехота успешно заняла их.

Несмотря на понесенные тяжелые потери, танки центра успешно выполнили свое дело, но германцы сильной охватывающей контр-атакой, удавшейся отчасти вследствие невозможности нашего наступления на флангах, взяли обратно селения Рейнкур и Хендекур, захватили в плен оба танка и несколько сот солдат из 4-й австралийской дивизии. Потеря двух танков была неприятной, потому что германцы узнали о том, что их последние бронебойные пули могут пробивать их боковые стенки и спонсоны. Это повело к изданию германцами приказа, чтобы вся пехота в будущем имела при себе некоторое количество таких пуль.

Интерес Бюллекурского дела заключается в том, что это был первый случай, когда танки употреблялись взамен артиллерии. Это не удалось по различным причинам: вследствие поспешности в подготовке; изменения плана атаки в предшествовавшую бою ночь; неизбежной слабости артиллерийской поддержки; и больше всего, несоответствия самих танков для такой операции и недостатка доверия к ним со стороны пехоты.

Между 12 и 22 апреля все операции танков были второстепенного характера. К 20 числу того же месяца 30 машин было исправлено и 23-го 11 из них были использованы для действий около Монши, Гавреля и химических заводов в Ре; были достигнуты прекрасные результаты, но не менее 5 из 11 машин подверглись серьезным повреждениям от бронебойных пуль, ставших отныне главным средством противетанковой обороны у неприятеля.

Общий результат действий танков был благоприятный, хотя количество понесенных потерь превзошло ожидания. Ценность исполненной ими работы была признана всеми войсковыми частями, с которыми они работали. Потери, нанесенные ими неприятелю, были несомненно тяжелы; в большинстве случаев, где они наступали пехотная атака удавалась, и лучшая похвала их действиям исходила от самого

противника, который, предпринимал всевозможные меры для того, чтобы помешать им действовать.

Бои показали, что обучение всех чинов велось правильно и имело практический характер. Воинский дух солдат был высокий, и танки сражались с большим мужеством. Один из командиров признает в своем донесении о бое, что поведение его офицеров и солдат может быть определено как „торжество силы духа над техническими затруднениями".

Этот прекрасный воинский дух был несомненно результатом прекрасного руководительства всех офицеров и унтерофицеров в течение одиночной и массовой подготовки и развлечений, устроенных для батальонов в течение этого времени, т. к. игры и спорт тщательно культивировались, как основа боевой тренировки.

Главные тактические уроки, извлеченные из этих действий, были следующие: танки должны быть употребляемы в массе, т.-е. они должны были сосредоточиваемы, а не разбрасываемы. Для каждой боевой задачи должна быть назначена особая группа танков и всегда должен находиться сильный резерв под рукой; взводы и, по возможности, роты, не должны быть раздробляемы; машины марки I и марки II не годятся для мокрого, сильно изрытого снарядами грунта; моральное воздействие танков очень велико; контр-батареи для борьбы с артиллерией противника существенно необходимы для их безопасности; и безусловно необходимы танки грузовые и для службы связи.

Вечером 10-го апреля полковник, командовавший тяжелым отрядом, получил следующую телеграмму главнокомандующего: „Поздравляю с отличной работой, выполненной тяжелым отрядом пулеметного корпуса в течение вчерашних боев. Прошу передать тем, кто принял в них участие — мое признание их мужества и проявленного ими уменья".

ГЛАВА X.

Реляции о танковых боях.

С целью запечатлеть личный боевой опыт каждого из командующих танками и собрать статистические данные о работе самих танков, незадолго до сражения у Арраса, была для этого установлена отчетность по определенной форме в виде „Листка боевой деятельности танка". Эти листки выдавались командирам танков перед сражением, заполнялись ими после его окончания и, наконец, отправлялись в штаб корпуса танков, где делали из них сводку. Таким образом, явилась возможность собрать много ценных данных от самих сражавшихся, сообщения которых, к несчастью, так часто успевают выдохнуться, пока донесение о бое путешествует из одного штаба в другой. Помимо материальной ценности, эти донесения часто имели ценность психологическую, и, читая их с некоторой вдумчивостью, возможно было определить весьма точно душевное настроение сражавшихся, ту атмосферу боя, которую так трудно чувствовать в тылу боевой линии, невозможно искусственно создать и которая, однако, так необходима для душевной бодрости генерального штаба и высшего командования.

Эта система отчетности, начатая с боев у Арраса, сохранялась в корпусе танков вплоть до окончания войны и по ней были написаны многие сотни этих кратких реляций.

Нижеследующие списаны почти наудачу с составленных во время вышеупомянутого сражения и являются прекрасными примерами первых танковых боев.

Боевая реляция команды № Д. 6.

Танк № 505. Число 9/4—1917 г.

Командир поручик *А.*

Войсковая часть, к которой был придан танк . . . . . 14-ая дивизия.
Час выезда танка для действий . . . 6 ч. 20 м. утра 9 апреля 1917 г.
Нулевое время . . . . . 5 ч. 30 м. утра (14-я дивизия выступала в 7 ч. 30 м.).

Напряжение и свойство неприятельского артиллерийского огня	усиливался по мере движения танка вдоль линии Гинденбурга.
Истрачено патронов	3,500 патронов.
Потери	Не было.
Положение танка после боя	Попал в крупный танковый капкан и снарядом поврежден.
Состояние танка после боя	Попорчен артиллерийским снарядом.

Полученное предписание. Атаковать телеграфный холм с пехотой 14-ой дивизии в 7 час. 30 мин. утра 9-го апреля 1917 г., затем наступать вдоль линии Гинденбурга в Невиль-Витас.

Ждать на сборном пункте к северу-востоку от Невиль—Витаса, пока пехота не подойдет вновь к Ванкуру. Наступать с пехотой к Ванкуру и поддержать ее по мере необходимости.

Описание действий. Танк выехал из исходного пункта в Борен в 6 час. 30 мин. утра, 9-го апреля 1917 г., прошел линию нашего фронта в 7 ч. 27 мин. утра, атаковал вместе с пехотой телеграфный холм в 7 час. 30 мин. утра; затем продолжал движение к Невиль-Витасу вдоль линии Гинденбурга. В пункте, отстоящем на 1000 ярдов к северо-востоку от Невиль-Витаса, танк попал в капкан, состоявший из большой ямы, тщательно прикрытой дерном. Я и сержант *Б.* немедленно вышли из танка и отправились предупредить об этом другие танки, несмотря на артиллерийский огонь.

(Подпись). Поручик *А.*

Офицер команды танка Д. 6.

Боевая реляция команды № Д. 9.

Танк № 770. Число 9/4—1917 г.

Командир подпоручик *С.*

Войсковая часть, к которой придан танк	30-я дивизия.
Час выезда танка для действий	4 час. 45 мин. утра.
Нулевое время	5 час. 30 мин. утра.
Напряжение и свойство неприятельского артиллерийского огня	Очень сильный с момента вторжения в боевую линию неприятеля.
Истрачено патронов	Неизвестно.
Потери	Ранен унтер-офицер, отправлен в госпиталь.
Положение танка после действий	Увяз близ окопов Невиль-Витаса.
Состояние танка после действий	Цел.

Полученное предписание. Наступать от Меркателя к системе окопов 300 через стрелку Кожейль до окопов Непаль, оттуда с пехотой в Ванкур.

Описание действий. Вследствие технической неисправности, танк опоздал прибытием на место действий. Исправив машину, я прибыл на соединение с машинами Д. 10—Д. 11, как был приказано. Я нашел эти танки окончательно выбывшими из строя и отправился один к следующей линии окопов, где был встречен сильным огнем неприятельских пулеметов и орудий. Я считаю, что мы успешно потеснили одну из неприятельских партий стрелков, но, увязнув в грязи, не могли преследовать дальше. Казалось, однако, что присутствие моего танка, находившегося на правом, ничем не обеспеченном фланге нашей пехоты, было угрозой для неприятеля, отдельные мелкие части которого все еще находились по соседству.

Я поставил людей к своим шестифунтовым пушкам и мы три дня удерживали нашу позицию, пока танк не был окончательно выбит из нее. В целом, команда работала хорошо и бодро, но я особенно отличаю капрала *Д.* за неослабную бодрость и верность долгу, несмотря на очень тяжелую и безнадежную обстановку.

(Подпись). Подпоручик *С.*

Офицер команды танка Д. 9.

Боевая реляция команды № Д. 4.

Танк № 783. Число 23/4—1917 г.

Командир поручик *Е.*

Боевая часть, к которой придан танк	50-я дивизия (4-й бат. Иоркшайрского полка).
Час выезда танка для действий	3 ч. 30 мин. утра.
Нулевое время	4 ч. 45 мин. утра.
Напряжение и свойство неприятельского огня	Сильная стрельба гранатой, шрапнели не было. Не особенно сильный пулеметный огонь.
Истрачено патронов	Примерно 40 патронов (6-фунтовых).
Потери	Не было.
Положение танка после действий	0.19. в. 0,5 (примерно) [1]).
Состояние танка после действий	Негоден, обе гусеницы разбиты, есть и др. повреждения от прямых попаданий и вообще от огня.

Полученное предписание. Атаковать укрепленный пункт неприятеля 0.19. а. 07 [1]) в качестве первой цели, затем проследовать к берегу в 0.19. в. [1]) и вернуться с пехотой обратно для закрепления голубой линии, в качестве второй цели. Моей третьей целью было согласованное наступление с пехотой через 7 часов после нулевого времени и атака за-

[1]) Условные обозначения на карте. (Примеч. *ред.*).

граждения окопов в 0.21. а. и в. как раз впереди красной линии. Окончательно было предоставлено моему усмотрению возможно ли достигнуть этой третьей цели.

Описание действий. Наступал с пехотой, но, вследствие густого тумана было очень затруднительно сохранять верное направление. Достиг первой цели в 5 час. 20 мин. утра, подойдя к ней со стороны реки. Успешно справился с неприятелем на левом берегу реки, заставив его уйти. Крейсировал до встречи с танком № 522, Д. 3, затем пошел ко второй цели. По дороге я увидал нашу отступавшую пехоту, выехал вперед, чтобы остановить наступление неприятеля. Продвигаясь, я увидал танк поручика *Ф.*, который шел не по своей дороге. Поручик *Ф.* вышел из своего танка и сообщил мне, что он сбился с дороги. Я направил его и он вернулся в свой танк. Почти немедленно после этого (примерно в 6 ч. 30 мин. утра) оба танка попали под прямой обстрел антитанковых орудий и пулеметов. Последних я заставил замолчать моим левым шестифунтовым. Я маневрировал, чтобы представлять возможно маленькую цель для неприятельского огня. Тем не менее, в танк попало 6 снарядов, которые испортили обе гусеницы, зажгли запас горючего в коробке на заднем конце танка и может быть произвели и другие серьезные повреждения. Команде удалось уйти из танка невредимой. Положение танка указано.

Затем я вернулся в роту и послал донесение.

(Подпись). Поручик *С.*

Офицер команды танка Д. 4.

Боевая реляция команды № Д. 10.

Танк № 784. Число 23/4—1917 г.

Командир подпоручик *Г.*

Войсковая часть, к которой придан танк	98-я пехотная бригада.
Час выезда танка для действий	4 ч. 45 мин. утра.
Нулевое время	4 ч. 45 мин. утра.
Напряжение и свойство артиллерийского огня неприятеля	Первые 3 часа не особенно сильный артиллерийский огонь, но затем весьма сильный до прибытия на сборн. пункт. Прямого огня антитанковыми орудиями не было.
Истрачено патронов	290 патронов шестифунтовых (орудий), остальное танк не мог использовать, т. к. снаряды застряли в своих футлярах в танке. Восемь пулеметных лент к пулемету Люиса.

Потери . . . . . Не было.

Положение танка после действий . . Хорошее, только требующее пополнения запасов и подмазки.

Полученное предписание: Наступать из пункта отправления из линии британского фронта в Т. 4. в. 4. 5, к линии Гинденбурга в пункте Т. 6. а. 0. 5, из какового пункта пехота должна броситься вдоль линии Гинденбурга (передовая часть и поддержка) к реке Сенси в пункте И. 7. а. 4. 4. Танку поддерживать пехоту и, по достижении цели на реке, проследовать в Круазиль.

Описание действий. Я выехал с места отправления, Т. 4. в. 4. 5, на рассвете, и прорвал проволоку линии Гинденбурга в Т. 6. а. 0. 5. проехав через нее и войдя в связь с нашей пехотой, от которой я получил донесение, что она задержана пулеметами вдоль линии окопов. Я подошел к этому месту и уничтожил преграду, затем я поехал параллельно окопам, сбивая пулеметные гнезда и партию стрелков по всему пути до пункта И. I. с. 5. 0. Пехота поддерживала все время связь с танком, медленно двигаясь позади него, и после того, как пулеметные гнезда были разбиты, она брала находившегося в них противника в плен. В двух случаях были выкинуты белые флаги тотчас же после того, как гнезда были разбиты. Стрельба была очень хорошая. До пункта И. I. с. 5. 0. стрельба гранатами была случайная, но когда мы достигли северного ската углубленной в этом месте дороги и стреляли по гнездам к стороне реки, мы были вполне ясно видны из селения и артиллерийский огонь стал очень силен. Запас патронов для 6-фунтовых совершенно истощился к этому времени, а т. к. грунт на южном скате углубленной дороги был очень тяжел, я решил двинуться обратно вдоль окопов, через проволоку и через углубленную дорогу у пункта Т. 12. в. 5. 3, добрался до сборного пункта у завода Краузиль, куда прибыл в 12 ч. дня. В течение всего обратного пути к сборному пункту, меня сильно обстреливали артиллерийским огнем, но не причинили вреда. Я был того мнения, что линию Гинденбурга слишком опасно пересекать с фронта (вследствие ее ширины), и поэтому не мог иметь дела с линией поддержек и был не в состоянии наблюдать эту линию с линии фронта. Я посылал две записки с голубями, в 9 час. 30 мин. утра и в 12 час. дня. У меня была только одна почтовая трубка, почему я должен был завернуть вторую записку в хлопок.

(Подпись). Подпоручик *Д.*,

Офицер команды танка Д. 10.

Боевая реляция команды № Д. 9.

Танк № 716. Число 23/4—17 г.

Командир подпоручик X.

Войсковая часть, к которой придан танк	51-я дивизия.
Час выезда танка для действий	5 ч. 12 мин. утра.
Нулевое время	4 ч. 15 мин. утра.
Направление и свойство артиллерийского огня	Сильный.
Истрачено патронов	Около 220 шестифунт. 14 пулеметных лент к пулемету Люиса.
Потери	Четверо.
Положение танка после действий	Н. 24. в. 3. 9. (Лист 51 B).
Состояние танка после действий	Попорчен, правая гусеница очень ослаблена.

Полученное предписание. Очистить лес Маунт Плезант, Рё и северный край селения.

Описание действий. Т. к. времени, данного танкам для перехода от места сосредоточения к исходному пункту, оказалось недостаточно, мой выезд задержался на 20 минут.

Узнав, что другая машина, которая должна была действовать со мной, выбыла из строя, я поехал один к виадуку железной дороги, где задержался на несколько минут из-за множества разложенных ящиков, которые пришлось убирать, и баррикады из мешков с песком, через которую я не мог проехать.

Я скоро догнал пехоту, которая была задержана огнем пулеметов в лесу Маунт-Плезант. По ее просьбе я изменил свой маршрут и поехал на северную сторону леса, шедшую параллельно окопам, занятым нами с южной стороны леса, а неприятелем—с северной. Мне было сказано, что партия бомбометателей будет следовать за мной к окопам.

Очистив этот лес, я двинулся к селенью Рё, где я снова встретился с пехотой, обошедшей лес Маунт-Плезант с другой стороны, где ее снова задержал огонь пулеметов, спрятанных в строениях. Наш заградительный огонь мог быть только очень слабым, судя по сравнительно малому количеству повреждений, нанесенных строениям. Здесь я истратил 200 патронов для шестифунтовых пушек.

Трудно установить с точностью количество пулеметов, выведенных из строя.

Одним из моих лучших предметов действий была партия около 30 человек, которых мы выбили шестифунтовыми пушками из дома и затем рассеяли огнем пулеметов Люиса.

Я уверен, что, по крайней мере, один 6-ти фунтовый снаряд разорвался среди них и это произвело заметное впечатление. Другая цель, сама собой представившаяся, была партия людей, шедшая на нас. Я не знаю предполагали ли они

сдаться, или то были бомбометатели—я принял их за последних. Сквозь разбитые строения часто виднелись партии, шедшие с тыла. Дважды неприятельский офицер собирал с дюжину людей и занимал дом, уже очищенный нами.

Здесь опять 6-ти фунтовый снаряд, пущенный в окно, справился с противником, оставшимся в строении. Что касается пулеметов в лесу, то мы могли нащупать их только по маленьким вспышкам дыма, на которые мы наводили наши 6-ти фунтовые пушки. Мы ушли не раньше того, как эти вспышки исчезли и, следовательно, были основательные причины предполагать, что пулеметы выбиты. Наконец, наша пехота достигла селения. Повидимому, у нас не было здесь офицеров, чтобы командовать пехотой.

Тогда я отправился в сторону леса Рё и узнал о партии стрелков, все еще остававшейся в лесу Маунт-Плезант и о пулемете на насыпи железной дороги, причинявшем нам большое беспокойство; я поехал обратно к виадуку железной дороги с намерением ехать параллельно насыпи по направлению к станции, но, к несчастью, моя машина застряла в очень болотистой почве у канала. В отношении потерь, я полагаю, что я оставался в этом районе достаточно долго, около трех часов, чтобы неприятель мог послать за бронебойными пулями. Все четверо, пострадавших из моей команды, были убиты внутри танка.

Установка пулеметов Люиса была плоха, много целей было потеряно, вследствие потраченного времени на наводку, и, в конце концов, мы стали наводить их сквозь передние дверцы. Дверцы нынешнего устройства недостаточно высоки, чтобы дать хороший обстрел. Оба шестифунтовых орудия работали великолепно, один лишь раз давши промах. Неприятельского артиллерийского огня в селении Рё или непосредственно в том районе, где я действовал, не было, но заградительный огонь артиллерии неприятеля около железной дороги был весьма сильный. Когда я увидал, что для меня невозможно дойти до станции железной дороги, я послал с голубем записку с просьбой, чтобы один из танков, действовавших в районе химических заводов, был отряжен для действий против пулеметов на насыпи.

Я не нахожу достаточно слов для того, чтобы похвалить отличную подготовку и работу команды. Я передал два германских дневника, попавших мне в руки, офицеру, ведающему разведкой.

(Подпись). Подпоручик X.

Офицер команды танка № 716.

ГЛАВА XI.

Второе сражение при Газе.

См. план № 2.

В виду содействия, оказанного танками британской пехоте в сражении на Сомме, в Англии пришли к решению отправить некоторое количество этих машин на поддержку нашим войскам на Синайском полуострове, особенно по соседству с Эль-Аришем, южнее Турецкой границы. Первоначально решено было послать 12, но дело окончательно свелось к 8 машинам, и по несчастной случайности были отосланы старые, подержанные машины вместо новых, как предполагалось.

Отряд, под командой майора Нэт, состоял из 22 офицеров и 226 нижних чинов, взятых из первоначального состава роты E; он погрузился на суда со своими танками, мастерскими и транспортом в Девонпорте и Авонмоутзе в декабре 1916 года и прибыл в Египет в течение следующего месяца.

Тотчас после его прибытия был составлен план демонстрирования танков перед войсками, для того, чтобы штабы различных боевых частей могли видеть, что танки могут дать. Эти демонстрации были выполнены на песчаных дюнах близ Жильбана, в расстоянии около 10 миль к северу от Кантары на Суэцком канале [1]).

В феврале однажды внезапно пришло предписание отряду двинуться возможно быстрее в боевой район. Это было исполнено и по истечении трех часов с момента получения предписания весь отряд, с танками и прочим, был погружен в поезд в Жильбане и мчался к северу, в район боевых действий. На следующий день произошла задержка в Эль-Арише, за день до этого захваченном австралийцами, но в тот же день поезд последовал в Рафу, пограничный город, который только что был эвакуирован турками, и на другой день рано

---

[1]) Майор Форсайт-Мэджор, помощник командира отряда египетских танков, на показаниях которого основано это описание, потерял все свои документы и карты в море, в мае 1918 г., когда судно, на котором он возвращался в Англию, было потоплено миной, почему некоторые числа здесь не указаны.

утром достиг Хан-Юнуса, в 15, приблизительно, милях на юго-восток от Газы, древней крепости крестоносцев, окруженной обширными фиговыми зарослями и другой растительностью; здесь отряд оставался 10 дней.

В течение этой остановки первый бой при Газе закончился, наши войска были вынуждены отойти и занять позицию к югу от города, вследствие появления сильных турецких подкреплений со стороны Бирщебы, угрожавших британским сообщениям.

Боевые действия в это время прекратились и началась подготовка ко второму сражению при Газе, которое должно было стать одним из самых ожесточенных боев на восточном фронте. Для этого сражения отряд танков выехал в начале марта из Хан-Юнуса в Дейр-Эль-Белах. Турецкая армия, насчитывавшая в этот период около 30.000 человек, растянулась на фронте протяжением в 16 миль [1]) от Газы на юго-запад к Харейре и Шекии. Британский план действий был следующий:

Командующему колонной пустыни были поручены операции против фронта Харейры, прикрывая правый фланг, тогда как задача овладеть важными гребнями Шейх-Аббаса и Мансары, расположенными к югу от Газы и возвышающимися над ней, была возложена на 52, 53 и 54 дивизии; 74 дивизия оставалась в общем резерве.

Танки отряда, оставшиеся в резерве главного командования, были распределены по дивизиям следующим образом;

1) 53 дивизии, действовавшей от моря до каирской дороги, идущей через окопы Романи, два танка, которые должны были оставаться в резерве, пока пехота не подойдет к линии Ред Хауз-Тель Эль Аджуль-Моней Хиль—берег.

2) 52 дивизии, действовавшей от долины курдов до Вади-Эль-Нукабир, четыре танка для поддержки пехотной атаки на гребень Мансары.

3) 54 дивизии, действовавшей на фронте, простиравшемся от пункта в 500 ярдах западнее гребня Аббас до дороги Газа—Бирщеба, два танка для поддержки пехотной атаки на гребень Шейх-Аббас.

Первый день сражения был назначен на 17 апреля. За 2 дня до этого все 8 танков отбыли из Дейр-Эль-Белаха после сумерек, 2 перевалили гребень Друль, через Сент-Джемс-Парк, оттуда по Тель-Эль-Нужеид и через Вади-Гузе к холму Моней; 4—из Дейр-Эль-Белаха в восточном направлении через Пикадали Циркус по высокому гребню Ин-Сейрат, затем на восток в Шейх-Нейбхан на Вади-Гузе, 2 по той же дороге до Ин-Сейрата, а оттуда отправились к пункту на юго-восток от Шейх-Небхана.

---

[1]) Английская миля—1½ верст. (Примеч. ред.).

Все 8 танков благополучно достигли сборного пункта до рассвета. Тем временем склады боевых запасов и продовольствия были устроены в различных пунктах до Вади-Гузе.

В последовавшем затем сражении положение танков относительно пехоты менялось соответственно характеру почвы и сопротивлению противника. Атаки 52 и 53 дивизий были произведены совершенно внезапно, оба танка, бывшие при первой дивизии, направились к вечеру первого дня к позиции южнее холма Моней, а 4 достигли, вместе с последней дивизией, пункта южнее гребня Мансара. Ни одна из этих машин не вступала в бой, т. к. турки оставили свои окопы и укрепления в полном замешательстве. На фронте 54 дивизии оба отряженных в эту дивизию танка участвовали в деле; один, однако, был поврежден прямым попаданием, но другой хорошо поработал по очистке неприятельских окопов на северо-запад от гребня Аббас, уничтоживши много турок и давши нашей пехоте возможность занять эти укрепления.

К вечеру 17 апреля все три атаковавшие дивизии окопались по линии, приблизительно от Марин Вью, через холм Харт, холмы Курд и Мансара, Аббас и оттуда к юго-востоку на гребень Аттавинех. Наступил 48-часовой перерыв в боевых действиях, послуживший для подготовки ко второму периоду сражения.

19 апреля утром этот второй период начался. Астралийский корпус, с правого фланга, должен был начать атаку на восточные укрепления Газы, тогда как 52, 53 и 54 дивизии должны были вести главную атаку и наступать на линию от берега к укреплению Али-Эль-Мунтер. Боевые суда должны были содействовать этой атаке. Танки были распределены по дивизиям следующим образом:

53 дивизия, цель—от окопа Мазар до Шейх-Редван; один танк должен был содействовать овладению гребнем Сампсона, редутов Эль-Ариш и Шейх-Редван и один танк—действовать против Шейх-Ажлин, окопов Белах, Юнус, Рафа, Зоваид, Эль-Бурс и ждать дальнейших приказаний у окопа Эль-Ариш.

2) 52 дивизия, цель—окопы противника от холма королевы до Али-Эль-Мунтера. Для этой операции было назначено 4 танка, частные цели которых, холм Аутпост, Лабиринт, Варрен и Али-Эль-Мунтер, были изменены в ночь с 18 на 19. Это произвело значительное замешательство. Сообразно этой перемене, один танк должен был произвести нападение на холм Грин, один очистить холмы Лиз и Аутпост и остальные два—оставаться в резерве у холма Курда.

3) 54 дивизия, цель — Кирбет-Эль-Сихан и Эль-Сайр—гребень Али-Эль-Мунтер до австралийского холма; один танк для захвата редута к западу от Кирбет-Эль-Сихан.

Из вышеизложенного видно, что от танков ожидали многого; в действительности эти 7 машин должны были разрешить задачу, которую во Франции сочли бы громадной и для двух полных батальонов.

Из двух танков 53 дивизии один повредил свою гусеницу, поэтому другой (Тигр) повел наступление один и вытеснил неприятеля с гребня Сампсона, который затем был занят нашей пехотой; затем он проследовал к редуту Эль-Ариш, но, т. к. пехота не могла следовать за ним, то после шестичасового действия, в течение которого он расстрелял 27.000 патронов, он удалился в Риджент-Парк, при чем все люди его команды были ранены. На фронте 52 дивизии произошел отчаянный бой: танк, действовавший против холма Лиз и холма Аутпост, попал в рытвину, стенки которой неожиданно осыпались. Его место занял танк, отряженный к холму Грин; он достиг холма Аутпост и очистил его от противника, но здесь был поврежден прямым попаданием.

Т. к. огонь неприятельских пулеметов был силен, то вызвали один из резервных танков. После тяжелых потерь пехота завладела холмом, но была снова выбита контр-атакой; затем она отошла на линию, проходившую с востока на запад через холм королевы, причем резервный танк отошел в это же время к холму Курд. Атака, произведенная последней дивизией (54), не была удачнее. Единственная машина, работавшая с этой дивизией, двинулась к большому редуту на северо-запад от Кирбет-Эль-Сихан и, достигнув его, принудила турецкий гарнизон к сдаче. Тогда пехота заняла эту позицию. Вскоре после этого прямым попаданием разбило у этого танка одну гусеницу, и начавшаяся в результате этого контр-атака противника кончилась захватом его в плен, вместе с занявшей редут пехотой.

Несмотря на то, что это сражение было неудачным, работа, выполненная отрядом танков, является замечательным торжеством этого оружия. Сражавшиеся танки были I и II марки, из которых каждый к концу сражения прошел по 40 миль в среднем. Разведка, за недостатком времени, почти не производилась и пехотные начальники не понимали боевых свойств танка, ожидая чудес от далеко не совершенной машины. Назначенные танкам цели были не только трудны, но и слишком многочисленны; несмотря на это, поддержка, оказанная этими 8 танками атаковавшей пехоте на пятимильном фронте, была значительной и оцененной по достоинству. Однако, она совершенно не соответствовала достигнутым результатам, вследствие наличности сотен искусно замаскированных пулеметов, которым турки, главным образом, и обязаны своей победой.

ГЛАВА XII.

Работа штаба и подготовка к бою.

Успех или неуспех сражения вытекает из его организации, т.-е. из подготовки к нему. Последняя лежит на обязанности генерального и административного штабов армии или отряда и обычно заключает в себе огромное количество кропотливой работы. Тот факт, что успех настолько же, если не в большей степени, зависит от организации (силы ума), как и от храбрости (силы нервов), еще не всеми признан; и многие офицеры и солдаты, находящиеся в передовой линии, не отдавая себе отчета в причинах происходящих явлений и воздействиях на них, разгадка коих кроется в тылу, слишком склонны забывать о том, что делает штаб, а еще более, после одержанной крупной победы, о том, что штаб сделал.

Чем совершеннее становится оружие, тем успешнее может хорошая работа штаба решить вопрос—поведет ли применение его к победе или к поражению. Это скоро было сознано в корпусе танков, и командующий корпусом, вместе с подчиненными ему начальниками, приложили все старания для выбора в свои штабы только самых способных офицеров; результатом этого было то, что вопрос о назначении на должность решался в зависимости от способностей, а не от старшинства.

Работа штаба корпуса танков часто значительно осложнялась тем, что танк был новым видом оружия и его плохо знали не только другие роды войск, но и многие чины самого корпуса танков. Это повлекло за собой необходимость произвести большую работу по обучению, ранее чем многие мероприятия, совершенно ясные для самого штаба, были поняты другими. В первое время существования корпуса другие роды войск вообще относили танк к одной из двух категорий—чуда или шутки, а это не способствовало облегчению или ускорению подготовки.

Главная обязанность генерального штаба заключается в том, чтобы предусматривать, административного штаба—подготовлять, командира—решать и его войск—действовать. Это четыре звена одной цепи, и если одно из них с недо-

статками, то вся цепь слаба. От умения предусматривать, т.-е. предвидеть условия и события, зависит вся подготовка. Решения не могут с уверенностью опираться просто на предыдущих опытах, приведенных в систему, и напечатанных законах и правилах; если бы это было возможно, всякий развитой младший офицер с хорошей памятью или толстым карманом мог бы сделаться Наполеоном в 6 недель [1]). Решения должны быть основаны на использовании оружия и людей, соответственно принципам войны, в зависимости от существующих и возможных условий. Возможные условия не могут быть угаданы; если бы это было возможно, то не жезл, а грифельная доска была бы эмблемой власти фельдмаршала. Против возможных условий можно лишь насторожиться или превратить их в своих союзников подготовкой во всяким случайностям, и эта подготовка в такой части, как корпус танков, была сначала необычной. Однако, понятие о механическом способе ведения войны мало-по-малу выработалось, и затем то, что сначала казалось горой, постепенно обратилось в кротовый холмик, хотя и осталось до последнего времени изрядное количество этих холмиков, вместо немногих гор.

В планах обучения, выполненных до сражения у Арраса, как указано в VII главе, было изложено не менее 132 различных мер, которые все имели отношение к подготовке, требующейся для наступления танками. После этого сражения количество их значительно возросло и продолжало расти, так как каждое боевое действие добавляло новый опыт к старому.

Главные подготовительные меры, необходимые для наступления, следующие: движение, разведка, скрытность, снабжение, сообщения, сосредоточение, тактика, реорганизация.

Движение танков обыкновенно распадается на движение по железным дорогам и движение по местности без дорог. Относительно первых нужно напомнить, что танк пока еще не может проходить больших расстояний собственными силами. Танк I-й марки не может пройти, при хорошей дороге, более 12 миль без пополнения горючего, а когда он пройдет 70 миль, его надо разбирать и ремонтировать многие из его частей. Перевозка по железной дороге требует специальных грузовых платформ, а в первые дни существования корпуса требовала и запасных путей, и погрузочных площадок. Что касается второго вида движения, то для него нужно сначала обследовать местность. Вспомним, как в ночь с 8-го на 9-ое апреля, ночь, предшествующую первому дню сражения у Арраса, 6 танков увязли у Ашикура в болоте, оказавшемся

---

[1]) „Не какое-нибудь наитие неожиданно и тайно открывает мне то, что я должен сказать или сделать в непредвиденных другими случаях, а размышление, обдумыванье". Наполеон.

под крепким верхним пластом грунта. Если бы офицер, исследовавший этот путь, попробовал грунт долины, воткнув в него трость, этого несчастья не случилось бы, потому что трость пробила бы корку, и он узнал бы о характере подпочвы.

Прежде чем двинуть танки с пункта сосредоточения, вблизи головной станции железной дороги, к исходным пунктам, откуда они должны проследовать в бой, командир танковой части должен обсудить следующие вопросы—цель, укрепленные пункты, пулеметные гнезда, батареи, окопы, проволоку, линию наступления пехоты, минимальное количество танков, потребное для достижения главной цели; минимум танков, потребный для второстепенных целей; характер грунта и его вероятное состояние в нулевое время; где почва, характер местности и неприятельские батареи всегда более затрудняют движение танка; линию наименьшего сопротивления для танков, ведущую через фронт неприятеля до главных целей и мест наибольшего сопротивления наступлению пехоты; ориентировочные предметы, исходные пункты по отношению к линиям наименьшего сопротивления; линию развертывания по отношению к исходному положению; пути следования танков от пунктов сосредоточения до линии развертывания и оттуда к исходным пунктам; места на этих танковых путях, где могут произойти задержки, пункты для сбора; складочные места; сообщения и т. д.; и т. д.

В свою очередь должны быть приняты все подготовительные меры и передвижения, при чем разведка играет первостепенную роль не только до, но и во время сражения и немедленно после него, а если сообщения во время сражения устроены неудовлетворительно, работа офицера, производившего разведку, часто окажется бесполезной; мы видим, что один отдел подготовки зависит от другого и все они в совокупности образуют законченную и сложную цепь мероприятий. Представим себе теперь, что получится, когда эта цепь почти закончена, а принят новый план действий или введены или навязаны нам изменения в этом плане; влияние этого отразится на всей цепи принятых мер, а это приведет к тому, что придется не только проделывать новую работу, но оставить невыполненной прежнюю. Возьмите для примера следующее: батальон танков должен выгрузиться в пункте А, через несколько дней ему приказано вместо этого выгрузиться в В, это вероятно повлечет за собой перемещение 20.000 галлонов горючего, 12.000 шестифунтовых снарядов, 300.000 патронов и бесконечное количество других припасов. От таких изменений хороший штаб оберегает войска своей предусмотрительностью; поэтому успешность работы штаба может быть обычно оценена количеством изменений в предписаниях начальника.

Другая важная обязанность штаба заключается в содействии войскам по окончании периода подготовки, когда

начнутся боевые действия и далее в неустанном наблюдении за каждым действием, с тем, чтобы предусмотреть перемены и изменить подготовку при первой же потребности. Эта обязанность называется поддержанием „боевой связи“, обязанность, которая была внушаема каждому штабному офицеру корпуса танков, как важнейшее из всего, что он должен выполнить. В каждом сражении, начиная с сражения на Анкре, большинство офицеров корпусного штаба присутствовало на поле сражения и не тогда, когда бой прекращался, но и до начала, и в продолжение боя. Каждую ночь эти офицеры доносили в свой штаб не только о том, что они слышали, но и о том, что они видели, что являлось более верным источником сведений.

В результате этой системы получилось то, что даже во время сокрушительного удара 21 марта 1918 г., хотя корпус танков был разбросан по фронту в 60 миль, и атака германцав во многих местах вызывала полное замешательство, ни разу с этого дня и до конца сражения в штабе корпуса танков не было недостатка в сведениях о положении всех его частей. Это может быть записано, как „славное торжество штабной работы“ и считаться столь же полезным, как и значительно более бросающееся в глаза „торжество оружия“. Это именно тот вид штабной работы, за которую чины штаба иногда награждаются.

ГЛАВА XIII.

Сражение у Мессин.

См. план № 3.

Положение союзников в конце апреля 1917 г. было трудное. Неудавшийся прорыв линии Дрокур-Кеан привел к неудаче всего плана британского наступления к востоку от Арраса; это было достаточно плохо, но все-таки являлось небольшим эпизодом по сравнению с неудачей большого французского наступления в Шампани. Все остальные операции этого года приходилось направить на исправление этой неудачи.

Так как трудная задача срезания клина Аррас-Суасон-Реймс не была выполнена, следующий удар надлежало направить на германский правый фланг. Целью этой атаки было оттеснение этого фланга достаточно далеко назад, чтобы лишить германцев береговой линии между Ньюпором и голландской границей и сделать их положение у Лилля настолько непрочным, чтобы заставить их бросить и таким образом открыть дорогу на Антверпен и Брюссель.

Возможность такой операции обдумывалась долго, и еще летом 1916 г. вторая британская армия начала подготовку к ней. К маю 1917 г. она была закончена, включая постройку обширной сети железных дорог в районе Ипра и минирование большей части западной оконечности возвышенного гребня Мессин-Витсхаете.

Операция должна была распадаться на два периода: во-первых, овладение возвышенностью Мессин-Витсхаете с тем, чтобы предохранить этим правый фланг на время второго периода и лишить неприятеля важных наблюдательных пунктов; и, во-вторых, атака к северу от этой возвышенности, с целью занять береговую полосу и двинуться к Генту. Первый период составил сражение у Мессин, описанное в этой главе, второй—третье сражение у Ипра.

С самого начала года предвидели, что такое наступление возможно и что по всей вероятности, будут вызваны танки для участия в нем, вследствие чего тяжелый отряд занялся с марта 1917 г. разведкой по всему району Ипра. В апреле

это предположение оказалось правильным и для этой операции была избрана 2 бригада, состоящая из батальонов А и В. В мае оба эти батальона были снабжены каждый 36 танками марки IV.

Головными железнодорожными станциями были намечены Урдердом и узловая станция Кляфам (в одной миле к югу от Дранутра) и, хотя они были в районе, изрытом снарядами, все-таки они отвечали большинству требований, предъявляемых к головной жел.-дор. станции для танков. Передовые части начали прибывать на эти станции 14 мая, а между 23 и 27 мая прибыли батальоны А и В. Тогда образовали складочные пункты и были отданы распоряжения об отправке вперед полного снабжения для всех танков на грузовых танках, использованных впервые в этом сражении. Эти танки состояли из забракованных машин I марки, со специально приделанными к ним запасными спонсонами.

Пункты сосредоточения были намечены совсем близко к головным станциям, причем В батальон поставили скрытно в лесу, а А батальон под специально построенными навесами, изображавшими хижины. Оставшаяся после продвижения танков на эти позиции колея была выравнена боронами, таким образом, чтобы ни один случайно пролетевший в этом направлении через линии аэроплан неприятеля не мог заметить ничего подозрительного на местности.

Задачей второй армии было: во-первых, овладение возвышенностью Мессин-Витсхаете и, во-вторых, захват линии Ооставерн, т.-е. линии окопов, тянувшейся с севера на юг вдоль вышеуказанной возвышенности в расстоянии 1—$1^1/_2$ миль к востоку от нее. Три корпуса должны были участвовать в этой атаке: X, IX и II Анзакский [1]) корпуса. Танки были распределены между этими корпусами следующим образом: 12 танков в X корпусе, 28 танков в IX корпусе (16 на возвышенность и 12 на линию Оостоверн) и 32 танка во второй Анзакский корпус (20 на возвышенность и 12 на линию Ооставерн). У каждого батальона было два лишних танка и 6 грузовых. Общее количество танков, таким образом, было: 76 марки IV, 12 марки I и 2 грузовых танка.

Действия танков по плану должны были быть в полной зависимости от наступления пехоты; в действительности, все наступление, в целом ограниченное очень коротким продвижением, было основано на силе артиллерийского огня и моральном воздействии одновременного взрыва 20 примерно мин в нулевое время.

Три недели стояла сухая и ясная погода и будь это иначе, мало было бы надежды двинуть в наступление танки по на-

---

[1]) Анзак—сокращенное: австралийско-новозеландский арм. корпус (A. N. Z. A. K.). (Примеч. ред.).

мокшему грунту. Артиллерийская подготовка началась 28 мая, а атака была назначена на 7 июня. Это была ужасающая канонада; наблюдая ее от холма Кеммель или Шерпенберга, разрушенных в настоящее время почти до неузнаваемости, можно было видеть лес Гран, лес Витсхаете и зеленые поля по долинам Стеенбек и Витсхаетебек, постепенно принимавшие коричневую окраску и которые первый сильный дождь должен был превратить в грязную кашу. Некоторые снаряды, разрываясь веерообразно, разбрасывали целые массы осколков и дыма, другие производили кольцеобразные вихри, тогда как третьи выбрасывали вверх огромные струи мелкой коричневой пыли. День и ночь продолжалась бомбардировка, с очень небольшими перерывами, с целью сбить с толку неприятеля относительно того момента, когда пехота должна будет „взойти на бруствер".

В нулевое время (рассвет) двинули 40 танков; 27 из них достигли первой пехотной цели, имевшей название голубой линии, причем 26 отправились ко второй цели, так называемой черной линии, 25 достигли ее.

Бомбардировка и подвижной заградительный огонь оказались настолько действительными, что немногим из этих танков пришлось вступить в бой, за исключением лишь тех, кои были у развалин деревни Витсхаете, где они принудили замолчать несколько пулеметы и стрелков и у фермы Фанни, близ Мессин, где огонь пулеметов задерживал нашу пехоту. Один танк, действовавший с Анзакским корпусом, прорвался через окопы неприятеля с большой быстротой и достиг своей цели на черной линии, пройдя расстояние около 3000 ярдов в 1 час 40 минут и сразившись по пути с неприятельским пулеметом.

Другой танк, весьма удачно названный „Витсхаете экспрес", вошел во главе пехоты в селение Витсхаете, и вынудил защищавших его германцев сдаться, что они сделали в большом числе. В 10 час. 30 мин. утра 24 резервных танка были двинуты в пункты, лежавшие за первоначальной линией нашего фронта и 22 из них отправились вместе с пехотой в 3 часа 10 мин. дня в атаку на линию Ооставерн, составлявшую конечную цель. В течение этого периода сражения танки оказали очень большую поддержку пехоте занятием пространства за линией Ооставерн до прибытия пехоты и расстроили этим оборону противника.

В месте, называемом ферма Джой, произошел интересный случай. Два танка там увязли, но, несмотря на это и на наступавшую темноту, эти машины были в состоянии отразить всякую контр-атаку неприятеля со стороны долины Вамбеке, почему и было решено оставить их на месте и возобновить на рассвете работу по вытаскиванию их из грязи.

Около 4 часов утра начали вновь откапывать их и один танк был успешно освобожден, но, к несчастью, его гусеница сломалась вскоре после этого, при попытке переехать через рельсы, чтобы двинуться навстречу обнаружившейся контратаке германцев. Через час после этого было замечено скопление неприятеля в долине Вамбеке. Состояние танков позволило направить только пару шестифунтовых пушек на неприятеля, почему остальная часть команд, вместе со своими офицерами, засела в воронке от снарядов со своими пулеметами Люиса. Пехоте было послано предупреждение и просьба о содействии, а по получении от нее извещения, что у нее мало пулеметных патронов, им послали некоторое количество таковых из танков.

С 6 час. 30 мин. утра неприятель делал повторные попытки к наступлению, стреляя по танкам большим количеством бронебойных пуль, которые не пробивали их. Каждый раз противника отбрасывали с тяжелыми потерями, а в 11 час. 30 мин. утра открылся заградительный огонь нашей артиллерии и рассеял его. Сражение у Мессин, одна из наименее продолжительных и наилучше выполненных операций этой войны, ни в каком смысле не было танковым боем. Танки приняли в нем лишь небольшое участие, за исключением его последних моментов, тем не менее из него могут быть выведены многие полезные поучения, из коих главные следующие: необходимость особой формы неувязающей передачи, желательность выбора исходных пунктов глубоко за линией нашего фронта (в этом сражении они были назначены чересчур близко за ней, вследствие чего, т. к. в нулевое время было еще темно, несколько танков увязло между боевыми линиями обеих сторон); желательность назначения сборных пунктов далеко позади указанных целей для того, чтобы по окончании танками своей работы, их команды могли бы получить возможно больше отдыха.

ГЛАВА XIV.

Тактическая оценка обстановки.

Сражение у Мессин можно рассматривать как артиллерийскую атаку высокого напряжения, которая впервые была применена британской армией во время сражения на Сомме. Однако, наступило уже время, когда изменение тактических приемов становилось необходимым, вследствие того, что неприятель принял к сведению данный ему урок. Исследование этого вопроса и его последствий представляет некоторый интерес особенно потому, что в танке было найдено средство преодолевать оборонительные меры, усвоенные к этому времени неприятелем [1]).

Главные отличительные черты оборонительной тактики германцев в 1917 г. от таковой же 1916 г., повидимому, заключаются более в изменении группировки войск, чем в расположении своих укреплений.

В 1916 году главная масса германских войск находилась во фронтально-оборонительном положении, потому что противник стремился обеспечить себя сохранением непрерывного фронта. Однако, в 1917 г., он стал обеспечивать себя более бережливым образом, сосредоточивая позади этой линии, а не на ней, крупные резервы для нанесения удара прорвавшемуся через нее.

Это обращение к „широким взглядам“ и отказ от более узких, согласно которым война „есть ряд крайних мероприятий местного характера“, создало на пути атакующего дальнейшее затруднение. В 1917 году вопрос уже шел не о прорыве через оборонительную линию, как в 1914 г., или полосу укреплений, как в 1915 г. и 1916 г., но об истощении неприятельских резервов, ранее чем предпринята какая-либо из этих операций с решающим значением.

Но это могло быть выполнено только путем нанесения противнику удара в таком пункте, который он непременно

---

[1]) Эта глава заимствована из проекта, представленного штабом корпуса танков 11 июня 1917 г. В нем верно изображается третье сражение на Ипре и тактика германской артиллерии в этом сражении.

должен удерживать, ввиду его важного значения, или внезапным нападением на такие пункты, где он не ожидает атаки. Если таких пунктов не удалось найти, то противнику стоит лишь отступить назад, как он это уже сделал в марте, и этим будут расстроены наши операции и временно мы будем лишены возможности пользоваться нашей артиллерией.

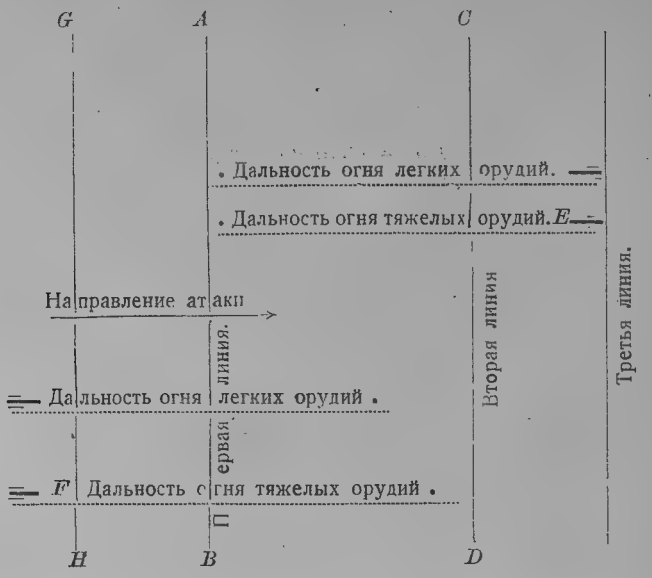
До сих пор мы должны были всегда наиболее тщательно следить за теми изменениями, которые происходили в тактике неприятельской артиллерии; и вот что, повидимому, германцы собирались в то время делать.

Убедившись в 1916 г. и в первую половину 1917 г. в том, что, если атакующий задался мыслью овладеть несколькими рядами окопов одним натиском, он может сделать это с помощью артиллерии и пехоты,—германский генеральный штаб, несомненно, не пожелал более подвергать опасности свою артиллерию таким расположением ее, при котором она была-бы разбита вдребезги во время нашей артиллерийской подготовки.

Если теперь германцы отвели бы свои орудия глубже в тыл, на такую позицию, откуда они могут держать под артиллерийским огнем, если не передовую, то вторую или третью линию своих окопов и в то же время оставаться невредимыми или в сильной степени неуязвимыми для огня наших батарей, то, пожертвовав небольшой полосой местности, они поставили бы нашу атакующую пехоту в такое положение, что в то время, когда она была бы сильно поражаема неприятельской артиллерией, она не могла бы получать поддержки от своей собственной. Устройство системы их укреплений в 1917 г. не совсем соответствовало этому способу действий: линии были расположены слишком близко одна к другой, но если бы расстояния между ними были увеличены, невыгода для атакующего стала бы очевидной; и уже появились признаки того, что германцы вполне сознают преимущество такого увеличения глубины. У Арраса они были захвачены врасплох, несмотря на длительную бомбардировку и потеряли больше 200 орудий, под Мессиной они потеряли 67, а затем под Ипром только 25, в первый день атаки. В сущности, попытку противника использовать прорыв они встречали артиллерийским огнем. Этот способ действий может быть изображен графически следующим образом:

Предположим, что AB составляет линию германского фронта, а что линия CD, их вторая линия, расположена так, что германские орудия, находящиеся в E, могут подвергнуть сильному обстрелу всю линию CD и, однако, вследствие дальности расстояния остаются неуязвимы для наших орудий, расположенных в F.

Предположим также, что площадь *ABCD* сильно укреплена проволокой и обстреливается пулеметами; кто, при этих условиях, больше пострадает—атакующий, которого не



только будут все время беспокоить пулеметы и ружейная стрельба в *ABCD*, но который будет все сильнее подвергаться обстрелу неприятельских орудий по мере приближения к *CD*, или пулеметчики противника, находящиеся в *ABCD*, и его пехота, окопавшаяся вдоль *CD*? Несомненно, что первые, потому что они представляют наибольшую цель и против них будет выпущено наибольшее количество снарядов.

Предположим теперь, что атакующий захватит *CD*, тогда, в лучшем случае, ему придется только оставаться там пассивным зрителем собственного истребления, пока орудия из *F* не передвинутся вперед, что, вследствие изрытой площади *ABCD*, займет много дней. Это непременно случилось бы со 2-й армией, если бы ей приказано было вести атаку от линии Оставерн на Вервик.

За исключением атаки на цель небольшой глубины, артиллерийская атака была почти всегда обречена на неудачу, ввиду невозможности быстрого продвижения вперед орудий, вследствие разрушения дорог и изрытого характера местности, вызванных первоначальной бомбардировкой.

Учитывая вышеизложенные возможности, тяжелый отряд с некоторым опасением ожидал приближения крупного сражения, потому что, хотя танки и могли пройти по изрытой

площади в сухую погоду, все-таки всякая поддержка, которую они могли бы оказать наступлению, должна была стать бесполезной, в случае невозможности доставить достаточного боевого снабжения атакующей пехоте; а чтобы достигнуть этого, понадобилась бы целая флотилия грузовых танков, которой не существовало.

ГЛАВА XV.

Третье сражение у Ипра.

См. план № 4.

Около половины мая было решено, что все три бригады танков, т.-е. весь тяжелый отряд, должны принять участие в предстоящих операциях 5-й армии восточнее Ипра, и что две из них должны сосредоточиться в лесу Оостхок, а третья в Удердоме. Подготовка началась с выдвижения штаба отряда в начале июня в Поперинг, а 22-го числа этого месяца передовые части бригады двинулись в район Ипра.

После сражения у Мессин и 2-я бригада (батальоны A и B) была сосредоточена в Удердоме, почему теперь требовалось лишь передвижение 1-й бригады (батальоны D и G) и 3-й бригады (батальоны F и C) к Оостхоку. Для каждой из этих бригад требовалось семь поездов. Около этого времени было решено, что 1-я бригада должна быть назначена в XVIII корпус, 3-я в XIX корпус, а 2-я во II корпус; поэтому командирам бригад было приказано войти в связь с этими корпусами и начать подготовку. Подготовка, которая требовалась, значительно отличалась от подготовки к предыдущим сражениям. Канал Ипр-Комин, пролегавший параллельно фронту атаки, представлял значительную преграду для движения танков; вследствие этого приходилось устроить переправы через канал, так же как через Кеммельбеек и Ломбартсбеек.

Эта работа была выполнена 184-й тоннельной ротой, прикомандированной к тяжелому отряду для этой цели. Работа, выполненная этой воинской частью, обычно под сильным орудийным обстрелом, была вполне удовлетворительна и достойна похвалы. Кроме постройки этих переправ и обычной подготовки по части снабжения, была организована вполне удовлетворительно служба связи, включая сюда некоторое число танков, снабженных беспроволочными аппаратами. Работа батальонов по разведке была очень облегчена разведкой, произведенной уже передовыми командами штаба. Каждый из командиров танков был снабжен фотографическими снимками воздушной разведки, на которых была снята вся площадь предстоявшего сражения, и должна была отмечаться в тече-

ние бомбардировки обстреливаемая полоса. Чтобы облегчить движение танков по полю сражения, был применен следующий прием. Был приготовлен список направлений, взятых по компасу с определенных точек, на некоторые пункты в неприятельском расположении, давая этим возможность легко ориентироваться. Передача сведений была теперь более быстрой, чем в предшествующих боях. Постоянные совещания между офицерами, заведывавшими разведкой в бригаде и батальонах, привели к полному единению; в сущности, было сделано все, чтобы действия танков были успешны и для этого имелось вполне достаточно времени.

Атака 5-й армии должна была протекать по точно установленному плану; а именно, сначала длительная артиллерийская подготовка, за которой должна была последовать пехотная атака в широком масштабе и преследование пехотой до тех пор, пока сопротивление не станет упорным, после чего наступление будет задержано и будет подготовлена дальнейшая атака в таком же масштабе. Это методическое наступление должно было продолжаться вплоть до истощения германских резервов [1]) и доведения их до такого морального состояния, при котором возможен будет окончательный прорыв.

Количество танков, приданных трем атакующим корпусам, было следующее: по 72 II-му и XIX-му корпусам, 36 — XVIII корпусу и 36 оставались в армейском резерве. Они были распределены согласно заданиям, а именно:

	II корпус	XIX корпус.	XVIII корпус.
Черная линия	16 танков	24 танка	12 танков.
Зеленая линия	24 „	24 „	12 „
Восточнее зеленой линии	8 „	— „	— „
Резервы корпусов	24 „	24 „	12 „

Задачи корпусов и распределение танков по дивизиям были следующие:

Во II-м корпусе 24-я и 30-я дивизии должны были, при поддержке 18-й дивизии, атаковать справа, а 8-я дивизия, при поддержке 25-й дивизии,—слева. Общей целью операции был захват гребня Броодсейнде и прикрытие правого фланга 5-й армии. Распределение танков по дивизиям было следующее: 12—в 30-ю, 8—в 18-ю, 24—в 8-ю и 4—в 24-ю.

В XIX корпусе 15-я дивизия была справа и 55-я дивизия слева, 16-я и 36-я дивизии в резерве. Задачей этого корпуса был захват и удержание участка третьей линии окопов неприятеля, известной под названием линии Гелювельт-Лангемарк. Каждой из атакующих дивизий было предоставлено по 24 танка.

---

[1]) Германские резервы насчитывали в это время около 750.000 человек.

В XVIII корпусе 39-я дивизия была справа, а 51-я дивизия слева, 11-я и 48-я дивизии в резерве. Главной целью была зеленая линия, но, в случае успешного ее занятия, 51-я дивизия должна была захватить место пересечения реки Стеенбек у Мон-дю-Раста и военной дороги и укрепиться за этой рекой, откуда возможно было бы дальнейшее наступление на линию Гелювельт-Лангемарк; 39-я дивизия должна была соответственно перебросить посты за зеленую линию. 8 танков было отряжено в 51-ю дивизию и 16—в 39-ю.

Совершенно плоская равнина северной Фландрии прорезается одиночной цепью холмов, в виде полумесяца, с острыми вершинами, как Кассель и Диксмюд. Местность от Касселя до холма Кеммель была нашей с 1914 г.; к этому присоединили, как мы видели, в июне 1917 г. гребень Мессин — Витсхаете; теперь от этого оставалось лишь продолжение этого гребня на север от Хооджа до Диксмюда. Территория, лежащая внутри этой дуги, в сущности была сплошным болотом, включая сюда Ипр и местность за ним до Сент-Омера; оба эти города, несколько сотен лет тому назад были морскими портами. Все земледелие этого района зависело от тщательной осушки почвы, заключавшейся в спуске воды в бесчисленные пруды. Сохранение этой системы осушения местности считалось настолько важным, что в мирное время бельгийский фермер, запустивший свои пруды, подвергался крупному штрафу.

Фронт атаки 5-й армии простирался от канала Ипр-Комин. до кабачка Вильтже. На левом фланге содействовали французы, ведя атаку в сторону леса Хутульст, а с правого фланга роль 2-й армии была ограничена артиллерийской поддержкой. Этот фронт примыкал на флангах к двум сильным позициям, к лесам Полигонвельд и Хутульст, которые составляли как бы два бастиона с полукруглым гребнем в виде завесы между ними; впереди этой низкой завесы лежала долина Стеенбеека с его небольшими притоками.

С точки зрения употребления танков, третье сражение у Ипра является наглядным поучением того, каким образом следует провозить 30 тонн металла по смеси, состоящей из воды и грязи. Площадь к востоку от канала была значительно хуже, чем в 1914 г., вследствие небрежности и ежедневного артиллерийского огня, но до июня 1917 г. она была достаточно осушена и проходима, в июле же она опять оказалась в прежнем состоянии, вновь превратившись в обширное болото; это явилось результатом напряженности нашего артиллерийского огня.

Следует помнить, что в это время единственным принятым способом начинать сражение была продолжительная артиллерийская бомбардировка; танки еще не пользовались доста-

точным доверием, вследствие возможности их поломки [1]). Настоящее сражение началось наиболее длительной бомбардировкой, которая когда-либо производилась в британской армии; за восемью днями работы батарей, стрелявших по неприятельской артиллерии, следовали 16 дней сильнейшей бомбардировки. Следствием этой канонады было разрушение дренажной системы и наполнение водой воронок от снарядов еще до дождя. Небольшие дожди прошли 29 и 30 июля и сильный ливень 31.

Интересно посмотреть состояние почвы на фронте всех трех атаковавших корпусов. На фронте II-го корпуса грунт был изрезан болотами и лесами; для танков имелось лишь три возможных пути, представлявших собой опасные дефиле. На фронте XIX корпуса долина Стеенбеек была в ужасном состоянии: в ней образовались бесчисленные воронки от снарядов и лужи, т. к. дренаж Стеенбеека серьезно пострадал от артиллерийской стрельбы. На фронте XVIII корпуса местность между линией наших войск и Стеенбееком была пересеченной. Сам Стеенбеек представлял собой серьезную преграду, с которой едва ли можно было бы справиться, если бы не новая неувязающая передача, установленная в танках после сражения у Мессин. Единственная хорошая переправа была у Сент-Жюльен, но и эта представляла собой опасное дефиле.

Нулевое время было назначено на 3 час. 50 мин. утра; было еще темно, когда сосредоточенные 31 июля к востоку от канала танки двинулись вперед за атакующей пехотой.

Атака 31-го июля, несмотря на тот факт, что она дала 51 случай, когда отдельные танки поддержали пехоту, может быть отнесена к неудачным. На фронте II-го корпуса танки, медленно двигаясь, опоздали, вследствие остановки пехоты, были настигнуты в дефиле огнем неприятельской артиллерии и понесли значительные потери вблизи Хооджа. Они несомненно отвлекли от пехоты сильный артиллерийский огонь, но противник, повидимому, был подготовлен к встрече с ними, как только они достигли определенных пунктов, и разбивал их один за другим. На фронте XIX корпуса они действовали успешнее. При штурме на редут Фрезенберг они оказали пехоте большую поддержку и, если бы танки не подошли к ней на помощь, она сильно пострадала бы. Несколько контр-атак неприятеля были отражены танками, и при их содействии сопротивление фермы Спрее, Коприкорна и фермы Банк, было ослаблено. На фронте XVIII корпуса у английских деревьев и леса Макдональда они заставили замолчать несколько пулеметов; прибытие танка к ферме Фердинанда заставило неприятеля оставить правый берег Стеенбеека по соседству

[1]) Поломки и тогда происходили большей частью вследствие скверного грунта, но не плохого механизма.

с ней. Атака на Ст. Жюльен и Альберта стоила бы пехоте тяжелых потерь, если бы в критическую минуту не подошли два танка и не оказали ей поддержки. У Альберты все еще существовали сильные проволочные заграждения и эта ферма оборонялась пулеметами, хорошо расположенными в искусно вырытых гнездах. Оба танка, прибывши сюда, прошли через наш заградительный огонь, уничтожили проволоку и атаковали развалины, открыв огонь с близкого расстояния, в результате чего неприятель был загнан в свои убежища и немного позднее захвачен в плен нашей пехотой.

Главные поучительные выводы, которые могут быть сделаны из опыта этого боевого дня, следующие: непригодность танков марки IV для боевых действий по болотам; опасность движения танков по дефиле, обстреливаемых неприятельской артиллерией; необходимость немедленного содействия пехоты там, где танки завязывали бой; и моральное действие, всегда оказываемое танком на неприятеля и на наши войска.

Следующая атака, в которой танки приняли участие, была 19 августа, и, несмотря на плохое состояние почвы, вызванное непрерывным дождем в течение трех недель, был совершен достопамятный ратный подвиг. 48-й дивизии XVIII корпуса было предписано повести атаку против нескольких укрепленных пунктов, и так как рассчитывали, что эта атака может стоить потерь от 600 до 1.000 человек, решено было превратить ее в танковую операцию, несмотря на то, что танкам приходилось проходить по разрушенным дорогам, а не по ровной местности. 4 танка были назначены действовать против фермы Хиллок, фермы Триангль, Мон-дю-Хибу и Коккрофта; 4 против кладбища Виннипег, Спрингфильда и Ванкувера и 4 должны были оставаться в резерве у окопа Калифорния. Операция должна была прикрываться дымовой завесой, а пехота следовать за танками и использовать захваченные укрепленные пункты.

11 танков вошли в Сент-Жюльен в 5 час. 45 мин. утра, 3 увязли и 8 выехало на дорогу Сент-Жюльен-Поелькаппель, когда опустилась дымовая завеса, окутывая густым облаком далекие цели; в 6 час. утра была занята ферма Хиллок, в 6 час. 15 мин. утра сопротивление Мон-дю-Хибу было ослаблено, а через 5 минут гарнизон фермы Триангль, вступивший в бой, был перебит штыками.

Таким образом, эти пункты были захвачены один за другим, при чем танки загоняли их гарнизоны в убежища или заставляли их уйти, а пехота следовала за ними, используя то, что танки подготовили для этого. В этом деле недорогой ценой были достигнуты замечательные результаты, так как вместо 600 чел. потерь, пехота, следовавшая за танками, потеряла только 15 человек!

С этого числа до 9 октября танки приняли участие в 11 других боях, по большей части веденных на фронте XVIII корпуса 1 бригадой танков. 22 августа особенно удачный бой был дан одним танком. Эта машина увязла по близости укрепленного пункта, называвшегося Галиполи и в течение 8 часов сражалась с противником, отразив несколько контратак; наконец, команда, за недостатком огнестрельных припасов, отошла на наши позиции в ночь с 24 на 25 августа.

Из атак, веденных с танками во второй половине сентября и начале октября, большая часть велась вдоль дороги на Поелькаппеле, при чем самая успешная была проведена 4 октября. Об этой атаке командир XVIII корпуса доносил, что „танки при Поелькаппеле были решающим фактором нашего успеха на левом фланге", и их моральное действие на неприятеля характеризуется заявлением пленного германского офицера, выставлявшего причиной своей сдачи то, что „там были танки—поэтому моя рота сдалась, и я также".

Почти невозможно дать ясное представление о трудностях этих последних операций или о твердости, которая была необходима для их выполнения. Дорог, если их можно назвать этим именем, было мало и они заходили вглубь клина, образовавшегося от повторных атак во время сражения. Основание у этого клина имело длину 20.000 ярдов [1]), а его глубина доходила лишь до 8.000 ярдов в начале октября, когда противник еще мог наблюдать за всем его пространством с возвышенности Пашендале. Так как грунт между этими дорогами представлял собой непроходимые болота, то все движение могло происходить только по ним, вследствие чего они являлись постоянной мишенью для германских пулеметчиков. Однажды ночью, в этот период, сражения одному инженерному офицеру было приказано проследовать в Поелькаппеле для руководства разборкой нескольких танков, загородивших дорогу близ западного въезда в селение. Стоит привести его описание этого ночного происшествия:

„Я выехал из Сент-Жюльена после наступления темноты, узнав, что наша артиллерия не будет стрелять. Я пробирался по дороге, утопавшей в грязи глубиной в 2 фута, часто я натыкался на воронки от снарядов, скрытые в грязи. Дорога имела вид бойни, усеянная обломками, сломанными повозками, мертвыми и умиравшими лошадьми и людьми. Я должен был пройти по сотням их, так же как по кускам тел людей и животных, раскиданных повсюду. Когда я подходил к Поелькаппеле, наша артиллерия начала стрелять. Германцы тотчас же стали отвечать, усеивая снарядами дорогу и местность вокруг; я был окружен вспышками и блеском разрывавшихся снарядов. Я не нахожу слов для того, чтобы описать все это; самое точное описание этого будет, если я скажу, что я как будто стоял в центре пламени гигантской печи Примус.

„Когда я подошел к покинутым танкам, предо мной предстала воистину ужасающая картина: раненые люди валялись в грязи, другие спотыкались

[1]) 20 ярдов = 25 шагам. (Прим. ред.).

и падали от усталости, еще другие ползли и облокачивались на убитых, чтобы приподняться немного над грязью. Добравшись до танков, я нашел их окруженными убитыми и умиравшими; люди подползли к ним, ища хоть какого-нибудь убежища. Ближайший танк был женского типа, дверцы его левого спонсона были широко открыты, из них высовывались четыре пары ног; усталые и раненые люди думали укрыться в этой машине, а убитые и умиравшие лежали смешанной грудой внутри".

Что бы ни сказала история о третьем сражении под Ипром, один факт несомненно не будет оставлен без внимания или забыт, а именно: что люди, которые могли три месяца вести наступление при условиях, характеризующих это самое ужасное сражение войны, в самом деле должны принадлежать к несокрушимой породе.

ГЛАВА XVI.

Организация технической части в корпусе танков.

Организация технической части корпуса танков составляла краеугольный камень всего его устройства, потому что от ее качеств зависела боевая годность войсковых частей в такой же степени, как боевая годность кавалерийского полка зависит от выездки его лошадей.

В этой главе не предполагается давать подробного разбора всего развития этой организации, а лишь общий взгляд на это развитие и затем рассмотреть некоторые отдельные части выполненной работы. Прежде чем сделать это, нужно установить, что техническая часть корпуса танков создана в такой же мере самим корпусом, как и его боевая организация, так как в армии не существовало определенного технического учреждения, от которого возможно было бы получить указания. Ближе всего к этому подходил автомобильный корпус, но целая пропасть отделяла систему этого учреждения от присвоенной корпусу танков; разумеется, оба имели дело с нефтяными моторами, но танк со своими требованиями так же отличается от грузовика, как грузовик от аэроплана,—другого вида механического оружия.

Говоря вообще, технический опыт корпуса танков, в течение двух лет, прошедших с его возникновения, в августе 1916 года, приводит к заключению, что самая совершенная организация зависит от двух основных принципов:

1) не следует производить починок в поле, т.-е. средствами боевых частей;

2) содержание машин в исправности должно быть возложено на обязанности их команд.

Когда корпус танков был только что сформирован, каждая рота получила в свое распоряжение отдельную мастерскую. В конце 1916 года ротные мастерские были уничтожены и устроены батальонные. К концу 1917 года, после всестороннего обсуждения вопроса, батальонные мастерские были переформированы в бригадные, при чем при каждой роте было оставлено некоторое количество опытных масте-

ров. В 1918 году выяснилось, что постоянное сосредоточение специалистов в бригадных мастерских привело к значительному усовершенствованию самих танковых команд в деле поддержания и исправности своих танков. Поэтому было решено пойти в этом направлении дальше и не только свести все бригадные мастерские в центральную организацию, известную под названием „Центральных Мастерских", но также из'ять всех специальных мастеров из рот, сделав сами танковые команды ответственными за содержание своих машин.

Таким образом, явилась возможность ясно разграничить содержание в исправности (т.-е. замену испорченных частей, что делалось исключительно командами) от исправления (т.-е. починку поломанных частей, производившуюся центральными мастерскими). В это время часто приводился довод, что человек, употребляющий машину, должен уметь чинить ее, и что если вся починочная работа производится не теми, кто имеет дело с машиной во время боя, то произойдет серьезный ущерб в техническом отношении. Эта идея была основана на непонимании разницы между содержанием машины в исправности и починкой ее. Напротив, пришлось убедиться, что техническая подготовка команд увеличилась на несколько сот процентов после того, как они сами стали отвечать за содержание своих машин. Однако, чтобы осуществить эту систему, нужно, чтобы запасы и запасные части были под рукой в поле, что влечет за собой устройство передовых складов.

Большим преимуществом этой централизации ремонтного дела является значительное сбережение рабочей силы, употреблением всех искусных мастеров исключительно по своей специальности. Например, во всех нефтяных моторах обычно происходит поломка соединений нефтяных труб, и если существует маленькая мастерская в самой части, то в ней можно производить запаивание и починку таких сломанных соединений. Но чтобы сделать это, нужно держать в этой мастерской паяльщика, при чем только часть его рабочего времени будет уходить на эту работу. Если же уничтожить все мелкие мастерские и все подобные поломки из всех частей отсылать для починки в центральные мастерские, то получится достаточное количество работы этого рода для того, чтобы занять все рабочее время одного, а может быть двух или трех паяльщиков. Эти люди становятся вполне умелыми в запаивании соединений и вскоре приучаются делать в несколько минут ту работу, которая отняла бы у паяльщика мелкой мастерской значительно больше времени.

Вся эта организация может быть кратко изображена, если проследить тот путь, который проходит танк со дня выхода из заводских мастерских до возвращения в центральную мастерскую для починки. С завода танк сначала отправлялся

на опытную станцию в Ньюбери, которая обслуживалась людьми 20-го экипажа королевского воздушного флота. Отсюда его отсылали в Ричборо, и на пароме переправляли чечерез канал, где его принимала другая часть 20-го экипажа в Гавре. Из Гавра его отправляли в Бермикур, а затем, после ряда испытаний, его передавали в центральный склад. Центральный склад был расположен в селении Эрэн на жел. дор. Хедин-Сент-Поль и состоял из семи акров запасных путей и нескольких акров строений. Эти склады были выстроены в 1917 г. и сначала в них помещались центральные мастерские; в 1918 г., однако, эти мастерские были устроены в Тенёре, приблизительно на $1^1/_2$ мили дальше, и заняли площадь около 20 акров.

Из центрального склада танки отправлялись в батальоны, а после починки в центральных мастерских снова принимались в этот склад для отправки их по требованию.

Когда батальоны стали поддерживать сами свою техническую часть, были устроены передовые склады, которые выдвигались центральным складом в ближайший тыл того участка фронта, на котором подготовлялась танковая атака. Эти склады были очень подвижными и оказались незаменимыми во всех сражениях с октября 1917 г.

Помимо выдвижения этих передовых складов, из центральных мастерских высылались на поля сражений полевые танковые роты, первоначально носившие название спасательных рот. На обязанности этих рот лежало отбирать от боевых частей все попорченные танки, т.-е. разбитые огнем неприятельской артиллерии; таким образом, они очищали поле сражения от негодных танков.

Кроме спасания целых танков, они должны были собирать множество всяких предметов, как-то; шестифунтовые орудия, пулеметы, огнестрельные припасы, инструменты, тарели сцепления гусениц, зубчатые приводы, провода и части моторов и т. п., что за два года существования этих рот составило в итоге ценность в несколько миллионов фунтов.

Работа, исполнявшаяся танковыми полевыми ротами, была особенно опасной, и они несли большие потери. В поисках машин или их частей, они были постоянно под артиллерийским огнем, а перетаскивание нужного материала требовало большой физической силы, т. к. грунт, по которому приходилось ходить, часто бывал сплошь покрыт воронками от снарядов; приходилось делать много работы и ночью, т. к. много машин, которые надо было спасти, находились на виду у противника.

Вывезенные машины отсылались из танковых полевых рот в центральные мастерские в Тенер. Там их чинили, что требовало значительно большего уменья и труда, чем первоначальная сборка машин на наших заводах, вследствие того,

что эти машины были помяты и обожжены. Много этой работы выполнялось китайцами, которые, в числе 1000 человек, состояли при этих мастерских; здесь для них были устроены школы, с целью обучения их различному механическому делу.

Кроме испытания и починки машин, центральные мастерские делали много другой работы: заклепывание, различные опыты, исправление мелких погрешностей производства и общее улучшение машин. Эта работа часто состояла в „ударных" заданиях, как, напр., изготовление саней и фашин, заказанных для сражения у Камбре. 24 октября 1917 года было заказано 110 саней и 400 танковых фашин, связок хвороста, о которых будет сказано позднее. Для первых требовалось 3.000 куб. футов лесного материала, весом 70 тонн, а для вторых—21.500 обыкновенных фашин, составлявших около 400 тонн хворосту и более 2.000 шестифутовых цепей для скрепления их. Это задание было дано в конце особенно напряженного периода, следовавшего за действиями танков под Ипром. В то же время было отдано приказание пересмотреть и починить 127 машин.

Вследствие ограниченного времени, имевшегося в распоряжении для перевозки материалов от базисных портов в центральные мастерские и из последних в передовой район, пришлось широко пользоваться грузовиками.

С 10-го до 25 ноября привлеченные к этой работе 28 грузовиков прошли всего 19.334 мили, в среднем по 690 миль на грузовик, тогда как 3 товарных вагона в среднем сделали по 1.242 мили каждый. Участие, принятое в этом деле 51-й рабочей ротой китайцев, прикомандированной к мастерским, существенно содействовало своевременному исполнению работы до сражения. Вследствие необходимости сохранять секретность этой работы, личный состав мастерских не был осведомлен в срочности выполняемого им дела.

Несмотря на это, все чины работали с наивысшим увлечением и исполнили задание в назначенный срок. В течение этих трех недель центральные мастерские работали $22^1/_2$ часа в сутки без перерыва, и если бы не стойкость, проявленная всеми чинами, сражение у Камбре не могло бы быть дано, а без него все течение войны могло бы измениться, потому что, как мы увидим, именно сражение у Камбре показало всю мощь танков и поставило их с этого момента в передовые ряды сражавшихся.

ГЛАВА XVII.

Третье сражение при Газе.

См. план № 2.

В результате отпора, встреченного британскими силами во время второго сражения при Газе, в апреле 1917 г., действовавшие войска были оттянуты со своих открытых позиций и отряд танков был сосредоточен в фиговой роще около 2.000 ярдов к западу от Шеих-Нейхбана, где он затем был подкреплен тремя машинами марки IV.

Был выработан новый план операций, согласно которому турецкая линия обороны от холма Аутпост до Али-Эль-Мунтера, выдержавшая соединенный натиск нескольких дивизий, должна была быть обойдена дальним фланговым движением к западу от Газы. Эта операция должна была вестись совместно с атакой на Биршебу.

Общий план наступления был следующий:

1) Австралийский корпус и колонна пустыни должны были действовать от Биршебы к северо-западу, к Харейре.

2) Несколько конных и пеших дивизий должны были действовать вокруг Харейры и Газы.

3) Сводный отряд из французских, итальянских и вест-индских войск должен был произвести демонстрацию по близости от холма Аутпост.

4) XXI-й корпус должен был атаковать укрепления противника между холмом Умбрелла и морем.

В этой главе будет разбираться последняя из этих операций. Силы, назначенные для этой атаки, состояли из 54-й дивизии, индийской кавалерийской дивизии и танкового отряда из 8 машин.

Атака 54-й дивизии распадалась на четыре фазы—голубую, красную, зеленую и желтую.

Отряд танков выехал из Дейр-Эль-Белаха в ночь с 22-го на 23-е октября 1917 г. к взморью близ Шейх-Ажлина. Отсюда была произведена подробная разведка района предстоявших действий, конная и воздушная, после чего район был разде-

лен на танковые участки. Танки были распределены следующим образом:

1) 156-я пехотная бригада. Цель от холма Умбрелла к северо-западу до восточной части редута Эль-Ариш. Танк № 1 должен был поддерживать пехоту в ее атаке на редут Эль-Ариш, сложить инженерные запасы, атаковать окопы Мадхаба и обеспечить закрепление пехоты.

2) 163-я пехотная бригада. Цель от Редута Эль-Ариш на север до южной оконечности окопов Зоваид. Танк № 2 должен был атаковать редут Эль-Ариш, затем лес Айланд, сложить инженерные запасы, по прибытии пехоты отправиться по южной дороге и захватить скалу Крестед.

3) 161-я и 162 я пехотные бригады. Цель—окопы Зоваид до морского поста и долина Крикет к северу до Шейх-Хассана и пункт в 500 ярдах за ней. Для этой операции было отряжено 4 танка.

Танк № 3 должен был атаковать окопы Зоваид, двинуться на север и овладеть редутом Рафа, затем проследовать вдоль окопа Рафа, сложить инженерные материалы, захватить окопы Юнус, атаковать окопы Белах до прибытия пехоты, затем проследовать в Шейх-Хассан, сложить еще раз инженерные запасы и вернуться в Шейх-Ажлин.

Танк № 4 должен был атаковать редут Рафа, содействовать танку № 3 при взятии окопов Белах, продвинуться в Шейх-Хассан, сложить инженерные материалы, атаковать А. 6 (одинокий турецкий окоп к северо-востоку) и удерживать его, пока пехота не закрепится в нем.

Танк № 5 должен был овладеть постом Бич, содействовать нападению на редут Крикет, атаковать Шейх-Хассан впереди пехоты и сложить инженерные материалы.

Танк № 6 должен был захватить морской пост, разрушить проволочные заграждения до поста Бич, напасть на пушечный холм, проследовать в Шейх-Хассан, затем сложить инженерные запасы и захватить турецкий пост А. 5.

4) Резервные танки №№ 7 и 8 должны были оставаться в резерве к северо-востоку от Шейх-Ажлина; оттуда они должны были следить за атакой и занять место выбывавших из строя машин.

В общем, перечисленные 6 машин передовой линии должны были атаковать 29 целей! Успешное выполнение такого задания было бы чудом и, разумеется, оно было обречено на неудачу.

Первый период атаки должен был состоять из пехотного штурма под прикрытием подвижного заградительного огня; в это время танки должны были двинуться к исходным пунктам и быть готовыми к выступлению в 3 час. утра 2 ноября.

С целью обеспечить полное взаимодействие между отрядом танков и пехотой, танковые офицеры и нижние чины

были приданы пехотным бригадам за 10 дней до сражения. Как и во Франции, этот способ принес большую пользу, как пехоте, так и танкам. Первый период боя начался в 11 час. в ночь с 1-го на 2-е ноября штурмом 156-й пехотной бригады на холм Умбрелла. На эту атаку неприятель не сразу отозвался, но затем открыл сильный артиллерийский огонь по всей линии своего фронта, что поставило в опасное положение танки, двигавшиеся к своим исходным пунктам, которые, тем не менее, были достигнуты ими за полчаса до второго часа после нулевого времени.

Надеялись воспользоваться полной луной, взошедшей с раннего вечера, но дым, производимый сражением, и густой туман так заволокли поле зрения, что танки должны были двигаться по компасу. В 3 часа утра был открыт по фронту противника сильный заградительный огонь, за которым двинулись вперед танки, в сопровождении пехоты. В захвате первой цели не представилось затруднений, так как турки были, очевидно, захвачены врасплох. Под прикрытием заградительного огня наши войска наступали до второй цели, когда неприятельский огонь начал давать себя чувствовать. Вдоль береговой линии атака производилась согласно намеченного; все цели, включая Шейх-Хассан, были захвачены. 161-я и 163-я бригады наткнулись на значительное сопротивление у окопа Рафа, леса Айлянд, утеса Крестед, Гибралтара и к северу от редута Эль-Ариш.

Вкратце операции, выполненные танками, были следующие:

Танк № 1 успешно атаковал редут Эль-Ариш и пробирался к лежавшим за ним окопам, когда, вследствие наступившей темноты, увяз в грязи; тогда его команда присоединилась к пехоте.

Танк № 2 штурмовал редут Эль-Ариш и его постигла та же участь; случайно его правая гусеница была разбита прямым попаданием, его команда также присоединилась к пехоте.

Танк № 3 атаковал редут Рафа, а позднее, потеряв направление в тумане, вернулся.

Танк № 4 атаковал окоп Рафа, окопы Юнуса и Белаха и, сложив свой инженерный материал, вернулся.

Танк № 6 захватил морской пост, направился вдоль окопов противника, разрушив проволоку вплоть до моста Бич, атаковал редут Крикет, пушечный холм и холм Черепахи и, достигнув Шейх-Хассана, сложил свои инженерные запасы. Вскоре после этого он двинулся далее для атаки пункта А. 5, но, вследствие поломки гусеницы, был вынужден оставить это намерение.

Танки №№ 7 и 8 получили в 4 часа утра приказ поддержать атаку пехоты на редут Эль-Ариш и последовали в этом направлении со своим запасом инженерного материала.

На крышах этих машин были наложены пустые мешки для песку, которые загорелись, вероятно, от жара выходной трубы, и оба танка выбыли из строя.

Вообще, действия танков в третьем сражении при Газе оказали поддержку пехоте. Все танки, за исключением одного, достигли своей первой цели; четыре достигли второй, третьей и четвертой и один достиг и пятой цели. Из 8 действовавших машин, 4 временно выбыли из строя. Потерь в составе команд было немного: только один убитый и двое раненых.

Третье сражение при Газе заканчивает операции танков в Палестинской армии, и хотя испорченные машины были починены и оборудованы для боя, больше ими не пользовались. С целью преодолеть трудности, связанные с окружением конницей арьергардных отрядов отступавшей турецкой армии, было послано во Францию несколько человек за получением, если возможно, некоторого количества машин Уиппета. Они прибыли в штаб корпуса танков во Франции 21 марта, в день начала германского наступления. Поэтому исчезла всякая надежда на получение этих машин. После этого отряд танков передал свои машины артиллерийскому департаменту в Александрии и вернулся в Англию.

Танковые операции в Синае и Палестине доказали, что танки можно употреблять почти во всякой пустынной местности и все, что для этого требуется, сводится лишь к некоторым улучшениям в механизме и изменениям в общем устройстве.

Всем своим успехом, достигнутым в течение двух лет пребывания на востоке, отряд танков обязан решительности и прекрасному воинскому духу своих офицеров и солдат, работавших при величайших затруднениях, из которых не последним было полное отсутствие понимания свойств танков и их тактического применения, проявленное другими родами войск.

Когда все, что нужно, приказано и сделано и всякие критические замечания приняты во внимание, то успех совместного боя с танками является более вопросом взаимодействия, т.-е. единства действий всех родов войск, чем их технической пригодности. Это может быть достигнуто только постоянной практикой совместных упражнений на учебном поле задолго до возникновения самой мысли о сражении.

ГЛАВА XVIII.

Происхождение сражения у Камбре.

Сражения 1914 г. были преимущественно пехотными боями, опиравшимися на силу винтовки, и лишь с 1915 года скорострельные орудия и тяжелые гаубицы явились на смену винтовки, как главные факторы, ослаблявшие сопротивление противника пехотной атаке.

В 1915 г., поскольку дело касалось британской армии, на артиллерию смотрели, как на вспомогательное оружие для пехоты. Это понятие с трудом видоизменялось, и только в самый разгар сражения на Сомме, наконец, было замечено, что вопрос уже идет не о содействии артиллерии наступлению пехоты, а о согласовании действий самой пехоты с артиллерийской бомбардировкой. Другими словами, предел наступления пехоты был пределом дальности артиллерийских орудий, в особенности 18-ти фунтовых. Это означало возможность продвижения в глубину не далее, чем на 4.000 ярдов, если одновременно или непосредственно перед тем, как первая атака достигнет предельной дальности артиллерийского огня, не будет введен в действие второй эшелон артиллерии и пехоты со стороны атакующего.

Два фактора мешали сделать это; первый—сильно изрытая снарядами местность, обычно захватывавшая далее 4.000 ярдов первоначального наступления; второй—трудность снабжения второго эшелона артиллерии достаточным количеством снарядов для образования второй завесы заградительного огня. Изрытая местность не только задерживала на несколько дней продвижение орудий, но и так утомляла проходивший по ней второй эшелон пехоты, что ко времени его присоединения к первому эшелону, люди были слишком уставшими, чтобы продолжать атаку.

Некоторые надеялись, что танки отчасти справятся с этим затруднением, если их двинуть в район, где ослабевает действие заградительного огня 18-ти фунтовых орудий, с тем, чтобы они открыли заградительный огонь своими пулеметами для прикрытия дальнейшего наступления далее 4.000 ярдов.

Эта идея, хотя и совершенно правильная сама по себе, была обречена на неудачу, раз состояние грунта после артиллерийского обстрела делало невозможным подкрепление танков боеспособной пехотой.

Первым разрешением этой задачи являлось прекращение действий тяжелой артиллерии на пространстве, где должна была пройти наступавшая пехота. Это, однако, было в лучшем случае полумерой, потому что, хотя в этот период войны взаимодействие пехоты и танков было жизненной необходимостью, это взаимодействие не могло долго продолжаться, т. к. один вид оружия опирался лишь на свою мускульную силу, тогда как другой на силу мотора. В лучшем случае, продвижение на 4.000 или на 6.000 ярдов может распространиться до 8.000 или 12.000 ярдов, когда выносливость пехоты достигнет своего предела и наступление само собой прекратится. Но этого недостаточно, потому что для того, чтобы разбить неприятеля в такой войне, какая происходила в 1917 г. (окопная война), первой необходимостью было помешать ему действовать лопатой. Достичь этого можно было при непрерывном хотя бы и медленном наступлении, т.-е. заменив мускульную силу нефтяным двигателем. Это означало создание машинной армии.

В августе 1917 года корпус танков ясно понял, что образование такой армии, даже в небольшом масштабе, займет по крайней мере год; кроме того, что создание ее зависит от полного признания значения танков всеми теми, кто мог бы создать такую армию и от употребления этой армии в соответствующем районе боевых действий. Вследствие этого, следовало выбрать подходящую для танков местность, затем произвести на ней тактические действия танками, с целью убедить генеральный штаб в их силе и значении. Чувствовалось, что необходимо принять эти шаги для того, чтобы можно было признать мотор движущей силой в современном бою.

Выбор района боевых операций зависит от намеченной цели; достижение же цели—от преодоления неприятельского сопротивления. На этом основании, тот вид оружия, который всего быстрее сломит это сопротивление, должен прежде всего приниматься в расчет и местность для атаки в районе боевых действий должна быть выбрана возможно больше в соответствии с его качествами.

В настоящее время мы находим, что главное сопротивление наступлению нашей пехоты исходит от неприятельских пулеметов. Мы не отваживались сосредоточить на них весь огонь нашей артиллерии, потому что сделав это, мы прекратили бы артиллерийский огонь по батареям противника и последние, не будучи связанными, могли бы оказать нам более сильное сопротивление, чем пулеметы, в виду их боль-

шей дальнобойности. Далее, хотя по звуку и по блеску выстрелов, а также наблюдениям с аэропланов, мы можем открыть расположение главных артиллерийских позиций противника, тем не менее еще не найдено средств определить место нахождения его пулеметов, иначе как наступая на них и рискуя потерями. Поэтому надо пользоваться для этого танками, чтобы очистить путь для наступления пехоты.

Из этого следует, что если выдвинуто достаточное число танков для обеспечения решающего успеха, то танк становится уже не пятым колесом в колеснице, в случае непредвиденных перерывов в наших операциях, но главным двигателем в этой колеснице, для которой пехота служит лишь вооруженным гарнизоном и без которого колесница теряет значение.

Местность, избранная для операций, во-первых, должна быть годной для быстрого движения танков, и во-вторых, неудобной для антитанковой обороны неприятеля. Далее, ее надо выбирать в соответствии с тактическими особенностями этого вида оружия. Когда местность выбрана, все другие роды войск должны быть развернуты и использованы для облегчения наступления танка, который должен быть использован, главным образом, для поддержания выносливости пехоты, потому что в ближайшем будущем пехотинец с его пулеметами и штыком будет решать участь сражений.

Таковы были взгляды в корпусе танков при завязке третьего сражения у Ипра и следующая выдержка из записки, составленной 11 июня 1917 г., не только интересна, но является пророческой по отношению к грядущим событиям.

„Если мы посмотрим на разложенную карту Франции, мы тотчас же найдем нужную нам местность. Она лежит между Скарпой и Уазой, болотами Фландрии к северу и Арденами к юго-востоку. По этому волнистому пространству наступали германцы в 1914 г. и по ней всего вероятнее их погонят обратно, если стратегия считается с местностью, а тактика с оружием".

Так как наиболее подходящая местность для танковых операций была выбрана корпусом танков, то следующей потребностью был выбор определенной цели, атака на которую привлекла бы к ней неприятельские резервы и таким образом ослабила бы давление, произведенное на 5-ю армию под Ипром. Для этого были намечены два пункта: Сен-Кентен и Камбре. Первый был расположен против расположения французов, второй—против британцев.

Соображение, выдвинутое в пользу действий на Сен-Кентен, было отвергнуто вследствие затруднений, возникавших от действий британских войск в расположении французов; следует напомнить, что в это время в действительности не существовало во Франции единства командования.

Проект наступления на Камбре состоял из внезапного набега продолжительностью в 24 часа. Всю операцию можно

резюмировать в трех словах: „наступление, удар, отступление". Его целью было нанесение противнику потерь в людях и артиллерии, деморализация и расстройство его передовых войск и резервов, а не захват пространства или удержание окопов. Затем рассчитывали, что такая операция остановит продвижение его резервов и заставит неприятеля не раз подумать о том, как заменить в пунктах, не входящих в район сражения, свежие дивизии истощенными и деморализованными войсковыми частями. Далее, она собьет его с толку в отношении решительного пункта атаки; потому что один из таких набегов мог в любое время развиться в серьезное наступление.

Для боевых действий был избран район у излучины р. Шельды (или С.-Кентенского канала) между селениями Рибекур, Кревкёр и Бантё. Движение по этой местности было очень удобно; далеё в районе предположенного рейда было несколько крупных селений, район был хорошо ограничен каналом, который не только мог дать ему в трудных случаях быстрое усиление, но и резко ограничивал цели танков. План атаки был троякий:

1) Очистить пространство между селениями Маркоин, Маньер, Кревкер, Ле-Боке, Бантё.

2) Образовать наступательный фланг между Ле-Боке и Рибекуром.

3) Образовать наступательный фланг против Бантё.

Атаку предполагалось начать на рассвете, при чем первая линия танков должна была прямо направиться на батареи неприятеля, которые до этого и при приближении к ним танков должны были забрасывать бомбами наши аэропланы. Вторая и третья линия танков должны были следовать за ней, тогда как наши тяжелые орудия—начать обстрел неприятельских батарей, а также селений и мостов вдоль канала. Сущность всей операции заключалась во внезапности и быстроте натиска. Дух такого предприятия—смелость, которая должна была заменить открытую подготовку.

Нужно отметить, что оба проекта наступления на Сен-Кентен и Камбре были плодом творчества исключительно корпуса танков, а не исходили от высших властей, которые не могли бы утвердить ни того, ни другого, если бы их запросили. Несмотря на это, были приняты меры для обследования района Камбре и с этой целью командующий корпусом танков и командир 3-й бригады, оба посетили командующего 3-й армии, сэра Юлиана Бинга, в его главной квартире в Альбере. Хотя неизвестно, обсуждал ли уже командующий 3-й армии возможность наступления на фронте своей армии, но оказывается, что в сентябре он сделал доклад главному командованию по этому вопросу, результатом чего было решение, что еще нельзя принимать никаких действий вне района Ипра, по крайней мере в настоящее время.

ГЛАВА XIX.

Сражение у Камбре.

См. план № 5.

20-го октября был, наконец, принят проект, постоянно занимавший умы штаба корпуса танков в течение почти трех месяцев и в предвидении которого уже была предпринята подготовка; при чем днем выполнения его было назначено 20-е ноября.

Сражение должно было основываться на действиях танков, которым должна была принадлежать руководящая роль. Предварительной артиллерийской бомбардировки не должно было быть; день, которого корпус танков ждал почти целый год, наконец был назначен, и его успех зависел от следующих трех условий:

1) чтобы атака была внезапной.

2) чтобы танки могли пройти через большие окопы системы Гинденбурга.

3) чтобы у пехоты было достаточно доверия к танкам для следования за ними.

Для выполнения всех этих требований, приходилось сначала преодолеть следующие затруднения. Танки 20 октября были разбросаны по значительной площади; некоторые были в Ипре, некоторые близ Ленса, третьи в Бермикуре. Предстояло сосредоточить их не на станциях посадки, как это обычно делалось, а в различных учебных лагерях для совместного обучения с ними пехоты. Это было делом первой важности, потому что успех действий зависел настолько же от доверия пехоты к танкам, насколько и от неожиданности атаки. В этих учебных лагерях танки должны были быть заново снаряжены и снабжены специальным приспособлением для облегчения им прорыва через окопы Гинденбурга, которые, как было известно, имели в некоторых местах более 12 ф. ширины, тогда как машины марки IV могли преодолевать только 10 фут. Это приспособление состояло из связанных цепями 75 обыкновенных фашин, образовавших одну танковую фашину,—большую связку хвороста $4^1/_2$ ф. в диаметре и 10 ф. длины; эта связка помещалась на носу танка и как только встречалась на пути широкая траншея, ее опускали туда,

быстро освободив извнутри танка. Как уже упоминалось, эти танковые фашины и необходимое приспособление для их укрепления и отпускания были заготовлены в центральных мастерских танкового корпуса.

Пока пехота сосредоточивалась для обучения, следовало изобрести новые тактические приемы не только для того, чтобы действовать соответственно предстоящим условиям, но и для того, чтобы приспособиться к особенностям действий танка, который мог нести на себе только одну танковую фашину. Эта фашина, раз она будет сброшена, может быть вновь поднята лишь с значительными затруднениями.

Короче говоря, способ действий должен был отвечать следующему требованию: „выполнить прорыв через четыре ряда окопов в несколько часов без всякой артиллерийской подготовки". Он состоял в следующем.

Каждая цель разделялась на взводные участки танковой атаки, сообразно числу важных в тактическом отношении пунктов, и для каждой цели был назначен отдельный эшелон или линия танков. Каждый взвод должен был состоять из трех машин: передовой (авангардной) и двух пехотных (называемых также главными силами танков); на это согласились за отсутствием во Франции достаточного количества танков, для включения в состав каждого взвода четырех машин.

Обязанностью передового танка было ослабление неприятельского огня, прикрытие пехотных танков, когда они будут проводить пехоту через проволочные заграждения и через окопы. Распределение пехоты по танкам зависело от характера атакуемой цели и подступов к ней. Она строилась по отделениям рядами с начальником во главе каждого ряда. Пехота разделялась на три группы: чистильщики окопов для содействия танкам, группа для преграждения окопов в различных пунктах и группа для образования гарнизона в захваченных окопах и авангарда, как для следующих эшелонов танков, так и проходящей через окопы пехоты.

Вся операция разделялась на три периода: сосредоточение, сближение и атака. Первое приурочивалось к ночному времени и являлось смотровым учением, так как пехота собиралась за танками правильными линиями, соединенными с исходными пунктами прямыми путями. Сближение велось медленно и в порядке, пехота все время была наготове, чтобы действовать по собственной инициативе. Атака была так рассчитана, чтобы экономить танковые фашины; она велась следующим образом.

Авангардный танк шел прямо вперед сквозь проволочные заграждения неприятеля и, повернув налево, не переезжая окопы впереди себя, открывал дверцы правого спонсона. Пехотные танки отправлялись тогда к тому же месту: левый танк, пройдя через проволоку, подъезжал к окопу и бросал

свою фашину, затем переезжал по фашине и, повернув налево, проезжал вдоль линии огня и вокруг намеченной цели; второй пехотный танк проезжал по фашине первого и направлялся к резервным окопам неприятеля, сбрасывая там свою фашину и проехав, делал то же, что и первый. В это время авангардный танк делал поворот и проехав по фашинам обоих пехотных танков, проезжал вперед, все еще сохраняя свою фашину. Когда оба пехотные танка соединились, они выстраивались сзади авангардного танка и ждали распоряжений.

При обучении пехоты производились следующие упражнения:

1) Сосредоточение пехоты позади танков.
2) Наступление для атаки позади танков.
3) Движение через смятую танком проволоку.
4) Очистка окопного участка под прикрытием танков.

Чтобы приучить пехоту быстро действовать в строю по отделениям рядами и перестраиваться в линию отделений, было предпринято простое взводное учение; интересно отметить, что это учение основывалось на весьма похожем учении, описанном у Ксенофонта в его „Киропедии" и приписываемом царю Киру (500 лет до Р. Х.).

В то время как штаб корпуса танков производил обучение, административное управление подготовляло сосредоточение по железным дорогам, что было отнюдь не легкой задачей.

Трудность сосредоточения в районе боевых действий большого числа танков усиливалась разбросанным расположением корпуса танков и недостатком грузовых платформ; с последним недостатком справились, собрав некоторое количество старых французских грузовых платформ; но они оказались неудовлетворительными, будучи очень легкими. Несмотря на все эти затруднения, все части корпуса танков были сосредоточены в своих учебных лагерях к 5 ноября.

Для того, чтобы наилучше использовать имевшиеся платформы и время остававшееся для обучения, решено было сосредоточить три четверти всего количества предназначенных к употреблению танков, т.-е. 27 железнодорожных поездов, на станции Плато 14 ноября (Z—6 дней) [1]), затем передвинуть их на соответствующие конечные станции, выгрузки в дни Z—4, Z—3 и Z—2 дня, а остальную четверть, т.-е. 9 поездов ко дню Z—5 дней. Станциями выгрузки были избраны Рюолькур и Бертинкур для 1-й бригады, Сорель и Итр для 2-й и Старый и Новый Гедикур для 3-й. На всех этих станциях были устроены или улучшены площадки для выгрузки

[1]) Буквой Z автор обозначает 20 ноября, т.-е. день, назначенный для атаки. (Прим. ред.).

и запасные пути. Всего было в ходу 36 поездов с танками, и за исключением двух или трех мелких случаев, движение было выполнено по расписанию. Этому обязаны главным образом прекрасной работе управления военных сообщений 3-й армии.

Служба снабжения распадалась на 2 отдела:

1) Снабжение по переносным (узкоколейным) железным дорогам и 2) снабжение грузовыми танками. Главными местами выгрузки были: лес Гавринкур для 1-й бригады, лес Десарт для 2-й и Вилер-Гислейн и Гузокур для 3-й бригады. В числе выгруженных запасов было 165.000 галонов горючего, 55.000 ф. смазочного масла, 5.000.000 пулеметных патронов и 54.000 патронов для шестифунтовых орудий. Без содействия переносных железных дорог эта выгрузка едва ли была бы возможной. 30 ноября в Рюолькур было прислано требование на горючее. Тотчас же был нагружен поезд, продвинут на $3^1/_2$ мили и горючее было доставлено через час. Это прекрасный пример великолепной работы, постепенно выполнявшейся переносными железными дорогами 3-й армии в течение сражения у Камбре.

План операций 3-й армии был следующий:

1) Прорыв системы германских оборонительных линий между каналом Сен-Кентеном и Северным каналом.

2) Захват Камбре, леса Бурлон и переправы через реку Сансе.

3) Выход в тыл германцам в районе к югу от Сансе и к западу от северного канала.

4) Развитие успеха в сторону Валансьена.

Успешное начало этой операции зависело от прорыва всех оборонительных линий, включая линию Маньер-Боревуар, что в свою очередь зависело от захвата мостов у Маньера и Маркоина. Силы, предназначенные для этой атаки, составляли два корпуса, из трех пехотных дивизий каждый; корпус танков из 9 батальонов — 378 боевых танков и 98 административных машин; кавалерийский корпус и 1.000 артиллерийских орудий. Атака должна была распадаться на три периода. В первый период пехота должна была занять линию Кревкер, Маньер, Маркоин, Флекьер, северный канал; головная кавалерийская дивизия должна была вслед за этим двинуться на Маньер и Маркоин, овладеть Камбре, Пайенкуром и Пайё (переправившись через реку Сансе) и следовать правым флангом на Валансьен; в это время III-й корпус, составлявший правое крыло 3-й армии, должен был образовать оборонительный фланг по линии Кревкер, Ла-бель-Этуаль, Ивюи; кавалерия должна была затем перерезать линию Валансьен-Дуэ и облегчить этим наступление III-го корпуса в северо-восточном направлении. Во второй и третий период атаки должен был действовать IV-й корпус, который составлял левое крыло 3-й ар-

мии; в эти два периода действия должны были состоять, во-первых, в освобождении дороги Бапом-Камбре и занятии Бурлона и Инши и, во-вторых, в открытии дороги Аррас-Камбре и наступлении на канал Сансе, с целью отрезать, таким образом, германские войска к западу от северного канала.

Поле предполагавшегося сражения представляло большею частью открытую, покатую равнину, слегка изрытую снарядами и, следовательно, весьма пригодную для движения танков. Главными тактическими особенностями местности были два канала, в сущности препятствовавшие образованию наступательных флангов для танков, что являлось определенным стратегическим недостатком для достижения решительных результатов в этом сражении. Между этими каналами было два важных пункта—возвышенность Флекьер-Гавринкур и холм Бурлон. Третий очень важный пункт, известный под названием возвышенного гребня Рюмильи-Серанвилер, лежал параллельно и к северу от канала Сен-Кентен между Кревкером и Маркоином; без занятия этого гребня прямая атака с юга на холм Бурлон могла оказаться весьма невыгодной.

Германская система обороны состояла из трех главных укрепленных линий и линии сторожевых постов; это были: линия Гинденбурга, тыловая линия Гинденбурга и линия Боревуар—Маньер—Бурлон, при чем последняя была незакончена. Окопы большей частью были расположены на обратных склонах главных возвышенностей и, следовательно, прямое артиллерийское наблюдение за ними с английской стороны было невозможно. Они были защищены чрезвычайно густыми проволочными заграждениями, расположенными выступами, с целью затруднить их разрушение. Чтобы разрушить эту проволоку огнем артиллерии, потребовалось бы несколько недель бомбардировки и много тысяч тонн огнестрельных припасов.

Погода в течение ноября стояла хорошая и облачная, почему воздушная разведка была почти невозможной. Эта погода сильно способствовала подготовке, скрывая их от наблюдения.

Артиллерийская подготовка состояла в следующем: более 1.000 орудий разных калибров было сосредоточено в расположении 3-й армии для атаки. Ни одно из них, однако, не должно было открывать огня ранее нулевого времени.

Вкратце программа артиллерийских действий от нулевого времени была следующая.

В нулевое время должен был быть открыт по линии сторожевых постов заградительный огонь шрапнелью и бомбами сильного фугасного действия, вперемежку с дымовыми гранатами. Он должен был продвигаться вперед скачками, при-

близительно по 250 ярдов, задерживаясь на определенное время на некоторых целях. Одновременно с этим подвижным заградительным огнем на определенных участках должны были быть дымовые завесы, в особенности на правом фланге III-го корпуса и на гребне Флекьер; в то же время должен был начаться обстрел неприятельских батарей и производиться особая бомбардировка заранее намеченных пунктов, как, например, тет-депонов, узлов сообщения и дорог, которые могли бы быть использованы для движения германских резервов.

Разведка корпуса танков началась так рано, как только дозволяла скрытность, но лишь за несколько дней до 20-го ноября начальникам частей было разрешено рекогносцировать местность из наших окопов. В это время на станции Плато были собраны танки и приделаны к ним фашины. Вся выгрузка была произведена ночью, и танки были двинуты к пунктам сосредоточения под покровом темноты. Эти пункты были: Вилер-Гислейн и Гузокур для 3-й бригады, лес Дессарт для 2-ой и лес Гавринкур для 1-й. В этих местах танки были тщательно замаскированы.

Распределение танков по пехотным частям указано в предыдущей таблице. Кроме них, у каждой бригады было 18 грузовых танков, или танков для перевозки орудий, и 3 танка для беспроволочной связи. 32 машины были снабжены особым приспособлением для уборки проволоки на путях наступления кавалерии; 2 были предназначены для перевозки понтонных материалов для кавалерии и 1 для перевозки телефонного кабеля для службы связи 3-й армии. Общее количество бывших в употреблении танков было 476.

В ночь с 17 на 18 ноября неприятель сделал налет на наши окопы по близости от леса Гавринкур и захватил в плен несколько человек, и, как видно из документов, захваченных во время сражения, эти люди, повидимому, сообщили неприятелю о подготовлявшейся операции; однако, времени для использования этого сведения у германцев было так мало, что предостережение относительно возможной атаки было получено на их линии огня лишь за несколько минут до ее начала. Следующая ночь, с 19-го на 20-е, ознаменовалась сильным артиллерийским огнем и стрельбой из траншейных мортир, прекратившимися рано утром; к 6 часам утра все стихло, кроме обычного треска пулеметов. Густой туман покрывал землю, когда в 6 час. 10 мин. утра, за 10 минут до нулевого времени, танки, развернувшиеся по линии приблизительно в 1.000 ярдах от сторожевых постов неприятеля, начали наступление с двигавшейся медленно за ними пехотой в колоннах по отделениям. На 10 мин. позднее, в 6 час. 20 мин. утра (в нулевое время), 1.000 британских орудий открыли заградительный огонь с ужасающим треском в 200 ярдах пе-

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОЕВЫХ ТАНКОВ.

Бригады танков.	Батальоны танков.	Корпуса.	Дивизии.	Бригады.	Число танков.	Цели.	Дальнейшее наступление в сторону:	Примечание.
3-я	C	IV-й	12-я	35-я	24 4[1])	Голубая.	Кревкера.	Число танков, применявшихся для дальнейшего наступления, колебалось в зависимости от положения частей после овладения голубой или коричневой линиями.
„	„	„	„	37-я	12 2[1])	Коричневая.	—	
„	F	„	„	36-я	24 4[1])	Голубая.	Маньера	
„	„	„	„	„	12 2[1])	Коричневая.	—	
„	I	„	20-я	61-я	18 3[1])	Вакери.	Кревкера.	
„	„	„	„	„	12 2[1])	Голубая.	—	
„	„	„	„	62-я	6 1[1])	Коричневая.	—	
„	A	„	„	60-я	18 3[1]) 3[1])	Голубая.	Канала, Маньера до Маркоина.	
„	„	„	„	„	6 1[1])	Коричневая.	—	
„	„	„	29-я	„	12 2[1])	Рюмильи до леса Найн.	Маркоина.	
2-я	B	„	6-я	16-я	24 4[1])	Голубая.	—	
„	„	„	„	„	12 2[1])	Коричневая.	—	
„	H	„	„	71-я	24 4[1])	Голубая.	Леса Найн.	
„	„	„	„	„	12 2[1])	Коричневая.	—	
1-я	Д	III-й	51-я	152-я	42	Голубая.	Фонтена.	1-я бригада использовала все танки резерва.
„	E	„	„	153-я	28	Флекьер.	Леса Бурлон, дороги Бапом-Камбре.	
„	„	„	62-я	186-я	14	Коричневая.	Селения Бурлон, Грейнкура.	
„	G	„	„	185-я	42	Гавринкур.	—	

[1]) В резерве для замены поломанных.

ред фронтом танков, медленно следовавших через пространство между окопами обеих сторон, под командой генерала Элеса, командира корпуса танков, который выкинул корпусный флаг на своем танке. В предшествовавший сражению вечер, генерал издал следующий внушительный приказ:

ПРИКАЗ № 6 [1]).

1) Завтра корпусу танков представится случай, которого он ждал много месяцев,—ринуться в бой.

2) Все, что можно сделать тяжелым трудом и изобретательностью, сделано в смысле подготовки.

3) Командирам частей и командам танков остается докончить дело сообразительностью и отвагой на поле сражения.

4) На основании прежних опытов, я с большим доверием отдаю в ваши руки доброе имя корпуса.

5) Я предполагаю начать атаку из центра.

Элес,

Бр. ген., Командующий корпусом танков.

19-го ноября 1917 года.

Атака была необычайно успешна; когда танки двинулись в наступление с шедшей за ними следом пехотой, неприятель совершенно растерялся, и те, кто не бежал с поля в паническом страхе, сдавались с небольшим или без всякого сопротивления. Только в пунктах тактического значения оказывалось сопротивление. В лесу Лато, на правом фланге, произошел горячий бой, включая и поединок между танком и 5.9 дм. гаубицией. Повернутая к танку, гаубица выстрелила, разбивши и оторвавши большую часть правого спонсона приближавшейся машины, но к счастью не повредивши ее жизненных частей; не успели артиллеристы зарядить вновь, как танк уже наехал на них, и в несколько секунд громадное орудие превратилось в бесформенную массу обломков среди окружавших его кустов. Немного западнее этого леса танки батальона F, поднявшиеся на гребень, спешили к Маньеру. Один под'ехал к мосту, составлявшему ключ позиции Рюмильи-Серанвилер, от овладения которым так много зависело. Под'ехавший к этому мосту, увидали, что противник уже взорвал его, тем не менее танк попытался переправиться через него, он сполз по разрушенному настилу в воду, но не мог вылезть на другой берег. Другие танки под'ехали, но, не имея возможности переправиться, помогли пехоте сделать это под прикрытием своего сильного огня. Западнее этого Ла-Вакери была взята штурмом, и Маркоин был занят. Это последнее селение предварительно было тщательно исследо-

[1]) Сведения, появившиеся в ежедневной печати, что в приказе ген. Элеса сказано: „Англия ждет от каждого танка, что он сделает все, чтобы послать врага к чорту", являются газетной уткой весьма дурного вкуса.

вано и был выработан определенный план для действия танков после в'езда в него. Как ни трудна была эта операция, но все позиции были взяты и германские саперы уничтожены как раз в тот момент, когда они соединяли подготовленный к взрыву главный мост с электрическими батареями.

В большом овраге, идущем от Гавринкура в Маркоину, была сплошная паника, а к северу от Рибекура бегство германцев обозначалось брошенным ими для большей быстроты отступления снаряжением. Буа-де Неф был взят штурмом и Преми-Шапель было занято. В деревне Флекьер задержалась 51-я дивизия, принявшая свое особенное построение для атаки; повидимому, или танки опередили пехоту, или принятый способ действий не допускал ее держаться достаточнно близко к танкам. Когда танки выехали на вершину гребня, они попали под прямой обстрел артиллерии с близкого расстояния и понесли тяжелые потери. Это не было бы особенно важным, будь пехота близко за ними, но так как она была в некотором отдалении, то, как только танки были разбиты, германские пулеметы, спрятанные среди разрушенных домов, ожили и задержали наступление до сумерек, поэтому Флекьер не был занят до 21-го ноября.

В селении Гавринкур произошла серьезная стычка. Однако, все цели были быстро захвачены, и на долю 62-й дивизии выпала честь занять Гренкур до наступления ночи, проникнувши в этот день глубже в неприятельское расположение. От Гренкура несколько танков двинулись к лесу Бурлон и по дороге на Камбре, но пехота была к этому времени слишком изнурена, чтобы использовать захват дальнейшего пространства.

Тем временем рота из батальона А поддерживала 29-ю дивизию на линии Преми Шапель-Рюмильи, один взвод танков двигался на Маньер, а другой содействовал пехоте в атаке Маркоина и возвышенностей, лежащих за ним. Третий взвод атаковал лес Найн (Буа-де-Неф), разбил там много пулеметов, а также в селении Нуайель, которое было затем занято нашей пехотой.

Пока развивались эти операции, грузовые танки отправились на свои сборные пункты, танки для беспроволочного телеграфирования заняли назначенное им положение, при чем один из них послал в тыл донесение о занятии селения Маркоин через 10 минут после входа туда нашей пехоты, а истребители проволоки очистили три широких полосы, по которым кавалерия могла свободно двинуться вперед. Она это и сделала, сосредоточившись в Большом Овраге и на местности, прилегающей к селению Маньер.

К 4 час. дня 20-го ноября было выиграно одно из самых изумительных сражений в истории и, поскольку дело касалось корпуса танков, тактически закончено, т. к. за от-

сутствием резервов, нельзя было сделать ничего больше, как собрать сильно утомленные и изнуренные команды, выбрать наиболее годные для боя и отправить сборные роты продолжать атаку на следующее утро. Это было сделано, и 21-го 1-я бригада поддерживала 62-ю дивизию 25-ю танками во время ее атаки на Аннё и лес Бурлон, а 2-я бригада послала 24 машины против Кантенга и Фонтен—Нотр-Дам; оба эти селения были взяты.

21-го ноября, вообще говоря, закончилась совместная деятельность пехоты с танками; с этого времени были пущены в ход свежие пехотные части, в результате чего была потеряна связь и взаимодействие между танками и пехотой. Тем не менее, 23-го была проведена блестящая атака 40-й дивизией, с поддержкой 34 танков 1-й бригады; она привела к овладению лесом Бурлон. Тогда танки двинулись к селению; пехота, однако, понеся при овладении лесом серьезные потери, была недостаточно сильна, чтобы прочно утвердиться в нем.

Этот день увидел также отчаянный бой в селении Фонтен—Нотр-Дам. 23 танка вошли в это селение впереди нашей пехоты; здесь они встретили упорное сопротивление: неприятель забирался в верхние этажи домов и осыпал крыши наших машин градом бомб и пуль. Наша пехота, которая была сильно изнурена, не могла воспользоваться захваченным пространством, вследствие чего все способные двигаться танки отошли под прикрытием темноты около 7 час. вечера.

25-го и 27-го ноября были проведены пехотой и танками атаки на Бурлон и Фонтен—Нотр-Дам с переменным успехом, но случайно оба эти селения остались в руках противника. Так закончился первый период сражения у Камбре.

В течение тех атак, которые велись после 21-го ноября, танковые части были сильно расстроены и к 27-му доведены до такого истощения, что было решено увести 1-ю и 2-ю бригады. Этот отход был почти закончен, когда большая контратака германцев началась рано утром 30-го ноября.

Чтобы оценить эту атаку, надо припомнить, что в это время III-й и IV-й корпуса занимали резко выступавший клин и что вся борьба в течение последних дней сосредоточилась в районе Бурлона и, несомненно, отвлекла наше внимание от нашего правого фланга восточнее Гузокура. План генерала фон-дер-Марвица, командующего германской армией, был смелый и заключался в том, чтобы захватить полностью III-й и IV-й английские корпуса, сжавши клин двойной атакой, правым крылом от Бурлона на юг и левым от Гонекура на запад, с целью соединить обе атаки у Треколь. Между этими двумя крыльями должна была вестись демонстративная атака от Маньера на лес Ла-Фоли.

Атака была начата вскоре после рассвета 30-го ноября и совершенно неудалась справа на лес Бурлон. Здесь неприятеля встретили наша артиллерия и пулеметы и скосили его сотнями. Слева, однако, атака удалась: во-первых, она была внезапной, во-вторых—германцы здесь выслали перед атакой несколько линий низко паривших аэропланов, заставлявших наших людей уходить вглубь окопов и терять возможность наблюдения. Под прикрытием этой аэропланной завесы и очень сильной бомбардировки из мортир германская пехота надвинулась и спешно овладела Вилер-Гислейном и Гузокуром.

В 9 час. 55 мин. утра телефонограмма из III-го корпуса предупредила 2-ю бригаду об атаке, но, несмотря на то, что многие машины были в небоеспособном состоянии, к 12 час. 40 мин. утра 22 танка батальона В двинулись на Гузокур, причем за ними вскоре последовало 14 из батальона А. Тем временем гвардейская дивизия вновь овладела Гузокуром, почему, когда танки прибыли, их выдвинули как заслон для прикрытия обороны селения. В 2 часа дня изготовились 20 танков батальона Н и были двинуты на поддержку.

Рано утром 1-го декабря, в связи с гвардейской и 4-й и 5-й кавалерийскими дивизиями, 2-я бригада произвела контр-атаку на Вилер-Гислейн и лес Гош. Западный край леса был очищен от неприятеля, тогда танки проследовали сквозь лес, где произошел горячий бой. Судя по большому числу убитых в лесу и многочисленным найденным там пулеметам, ясно, что противник собирался удерживать его во что бы то ни стало. Как только лес был очищен, танки проследовали в Вилер-Гислейн, но, подвергшись прямому обстрелу неприятельской артиллерии, временно отошли.

Контр-атака 2-й бригады сильно способствовала улучшению очень серьезного положения; это была смелая, хорошо проведенная мера, все чины вели себя с величайшим мужеством и решимостью в трудных и непредвиденных условиях и среди величайшего замешательства, вызванного успехом германской атаки; у каждой команды каждого боеспособного танка была лишь одна мысль—двинуться на восток и атаковать неприятеля. Так они и сделали, и замечательно то, что хотя в 8 час. утра 30-го ноября не было во всей бригаде ни одной машины вполне пригодной или снаряженной для действия, в 6 час. утра на следующий день не менее 73 танков было двинуто против неприятеля с решающими последствиями.

Этим закончился первый в военной истории крупный танковый бой, и каков бы ни был приговор историков касательно его, он все-таки должен оцениваться, как один из самых замечательных боев, когда-либо происходивших.

20-го ноября с исходной линии протяжением около 13.000 ярдов в течение 12 часов был выполнен прорыв не меньше, чем на 10.000 ярдов вглубь неприятельского расположения; во время третьего сражения у Ипра такой же прорыв потребовал 3-х месяцев. Было захвачено 8.000 пленных и 100 орудий, причем одни эти пленные вдвое превышали потери, понесенные III-м и IV-м корпусами в течение первого дня сражения. Интересно отметить то обстоятельство, что в этом сражении атаковавшую пехоту поддерживало 690 офицеров и 3.500 нижних чинов корпуса танков, немного больше 4.000 человек, т.-е. состав сильной пехотной бригады, и что эти люди заменили артиллерию при уничтожении проволоки и сделали излишней прежнюю артиллерийскую подготовку. Больше того, держась вплотную около пехоты, они осуществили более тесное взаимодействие с ней, чем когда-либо достигавшееся ею с артиллерией. Когда 21-го ноября в Лондоне колокольным звоном ознаменовали победу у Камбре, то те, кто его слышал, сознательно или бессознательно чувствовали, что он отпевает старую тактику и провозглашает новую: Камбре стало Вальми новой военной эпохи, эпохи машинной войны.

ГЛАВА XX.

Оценка танков пехотой.

В течение многих сражений и боев, в которых корпус танков принимал участие, им было получено много хвалебных приказов и писем от тех старших начальников, под командой которых корпус работал. Эти приветливые слова, всегда столь ценные, часто считаются неизбежным обменом любезностей, которые по правилам вежливости должны быть обращены, как к хорошим и безразличным, так и к плохим сотрудникам после успешно законченной операции. Неожиданные отзывы и в особенности те, которые не предназначены для сведения восхваляемых, если попадают им случайно на глаза, ценятся выше такого „поглаживания по шерсти", особенно когда они исходят от тех, кто сражался рядом с аттестуемыми.

Следующее письмо было написано пехотным офицером, который участвовал в сражении у Камбре, и адресовано другу, не имевшему никакого отношения к корпусу танков и показавшему его, через несколько месяцев спустя, лицу, служившему в нем. Это письмо явилось не только приятной и доставившей удовлетворение неожиданностью для всех чинов корпуса, так как его опубликовали, как боевую заметку [1]), но оно выявляет такое исключительно ясное понимание ценности танков и их возможных достижений, что по одной этой причине его стоит напечатать. Кто писал его, корпус танков так и не узнал, но его здравое суждение и доброжелательная оценка вызвали среди его читателей тот высший вид личной и коллективной гордости, которая известна военным, как esprit de corps. Такими человеческими документами, больше чем приказами и инструкциями, развивается сила духа отдельного человека или целой войсковой части и этим приближает армию еще на один шаг к победе.

---

[1]) „Боевые заметки" от времени до времени издавались для всех танковых команд штабом корпуса. Их целью было поддержание на известной высоте морального состояния танковых частей. Это были большею частью документы, касавшиеся не только танков, но и других родов войск.

Содержание письма следующее:

„Сначала я Вам приведу мнение одного из моих полковников. За три года на этом фронте я не встречал батальонного командира, равного ему по уменью управлять, быстроте решения в спешных случаях и личному обаянию. Я не встречал человека, который умел бы так правильно судить о том, что пехотинец может и чего не может делать. Он считает танк бесценным, если умело им пользоваться, как для атаки, так и для обороны, — но он сознает, как я думаю и мы все, что до сражения у Камбре знакомство с ним в тактическом отношении, обнаруженное применением танков, было самого низкого качества.

„Я слыхал и другое ценное мнение. У нас есть в батальоне младший офицер, человек лет около 30, очень хороший военный, смелый, решительный малый, видавший много всяких боев. Он командовал взводом в нашем батальоне во время большой танковой атаки у Камбре и находился в течение всего боя в первой атаковавшей волне. Он говорит, что танки, прикрывая наступление его батальона при идеальной погоде и хорошем грунте, управлялись с замечательным искусством и предприимчивостью при захвате первых двух целей и обеспечили наступление на 3.500 ярдов. Моральное влияние танков на атакующую пехоту очень велико. Он говорит, что его люди чувствовали величайшее доверие к танкам и были готовы всюду следовать за ними. Воздействие наступающей линии танков на неприятельскую пехоту было необычайное. Она даже не пыталась удерживать свои окопы и, или выскакивала в безумной панике, или, бросив оружие, кидалась навстречу, подняв руки для сдачи. Пока наступление танков продолжалось в глубину расположения неприятельских окопов на две или три мили, итог понесенных нашим батальоном потерь (мы атаковали в первой волне) равнялся 4 убитым и 5 раненым, все огнем артиллерии.

„После падения второй цели, наступление прекратилось по неизвестной причине (говорили о каком-то ударе у Флекьера), и атака оказалась бесцельной и утратившей направление. Фланговые танки стали возвращаться обратно. Батальону было приказано атаковать 6 разных целей и прежде чем успели дать необходимые указания младшим начальникам, был получен приказ, отменявший предыдущие распоряжения. Одним словом, царил хаос. Вышеупомянутый офицер не находил слов для того, чтобы достаточно нахвалиться деятельностью танковых командиров,—ничто не могло преодолеть их смелости и предприимчивости. Он говорит, что безусловно убежден в том, что пехота, без поддержки артиллерии, совершенно бессильна против танков, и что нет таких проволочных заграждений, в которых они не могли бы сделать превосходный проход для пехоты.

„Наконец, он не скрывает того, что ему самому понадобилось бы напрячь всю свою решимость и стойкость, чтобы устоять и удержать свою позицию при танковой атаке неприятеля, если бы она велась в таком же масштабе, как наша. Я могу добавить, что он рослый, выносливый малый, хороший атлет и не боится ничего двуногого.

„Я привожу Вам его несколько длинный отзыв потому, что он является ipsissima verba человека, призванного говорить на основании личного опыта. „Лично я верю, что танки могут сыграть еще на войне величайшую роль, если только высшее командование будет пользоваться ими в таких условиях, когда здравый смысл и опыт прошлого одинаково требуют этого. За два дня до того, как мы были атакованы в лесу Бурлон, мы потеряли трех офицеров и около 70 отважных молодцов, стремившихся разбить пару неприятельских пулеметных гнезд,—пустое дело, которое пара танков наверное выполнила бы, не потеряв ни одного человека.

„Почему при обстоятельствах, описанных после взятия второй цели, не было ответственного штабного офицера впереди нас в танке, чтобы ознакомиться с положением дел и уловить удобный момент для принятия быстрого решения? В начале войны, забыв южно-африканские уроки, мы ставили наших офицеров в передовую линию, но затем маятник качнулся в другую

сторону; применив для указанной цели танк, мы, вероятно, как раз напали бы на верное средство.

„Во время обороны возможные достижения танка, как подвижного „ящика снарядов" весьма велики:—всякий, кто вел пехоту на приступ, знает деморализующее и дезорганизующее действие „внезапных пачек", посылаемых из пулеметных гнезд, какое же гнездо лучше этого возможно выдумать? Постоянно меняющее свое положение, скрытое от воздушных сил неприятеля дымом и пылью сражения, не представляющее собой цели для прицельного артиллерийского огня.

„Половина потерь, которые мы несли во время боя после первой атаки, происходила от медленного передвижения сквозь заградительный огонь команд, подносивших патроны для пехоты и пулеметов Люиса и Викерса, тогда как все это могло бы быть сделано танками скорее, вернее, с минимальными потерями. В будущем танк снимет с артиллерии всякую ответственность за уничтожение проволочных заграждений. Вы знаете, что можете пройти сквозь проволочные заграждения, через которые прошел танк, но вы лишь надеетесь, что можете это сделать после того, как по проволоке два дня стреляла артиллерия. Вот числовое сопоставление: танк стоимостью в 5.000 фунтов стерлингов разрушит больше проволоки в один рейс, даже если он больше ничего не сделает, чем 2.000 снарядов стоимостью по 5 фунтов каждый, выпущенных в один день;—кроме того, прибавьте к этому и изнашивание орудия.

„В атаке одной из самых трудных задач для пехоты является продвижение далеко вперед траншейной артиллерии, с достаточным количеством огнестрельных припасов, для того, чтобы вступить в борьбу с пулеметами или укрепленными пунктами, внезапно задержавшими наступление,—все это легко может выполнить танк, причем не только в отношении орудий мелкого калибра с дальностью огня в 500—600 ярдов, но и 6 дм.—с досягаемостью в 1.200—1.600 ярдов и ввести их в действие.

„Танк боится только одного противника — танкового орудия с большой начальной скоростью снаряда, стреляющего прицельным огнем с передовых позиций. Я думаю, что эту опасность можно довести до минимума при помощи аэропланов, приданных во время боя к каждому танку и снабженных дымными бомбами с целью ослеплять неприятельские орудия, если не удастся заставит их замолчать огнем пулеметов или обыкновенными бомбами с большим количеством взрывчатого состава.

„Я пытался очертить более обычное использование танков, для которых они превосходно приспособлены. Имеется большой запас сведений такого рода, еще неиспользованных не только в штабах, но и среди взводных и ротных командиров, сражавшихся в первых рядах танковой атаки и видавших, какие приходилось танкам преодолевать затруднения, как они справлялись с ними или терпели неудачу, и почему. Ничего не было произведено в эту войну равного тому, что сделал танк механическими средствами и что до сих пор выполнялось людьми, что так хорошо сберегало живую силу и уменьшало ту ужасную затрату ее, которая до сих пор характеризовала наши усилия во время атаки, и при том с выгодой, а не потерей боеспособности.

„Нам нужны тысячи танков, и легких, и тяжелых, делающих от 2 до 8 миль в час, вооруженных пулеметами и артиллерией; также невооруженных и быстроходных для перевозки орудий на спешно устраиваемые позиции и, наконец, люди, обученные тактике танков; все это для того, чтобы посрамить критику, основанную на невежестве, собрать, классифицировать и исследовать все имеющиеся сведения и предложения, дабы, подобно аэроплану, — всякое „новое издание" танка было улучшением предшествующего.

„Я написал довольно длинно, но эта тема обширна и достаточно интересна для того, чтобы извинить меня".

ГЛАВА XXI.

Учебный лагерь корпуса танков.

В начале февраля 1916 года в военном министерстве было собрано совещание, чтобы решить вопрос о подготовке личного состава для танковых частей, формирование которых предполагалось тогда. В этом совещании приказано было присутствовать полковнику Свинтову и подполковнику Брэдлей.

В это время подполковник Брэдлей был начальником учебного лагеря моторных пулеметов в Бисли и имел возможность выбрать подходящих людей для нового рода войск. Число людей, потребных для первых 150 танков, было определено в 1.500 чел., или по 10 чел. на каждую машину, при 150 младших офицерах. Этот состав был набран следующим образом: 600 человек было переведено из резерва обучавшихся в учебном лагере моторных пулеметов и 900 взято особой вербовкой. 30 офицеров перевели из отделения моторных пулеметов, 15 назначено главным командованием во Франции, а остальные набраны вызовом добровольцев из войсковых частей в Англии и особым выпуском из военных училищ. В целях скрытности новое учреждение было придано пулеметному корпусу и названо ужасным именем: „специального подотдела блиндированных автомобилей при отделениях моторных пулеметов". Месяцем позже оно стало известно под именем тяжелого отделения пулеметного корпуса.

Комплектование прошло очень успешно, и этому в особенности обязаны неутомимой энергии Джофрей Смита, издателя „Мотоциклиста", который не жалел ни времени, ни хлопот, ни денег, чтобы добыть людей.

К концу марта учебный лагерь был переведен из Бисли на ферму Бульхауз и в этом лагере проведено все первоначальное обучение, новобранцам делали ученье, приучали их к условиям войсковой жизни и к обращению с пулеметами Викерса и Гочкиса, а также и 6-ти фунт. орудиями Гочкиса.

Первый штат, утвержденный военным министерством, заключал в себе 10 рот по 10 танков каждый, но через две недели он был увеличен до 15 рот, из 10 танков каждая, причем роты были сведены в 3 батальона. Через несколько

времени, по просьбе главного командования во Франции, батальоны были переформированы в один батальон из 6 рот, по 25 танков каждая.

Для обеспечения и в дальнейшем скрытности, полковник Свинтон решил не посылать танков в Бисли, а избрать для них учебное поле подальше от любопытных глаз. Тотчас же были приняты меры для того, чтобы отыскать подходящее для этого место, которое и было найдено в имении лорда Ивиф в Эльведене, после посещения Тетфорда в Норфольке. Здесь было выбрано учебное поле, названное „Эльведеновский полигон для опытных взрывов"; вокруг него, на расстоянии 250 шагов один от другого, были расставлены посты от королевской оборонительной стражи.

В течение первой половины апреля в Бисли обнаружилось, среди специально набранных чинов, некоторое недовольство. Их призвали обслуживать блиндированные автомобили, но за шесть недель они не видали и автомобильного колеса. Их попросили запастись терпением и обещали им нечто неожиданное. В Эльведене этот сюрприз был им сделан, и когда прошел первый момент их изумления при виде первого танка марки I, они принялись за работу с такой охотой, которая, с гордостью можно сказать, никогда не покидала всех чинов корпуса танков с этого дня и до конца войны.

Лагерь в Эльведене находился как раз около „Полигона для взрывов" и никому не дозволялось пройти туда без специального пропуска. Однако, последние три недели перед переездом рот через канал, они проводили на полигоне. Как только был избран этот необходимый участок, три батальона сапер были привезены в лагерь Эльведен и здесь была вырыта целая система окопов в $1^1/_4$ милю по фронту и до 2 миль в глубину. План этой работы был составлен инженерными офицерами, майором Танди и капитаном Мартель. К несчастью, этими окопами мало воспользовались для тактического обучения, вследствие задержек в изготовлении танков, недостатков в их устройстве и повторных требований главного командования во Франции о присылке всех наличных танков и команд во Францию для сентябрьских операций на Сомме. Однако, пулеметная стрельба из танков производилась часто, а также стрельба из 6-ти фунт. пушек, которая, к несчастью, была сильно стеснена в целях безопасности.

Все шоферы были взяты из автомобильного корпуса, причем все они, вместе с мастерскими и личным составом моторного транспорта тяжелого отделения, образовали новую, 771-ю роту этого корпуса. Этой ротой командовал майор Нот, ведавший также и техническим инструктированием и вождением танков.

К концу мая было закончено обучение последней роты в Бисли и ее отправили в Эльведен; штаб за несколько вре-

мени до этого перешел туда и устроился в конюшнях дома лорда Ивифа и в новых странноприимных домах селения Эльведен.

К началу июля обучение настолько подвинулось, что оказалось возможным устроить первый, когда либо имевший место маневр танков. Двадцать машин принимали в нем участие и наступали, сопровождаемые пехотой, против одного из участков учебных окопов. Этот маневр, на котором присутствовало много видных лиц, включая Ллойд-Джоржа и сэра Вильяма Робертсона, имел большой успех.

За этим маневром вскоре последовал второй, на котором присутствовал король, очень озабоченный сохранением втайне своего посещения. Но так как необходимо было сделать некоторые приготовления, то в лагере было об'явлено, что ожидается посещение лагеря очень высокопоставленным русским генералом. Личность русского генерала была, однако, угадана большинством людей до конца маневра к их большой радости и удовольствию.

В начале августа подполковник Броуф посетил главную квартиру во Франции, с целью ознакомиться с предположенными для действия танков тактическими приемами. К несчастью, его посещение было безрезультатным, так как, повидимому, не существовало еще определенных соображений по этому вопросу. Вскоре после его возвращения было получено распоряжение отправить танковые роты во Францию; для обсуждения этого дела было собрано совещание из следующих офицеров: генерал-майора Бетлера, бригадного генерали Бэрнет-Стюарта, оба из главной квартиры во Франции; подполковника Свинтона, подполковника Брэдлей и подполковника Броуфа. На этом совещании было решено мобилизовать эльведенские роты и отправить их через канал полуротами. Первой должна была выехать рота С, а второй рота Д, которыми командовали майоры Хольдфорд-Уокер и Сэммерс.

К концу августа полковнику Свинтону было предложено послать во Францию штабного офицера, но так как по штату полагался только один командир и один штабной офицер, а последнюю должность занимал очень молодой человек, то был послан подполковник Броуф. Вскоре после своего прибытия, он нашел нужным телеграфировать о присылке автомобилей, писарей и т. п., так как он был назначен командующим танковыми частями во Франции. В помощь ему послали капитана Кингдона, а также двух писарей и один автомобиль. Таким путем образовался полевой штаб танковых частей, что же касается первоначального штаба тяжелого отряда, то он остался в Англии и никогда не выезжал оттуда.

В октябре 1916 года, как уже описывалось в главе VI, был устроен новый учебный лагерь в Бовингтоне в Вуле.

Здесь были сформированы и обучены в течение 1916—17 гг. батальоны E, F, G, H и I, в 1917—18 гг. батальоны J, K, L, M, N, O, P, Q и R и последний, 18 батальон, выехал во Францию в сентябре 1918 года.

В 1917 г., в соответствии с увеличением числа танковых частей разных типов, были устроены учебные лагери в Воргрете (Уэргам) и Люльворте, причем в первом было устроено резервное депо, а во втором—артиллерийский лагерь.

Первыми были открыты следующие школы: школы для обучения управлению танками, школа 6-ти фунтовых орудий и школа пулеметов Люиса, но постепенно, с ростом корпуса танков, число школ увеличивалось и к окончанию войны на лицо были следующие:

Школа для обучения управлению и сбережению танков; школа танковой стрельбы (6-ти фунтовыми и пулеметами); школа танковой разведки; школа танковой службы связи и голубиной почты; школа маскировки; школа револьверной стрельбы; школа для обучения обращению с газами; школа для обучения пользованию компасом.

В июле 1918 г. подготовка, предпринятая с целью удвоить к 1919 г. состав корпуса танков, прибавила много работы учебному лагерю. Нужно было сформировать 13 британских, 3 канадских и один новозеландский батальон, а также целый ряд вспомогательных частей. В августе, несмотря на недостаток пехотных укомплектований, в распоряжении учебного лагеря корпуса танков было предоставлено, предпочтительно перед другими родами войск, 4.500 человек, так что формирование вышеупомянутых новых частей могло начаться; кроме того, был утвержден, без представления сметы, расход на постройку танков в пол миллиона фунтов, столь важным казалось теперь не терять ни одного дня в подготовке корпуса танков на 1919 г. Ко времени перемирия около половины строительной программы было закончено и было сформировано 8 британских и один канадский батальоны.

В следующей таблице показано число танковых частей, сформированных и обученных в учебном лагере с 1 ноября 1916-го по ноябрь 1917-го года.

Британских танковых батальонов	22 (с 5-го по 26-й).
Канадских „ „	1 (1-й канадск. танк. бат.).
Американских „ „	3 (301-й, 302-й и 303-й)
Рот для перевозки орудий	2 (1 и 2).
Танковых рот снабжения	5 (с 1-й до 5-й).
„ передовых мастерских	2 (4-ая и 5-ая).
Спасательных танковых рот	1 (№ 3).
Американских спасательн. танков. рот	2 (306-ая и 307-ая).
Различных штабов	3.
Всего сформировано танковых частей	41.

Все вышеозначенные части, за исключением 8 британских и одного канадского батальона, были высланы во Францию до перемирия.

Всего через учебный лагерь прошло около 21.000 офицеров и нижних чинов, из них 14.000 в составе частей и 7.000 в укомплектованиях; кроме того, обучено 950 юнкеров. В октябре 1918 года учебный лагерь, разросшийся из одного Бовингтона в несколько лагерей,— в Воргрете, Люльворте и Свэнэдже, включал в себе около 16.000 человек всяких чинов и специальностей.

Средний срок, потребный для сформирования и обучения нового танкового батальона, составлял 4 месяца. Система обучения, принятая с ноября 1916 г., была следующей: начинали с очень основательного одиночного обучения и затем переходили к прохождению рекрутами курса разных школ, с тем, чтобы тактическое обучение производилось во Франции.

Спортивные развлечения играли важную роль в обучении и учебный лагерь приобрел у южного командования отличную репутацию в ведении игр и спорта.

При расширении штатов, которое началось 1 сентября 1918 г., 30% личного состава для каждой новой части составлялись из обученных людей корпуса танков, посылавшихся в учебный лагерь из Франции; эти люди, получавшие значительное число учебных танков и других усовершенствованных приспособлений, способствовали более успешному и скорому обучению частей, перед их отправлением во Францию.

Кроме формирования и обучения новых частей и укомплектований, учебный лагерь корпуса танков имел тесную связь с производством опытов, изобретениями по части вооружения и оборудованием всех типов танков, начиная с марки V и Средней А. Вот важнейшие усовершенствования, задуманные в учебном лагере: приспособление к танку пулемета Гочкиса, изобретение прицела Пальмера для пулемета, изобретение приборов для управления огнем.

В течение весны и лета 1917 года в Вуле были произведены разнообразные опыты для выработки наилучшего способа разрушения и убирания проволочных заграждений. Окончательно остановились на кошках, которыми и пользовались с большим успехом в ноябре, во время сражения у Камбре.

Выбрасывание танками облаков дыма было также придумано в учебном лагере и с добавлением усовершенствований, сделанных покойным командиром Броком, было окончательно принято для всех танков и успешно применялось при разных обстоятельствах во время операций лета и осени 1918 г.

С целью удовлетворения общего интереса, возбуждаемого танками, а также обучения и обращения неверующих, было устроено в 1918 г. для офицеров военного министерства, для начальствующих лиц и школ большое количество учений, показывавших мощность танков и их взаимодействие с пехотой. 25-го октября того же года король посетил Вуль и присутствовал на одном из них, оказавши учебному лагерю корпуса танков высокую честь осмотром нескольких батальонов и осчастливил многих из чинов, собранных здесь британских и американских частей, обходя их и запросто беседуя с ними.

ГЛАВА XXII.

Танковые роты снабжения.

Танки, как всякий другой род войск, требуют высоко развитой службы снабжения и, будучи бездорожными машинами, должны обслуживаться подобным же средством транспорта. Это вероятно было понятно прежде, чем танки были отправлены во Францию в 1916 году, но во время сражений на Сомме, Анкре и у Арраса не было возможно организовать какую-либо систему бездорожного снабжения, так как каждая машина требовалась или для боя, или для обучения. В феврале 1917 года была сформирована первая организация для бездорожного снабжения. Она состояла в придании каждой роте двух танков снабжения, но опоздание в прибытии машин марки IV-й отсрочило проведение в жизнь этой организации до мая 1917 года.

Танки снабжения впервые были употреблены в дело в сражении у Мессин и для этой цели использовали танки I-й марки, которые были исключены из числа боевых машин. Их снабдили большими спонсонами из мягкой стали, изготовленными в центральных мастерских корпуса танков. Во время этого сражения ими мало воспользовались в силу ограниченного размера операции.

Между июнем 1917 года и началом третьего сражения у Ипра каждый батальон танков получил 6 танков снабжения, по 2 на каждую роту; однако, их действия во время боя не были успешны, в виду ужасных условий местности, на которой спонсоны заклинивались в отлогости воронок и их отрывка требовала значительной земляной работы.

Как раз перед началом этого сражения первый перевозящий орудия танк прибыл во Францию, был отправлен во Фландрию и прикомандирован в XVIII корпусу для производства опытов. Вслед за ним последовали другие и к концу года уже было получено 44 таких машины. Идея танка, перевозящего орудия, есть идея механической артиллерии. Машина по существу представляет механический пушечный лафет, могущий перевозить 60-фунтовые пушки или 6-дюймовые гаубицы. Их

полная емкость без пушки равняется двустам 6-дюймовым снарядам, весящим около 10 тонн.

Несмотря на скверные условия грунта, этими машинами в Ипрском сражении была выполнена хорошая работа, состоявшая в подвозе вперед нескольких сот тонн боевых припасов, так же как и нескольких 60-фунтовых пушек.

В сентябре испытали новый метод снабжения, состоявший в буксировании за танком любого типа трех салазок, соединенных канатом с крышей машины. В сражении у Камбре этим методом пользовались с большим успехом и не только для подвоза снабжения для самих танков, но также телеграфного кабеля и мостового материала.

Осенью и зимой 1917 года усиленно работали, как во Франции, так и в Англии, не только над вопросом перевозки снабжения для танков, но также перевозки пехоты и особенно пулеметчиков в бронированных повозках танкового типа; результаты этой работы выразились в проекте большой танковой повозки, известной под названием марки IX и в формировании новых частей, получивших название „рот для перевозки пехоты".

Эти роты впервые были сформированы 1-го февраля 1918 года. Первые две из них были составлены из сапер, а следующие три из пехоты. Личный состав этих рот был очень хорош, и около 60% уже видели службу за морем. 1-я и 2-я рота отправились во Францию около середины мая, остальные три прибыли туда в июне и июле.

Организация каждой из этих рот была следующая: штаб роты и 4 взвода, каждый взвод состоял из 6 танков снабжения марки IV или, как их иногда называли, тендеров. Назначение этих рот излагалось в уставе корпуса танка следующим образом.

„Танковая рота снабжения есть часть войск бригады и назначается для перевозки снабжения от пункта, где перестают ходить колесные повозки, к батальонам. Ответственность за поддержание батальонного снабжения лежит на штабе бригады. Обязанности начальника снабжения бригады ни в коем случае не исполняются командиром танковой роты снабжения. Танковая рота снабжения используется, как подвижной резерв снабжения, под непосредственным наблюдением штаба бригады".

Эти роты снабжения ни разу не применялись для переброски пехоты, так как постройка марки IV была окончена не раньше октября 1918 г., однако, ими широко пользовались при всех танковых операциях последнего года войны.

В течение июня две роты для перевозки пушек были окончательно обращены в роты снабжения и приданы 3-й и 5-й бригадам. В сражении у Хамеля, 4-го июля, 4 из этих машин выполнили прекрасную работу, перевезя вперед от

20 до 25 тонн инженерного материала и свалив его в нескольких стах шагах в тылу последней цели, всего лишь спустя полчаса после захвата ее. Машины эти управлялись 4-мя офицерами и 16-ю нижними чинами, между тем, как если бы этот материал был перенесен командами носильщиков, то потребовалось бы по меньшей мере 1.200 человек; таким образом, машина дала экономию только в одной людской силе в 1.184 человека или приблизительно в 2 батальона боевого состава.

По прибытии во Францию 1-я и 2-я роты снабжения были приданы 1-й и 4-й танковым бригадам, а 3-я, 4-я и 5-я роты были посланы в лагерь у Бленжеля в районе Бермикура, в виду наличия там удобных условий для поддержания в порядке имущества и для маневрирования. Приблизительно в конце июля, 3-я и 5-я роты получили танки снабжения марки IV и танки женского типа марки IV с салазочным имуществом.

В начале августа распределение различных снабжающих частей было следующим:

Рота для перевозки орудий	№ 1	5-я танковая бригада.
» » » »	№ 2	3-я » »
Танковая рота снабжения	№ 1	1-я » »
» » »	№ 2	4-я » »
» » »	№ 3	Бленжельский лагерь.
» » »	№ 4	2-я танковая бригада.
» » »	№ 5	Бленжельский лагерь.

Все эти роты, за исключением танковой роты снабжения № 1 и роты для перевозки орудий № 2, приняли участие в сражении у Амьена.

Рота для перевозки орудий № 1 подверглась тяжелому испытанию 7 августа. В то время, как все машины, нагруженные различными взрывчатыми веществами, подвигались к фруктовому саду на западной окраине Вилер Бретонне, неприятельский снаряд, выпущенный одной из батарей, расположенных в окрестности Шипийи, воспламенил одну из камуфляжных сетей и в результате 16 машин сделались жертвами ужасного взрыва, остальным же 6-ти из 22 удалось спастись.

Третья танковая рота снабжения была придана канадскому корпусу для подвоза ружейных патронов, гранат и питьевой воды. Танки IV марки женского типа были прикомандированы к канадским саперам для подвоза материала для исправления мостов через реку Люс. В виду слабости канатов, операция оказалась неудачной и большинство машин остановились прежде, чем они прошли одну милю.

Принятый вначале способ придания взвода из 6 танков к каждому батальону оказался нехорошим, так как ротный штаб оставался один и скоро терял связь со своими взводами.

Для устранения этого недостатка, с 9 августа ротным командирам было предписано устраивать на поле сражения выдвинутые вперед особые „посты для донесений". Для приманки, на эти посты посылалась почта и так как естественно было желание получить новости из дому, то взводные командиры отправляли туда за письмами посыльных и этим способом автоматически поддерживалась связь с ротным штабом [1]).

Во время боев к северу от Соммы, начавшихся 21 августа, было выполнено много полезной работы, так как шофферы танков сделались к этому времени опытными в управлении танками и в уходе за ними. Здесь взводами управляли уже надлежащим образом и каждая рота представляла собой настоящее тактическое соединение, а не только штаб четырех отдельных единиц. Между взводами и штабом была установлена надежная телефонная связь и этим была достигнута большая экономия времени, не только для самой роты, но и для различных частей, которые она снабжала.

Во время боев, после 8-го августа и до захвата Ландреси, работа, выполненная танковыми ротами снабжения и ротами для перевозки орудий, была не только полезная, но и чрезвычайной важности, так как во многих местах дороги были слишком плохи для механического транспорта. Когда они не требовались для подвоза снабжения танкам, они занимались подвозом разного рода боевых припасов и строительных материалов, особенно же через зоны, обстреливаемые пулеметным огнем, где применение команд носильщиков вызвало бы потерю многих жизней. Когда поняли открывавшиеся транспортные возможности, даваемые этими ротами, то командиры пехотных частей постоянно просили их помощи, причем предпочтение давалось ротам для перевозки орудий, в виду большей емкости их машин для легких грузов.

Роты для перевозки орудий, помимо прекрасного исполнения обязанностей по снабжению пехоты, надежно снабжали как тяжелую, так и легкую артиллерию. Рота для перевозки орудий № 2 выполнила несколько очень удачных и жестоких обстрелов противника, подвозя 6-дм. гаубицу и передвигая ее ночью с места на место, чем беспокоила и озадачивала врага. Кроме того, было выполнено, при помощи машин для перевозки орудий, несколько успешных газовых атак, когда эти машины подвозили к позициям аппараты и бомбы по местности недоступной для колесного транспорта.

---

[1]) Из этого не следует выводить, что офицеры и нижние чины корпуса танков не повиновались бы приказаниям; офицер, командовавший ротами снабжения, был знатоком человеческой натуры. Зачем приказывать, когда можно простым способом, подобным описанному, достичь тех же результатов?

Пользуясь этими машинами, было возможно выпустить ночью три или более снаряда и до рассвета уйти из опасной зоны.

Если в дни великого Наполеона, когда солдат часто шел в бой, имея в кармане меньше 20 пуль и пару запасных кремней, армия „ползала на животе", то насколько больше оснований для этого она имеет теперь! Когда уроки войны будут распределены по степени их важности, то вблизи первого места, если не на нем, окажется провозоспособность дорог; другими словами, победа будет на стороне того, кто сумеет развить наиболее широкие сообщения. Уширять существующие дороги или построить новые—слишком большая работа, она поглощает не только время людей, но и всякого рода транспорт, особенно в стране, как северо-восточная Франция, где, в сущности, нет подходящего камня для шоссирования дорог. Достигнуть этого косвенным путем возможно прежде всего посредством бездорожного трактора, т. е. машины способной двигаться как по дороге, так и без нее. Она уширяет путь до бесконечности, т. е. дороги перестают существовать, потому что в них более нет необходимости.

Танк прежде всего бездорожный трактор и любопытно то, что ни одна из соперничавших наций не оценила этого до конца войны, несмотря на то, что причина всегдашней медлительности продвижения атаки вслед за первоначальным успехом почти всегда коренилась в недостатке снабжения.

К концу марта 1918 года немецкая атака выдохлась из-за недостатка снабжения, к концу мая тоже и по той же причине. Если бы немцы имели 21-го марта и 27-го мая 5—6 тыс. бездорожных тракторов, каждый из которых мог бы нести 5 тонн снабжения, то никакие армии, которые могли привезти во Францию Соединенные Штаты, не были бы в состоянии воспрепятствовать прорыву между французской и английской армиями. Что произошло бы от этого—сказать невозможно, но что возможно сказать—это то, что если бы немцы переплавили половину своих пушек на бездорожные тракторы, то подошли бы ближе к выигрышу войны, чем это оказалось на самом деле.

ГЛАВА XXIII.

Второе сражение на Сомме.

С окончанием сражения у Камбре британская армия прекратила начатое 9-го апреля наступление и перешла к пассивной обороне. В это время все 3 бригады танков были собраны в Брей-сюр-Сомм или вблизи него, где находились просторные квартиры и где опустошенный район удовлетворял требованиям обучения. К концу декабря корпусом танков было возбуждено ходатайство об открытии в Брей большой пехотной и танковой школы, чтобы обеспечить взаимодействие между этими двумя родами войск; так как в то же время недалеко находились артиллерийские полигоны, то чувствовалось, что возможно было установить единство тактических действий танков, пехоты, артиллерии и аэропланов; наконец, Брей представлял прекрасный стратегический пункт в районе Соммы на случай германской атаки между Уазой и Скарпой.

Однако, в начале января 1918 года получены были приказания, отменявшие сбор танкового корпуса в одном пункте и предписывавшие занятие им оборонительного кардона приблизительно от Руазеля до Бетюна, т. е. на фронте около 60 миль.

В феврале эта линия была занята и танковые части располагались следующим образом:

Пятая армия, 4-я танковая бригада	1-й б-н—лес Дуан.
„ „ Шт. б Темпле ла Фосе	4-й б-н—лес Бюир.
„ „	5-й б-н—лес Бюир.
Третья армия, 2-я танковая бригада	2-й б-н—лес Велю.
„ „ Штаб Тиллуа	8-й б-н—Фремикур.
„ „ „ „	10-й б-н—Фремикур.
„ „ 3-я танковая бригада	6-й б-н—Вайн.
Резерв главн. квартиры, Штаб Хенэнкур	3-й б-н—Брей.
„ „ „ „	9-й б-н—Брей.
„ „ „ 5-я танк. бригада Штаб Брей.	13-й б-н—Брей (без имущества).
Первая армия, 1-я танковая бригада	7-й б-н—Буефль.
„ „ Штаб Буа Д'Ален	11-й б-н—лес Дезале.
„ „ „ „	12-й б-н—лес Вердрель.

Как видно, к этому времени корпус танков уже разросся с трех до пяти бригад, насчитывавших всего 13 батальонов; однако, машин недоставало и общая боевая сила танков выражалась в это время 320 машинами марки IV и 50 средними танками А (Уиппет), годными для боя.

По принятому плану, танковые части должны были действовать совместно с армейскими и корпусными резервами для производства контр-атак против пунктов тактической важности в так называемой боевой зоне,—поясе местности, шириной в несколько миль, параллельном передовой или сторожевой зоне; отступать от этой зоны не предполагалось. До 20-го марта погода была хорошая, грунт был в хорошем состоянии, были произведены тщательные разведки местности на площади около 1.500 квадр. миль, образованы снабжающие склады и установлено беспроволочное сообщение, а также связь проводами и посыльными между частями корпуса танков. 21-го марта в 5 часов утра германская армия открыла бомбардировку на фронте приблизительно от Ля Фера до реки Скарпы с перерывом около старого поля сражения у Камбре. Первыми танками, которые должны были вступить в бой, были 3 передовых взвода 4-го батальона к северо-западу от Сент-Емили, к северо-западу от Пейзьера и в Женевельской роще. Они вошли в бой около полудня и храбро сражались в чрезвычайно тяжелых условиях. Первый взвод, поддержанный двумя ротами королевских стрелков, отбил пушечную батарею близ леса Эклервиллер; позже, в тот же день, этот взвод помогал контр-атаке против леса Ронсой, в то же самое время 2-й взвод очистил мост и выемку северо-восточнее Пейзьера. В то время как шли эти бои в районе 5-й армии, на фронте 3-й рота 8-го танкового батальона, совместно с 57-й пехотной бригадой, произвела контр-атаку против деревни Дуаньи. Нуль часов был назначен в 6 час. 40 мин. пополудни, но атака была отложена и уже было почти темно, прежде чем достигли цели. Деревня была очищена от неприятеля, но, вследствие темноты, ее не удалось полностью занять нашими частями и в конце концов она перешла обратно в руки немцев.

На следующий день, 22-го марта, передовой штаб корпуса танков поместился в Хамекуре, в одной миле к востоку от Дулляна, для облегчения выполнения своих обязанностей по поддержанию связи. В этот день произошло чрезвычайно лихое и успешное дело 2-го танкового батальона в окрестностях Во-Врокур и Морши. В 2 часа 45 мин. пополудни 2-му танковому батальону было дано приказание продвинуться вперед для контр-атаки неприятеля, прорвавшегося на линии Во-Врокур-Морши и продвигавшегося в направлении Бейни. Две роты пехоты были назначены для поддержки танков, но, так как их не могли выделить, танки пошли в бой одни.

Контр-атака начала развиваться в окрестностях Бейни около $4^1/_2$часов пополудни. По танкам был открыт сосредоточенный огонь, но, несмотря на это, им удалось прорваться к врагу, выведя из строя легкую батарею и анфилированием нескольких, наполненных германцами, окопов нанести им тяжелые потери. Неприятель в конце концов был отброшен за позицию Во-Врокур-Морши, которая снова была занята нашей пехотой. В этом бою приняло участие 30 танков, из них 17 были повреждены, а команды понесли потери в 70%. Как ни велики были эти потери, однако, неприятель пострадал жестоко и главное—его план действия был расстроен.

Продвижение врага на фронте 5-й армии привело к быстрому отходу наших войск; для прикрытия его, 4-ый и 5-ый танковые батальоны двинулись в восточном направлении по обоим берегам реки Колонь, впадающей в Сомму у Перрона; деревня Эпеи была очищена от врага и было выиграно много драгоценного времени при танковых контр-атаках у Руазеля и Эрвии. Германская пехота не выдерживала приближения танков и каждый раз разбегалась при их появлении.

23 марта на фронте 3-ей армии боев с участием танков не происходило; на фронте же 5-й армии 1-й батальон, который еще не принимал участия в бою, взял позицию на обратном склоне к западу от Муален с пулеметными постами, вынесенными на передний склон. Неприятель, однако, не пожелал атаковать линию танков, а предпочел действовать в обход их флангов, в результате чего 1-й танковый батальон отошел в направлении Марикура, а 4-ый и 5-ый танковые батальоны прикрывали отход нашей пехоты по обоим берегам реки Колонь; к вечеру 10 танков 4-го батальона собрались в Клери, машины же 5-го батальона на мосту Бри в 3-х милях к югу от Перрона. Вскоре после их прибытия этот мост был взорван и все танки 5-го батальона, за исключением трех, должны были быть уничтожены вследствие недостатка горючего. Из оставшихся трех танков, одному удалось перейти через мост после его взрыва, другим же двум пришлось спасаться через Перрон. Все три погибли на другой день.

На следующий день 8-й танковый батальон имел весьма успешное дело к юго-востоку от Бапома. Две роты выдвинулись в направлении Бюса и Боратра, третья же прикрывала закрепление 6-ой пехотной бригадой линии окопов. Все танки вошли в бой и нанесли врагу с близких дистанций тяжелые потери; неприятель был задержан на значительное время, что позволило 2-й дивизии выйти из крайне тяжелого положения с малыми потерями. Неприятель был силен, но, как обычно это бывало, он не выносил танков и если он не мог действовать в обход их флангов, его продвижение останавливалось до тех пор, пока не прибывали орудия для борьбы с танками.

24 марта было сформировано большое число пулеметных взводов из команд танков, которые в этих боях потеряли свои машины. 9-ый танковый батальон передал свои машины 3-му батальону и выступил из Брей, как пулеметный батальон, на помощь 35-ой дивизии и 9-ой кавалерийской бригаде в обороне Монтобана и Марикура. Инструкторский состав школы управления танками, которая в феврале была переведена из Вайн в Авелю, был быстро превращен в пулеметные взводы и с годными для действия танками занимал позицию от Фрикура до Базантен, прикрывая Альбер-Бапомскую дорогу. 5-й танковый батальон, находившийся южнее Соммы, теперь без машин, был переформирован также в пулеметный батальон по мере прибытия команд. Этот батальон в частности выполнил в высшей степени полезную и отважную работу. 45 боевых пулеметных групп этого батальона постоянно находились в бою и некоторые из них, потеряв связь со своими штабами, продолжали сражаться до 31 марта с любыми войсками, которые находились в их соседстве.

25 марта две роты 10-го танкового батальона вошли в бой у Ашье-ле-гран и Ашье-ле-пти. В первой из этих деревень одна из рот, совместно с 42-ой дивизией, атаковала неприятеля, который в большом числе прорвался вблизи Бапома и задержала его продвижение на несколько часов. Около этого времени не менее 113 пулеметных групп были выставлены в районах Ля-Мезонетт-Шольн, Брей и Позьер-Конталь Мезон-Монтобан-Марикур и ночью к ним добавлено еще 20 для удержания переходов через реку Анкр между Авелю и Бокур. В это время Грандекур и Миромон были уже в неприятельских руках и положение было чрезвычайно тяжелое. Эти группы удерживали переходы в течение нескольких дней и наносили врагу тяжелые потери каждый раз, как он пытался их форсировать.

День 26 марта является памятным в истории корпуса танков, потому что после полудня этого дня впервые выступили Уиппет-танки. 12 этих машин, принадлежавших к 3-му танковому батальону, получили приказание, продвинувшись к северу от Брей, пройти через деревню Коленкан, чтобы выяснить положение, оставшееся неясным. Ими была встречена группа германцев, численностью около 300 человек, продвигавшаяся несколькими частями в направлении деревни; они были захвачены совершенно врасплох и при виде быстродвижущихся танков обратились в беспорядочное бегство без малейшей попытки сопротивления. Уиппет-танки произвели затем набег в направлении Серра и, рассеявши несколько сильных германских патрулей и не понеся потерь ни танками, ни людьми, возвратились обратно. Это дело было особенно благоприятно, так как оно остановил обходное движение, направленное против Хебютерна в то время, когда в наших линиях была брешь.

За исключением нескольких мелких стычек 27, 28, 29, 30 и 31 марта, второе сражение на Сомме, поскольку это касалось корпуса танков, было закончено, но прежде окончания настоящей главы интересно учесть уроки, данные этими первыми оборонительными операциями, в которых приняли участие танки.

21 марта танки были слишком разбросаны для того, чтобы выказать свою мощь. Их удары в том положении, в каком они находились, были равносильны ударам растопыренными пальцами, вместо ударов кулаком, а когда надо было бить, то уже не было времени сжимать пальцы. Из общего числа 370 танков только 180 вошли в бой. Постоянное оттягивание танков пехотными частями, вместо продвижения их в неприятельские линии, послужило причиной того, что многие машины износились, раньше чем сделали первый выстрел; это было неправильное пользование наступательным оружием. Из этих боев можно вывести два главных урока: первый, что для машин маневренной войны необходимы два существенные качества—скорость и поворотливость, и второй, уже упомянутый выше, но имеющий настолько большую важность, что не мешает его повторить,—что ни одна большая армия в роде той, которую немцы сосредоточили против нас 21 марта, не может полагаться в отношении снабжения только на рельсовые и обыкновенные дороги. Следовательно, если эти средства снабжения не пополнены бездорожным механическим транспортом, т. е. транспортом, который не зависит ни от рельс, ни от обыкновенной дороги, то самый большой успех будет всегда ограничен степенью выносливости лошадиных ног. Люди без снабжения являются обузой, и орудия и пулеметы без патронов — кусками металла. Если бы немцы могли после 26 марта снабжать свои войска без дорог, то едва ли можно сомневаться в том, что их продвижение продолжалось бы, так как мы не могли бы остановить его, и они легко могли бы выиграть войну. Утомление может остановить продвижение постепенно, недостаток же снабжения останавливает его сразу,—это есть второй и важнейший урок второго сражения на Сомме, если не всей войны.

ГЛАВА XXIV.

Организация службы связи в танковом корпусе.

В сражении сотрудничество между командиром и его войсками зависит во многом от правильной организации службы связи. Для таких частей, как части корпуса танков, главная обязанность которых состоит в тесном взаимодействии с пехотой, необходимость простой и прочной связи была вполне понята полковником Свинтоном еще в феврале 1916 года, когда он писал инструкцию для тактического использования танков, выдержки из которой были приведены в IV главе. Хотя время для обучения было ограничено, однако, был построен специальный беспроволочный аппарат, и люди практиковались в его обслуживании; но так как было получено приказание не снабжать этими аппаратами танков, то последние были отправлены во Францию в августе 1916 года без них.

Первая инструкция относительно связи с танками была об'явлена в приказе 4-ой армии 11 сентября; в ней указывались следующие сигналы:

„От танков пехоте и воздушному флоту:

Сигналы флагами:

Красный флаг . . . . . Выведено из строя.
Зеленый флаг . . . . . Нахожусь на цели.
Прочие флаги . . . . . Для связи между танками.

Сигналы лампами:

Серия буква Т . . . . . Выведен из строя.
„ „ Н . . . . . Нахожусь на цели.

Часть танков должна иметь почтовых голубей".

О пользовании этими сигналами донесений не имеется и до окончания операций в ноябре не было свободного времени, чтобы организовать связь на более действительных началах.

В ноябре 1917 г. были предприняты шаги для введения в корпусе танков некоторой системы сигналов, несмотря на представлявшиеся затруднения, сводившиеся главным образом к следующему:

1) можно было пользоваться только командами танков;

2) можно было рассчитывать не более, как на два месяца обучения;

3) ни азбуку Морзе, ни семафорный код пехота не могла читать.

Весь вопрос после тщательного его изучения был разобран в упомянутой инструкции для подготовки за № 16.

Вся система полевой связи была разделена на три главных вида:

1. Местная связь. Между танками и между танками и атакующей пехотой, а также между взводным командиром и передаточной станцией, если бы таковой пользовались.

2. Дальняя связь. Между танками и штабом роты, определенными пехотными и артиллерийскими наблюдательными постами, привязными шарами и возможно аэропланами.

3. Телефонная связь. Между различными штабами танковых частей, с которыми они совместно действуют.

Принятые сигналы были следующие.

Для местной связи: красный, зеленый и белый диски. Один или все три диска могли выбрасываться в различных сочетаниях на стальном шесте, что давало 39 сигналов, так: белый = „вперед"; красный и белый = „неприятель в малом количестве"; красный, белый и зеленый = „неприятель отступает". Этот код был отпечатан на карточках и роздан командам танков и пехоте. Кроме этих сигналов, была введена система прерывчатой передачи, но так как она требовала от отправителя и приемщика знания азбуки Морзе, то ею пользовались редко. Главным же средством местной связи был посыльный, и он оставался им до конца войны.

Дальняя связь достигалась пользованием дневной лампой Алдиса, но так как передача депеш была бы слишком сложной, то применяли буквенный код; так, серия *D,D,D . . . D* означала „поврежден", *Q,Q,Q . . . Q* — „нуждаюсь в снабжении" и пр. До ноября 1917 г. дальняя связь достигалась, главным образом, почтовыми голубями, которые, вообще говоря, оказались надежными, при условии, что их выпускали до захода солнца; в более поздние часы голуби были склонны прерывать свое путешествие остановкой в пути.

В феврале 1917 г. капитан Мольсворт был прикомандирован к корпусу танков для руководства обучением службе связи. Этот офицер оставался в корпусе танков до конца войны и в 1918 г. был произведен в подполковники и назначен помощником начальника службы связи армии. Под его управлением были открыты курсы связи и в короткое время, пред-

шествовавшее сражению у Арраса, был достигнут значительный успех.

В этом сражении различные принятые средства связи были подвержены практическому испытанию. Телефонная связь была охарактеризована командиром 1-й бригады танков как „раздирающая сердце".

„Во многих случаях, при переговорах со штабом корпуса на расстоянии от 5 до 6 миль, было совершенно невозможно что-либо слышать или быть услышанным". Голуби принесли большую пользу, лампа Алдиса признана неудобной; во многих случаях при передаче сведений между танками и в некоторых случаях при передаче их пехоте система цветных дисков дала хорошие результаты.

Полученный опыт указал на необходимость добавления в батальон специального состава для сигнальной и телефонной связи.

Результат этого опыта сказался в том, что в мае была сформирована первая танковая рота связи, для которой личный состав был выбран из числа людей, уже получивших подготовку в танковых батальонах, и к ним добавили несколько опытных человек из службы связи. Вскоре за этим последовало формирование второй и третьей роты, а вторая рота уже приняла участие в бою у Мессин.

В мае в главных мастерских в Эрэн были произведены первые опыты по применению беспроволочной передачи от танков и к ним, при чем испытывались различные типы воздушных мачт. В июле, в корпусе танков был назначен офицер службы беспроволочной связи и он сразу принялся за постановку в шести танках беспроволочных аппаратов для предстоявших ипрских операций.

Эти танки связи, по окончании их оборудования, были приданы бригадным ротам связи и в отдельных случаях, во время боя, принимали участие в операции, но вообще их действия не были особенно успешными, главным образом вследствие чрезвычайно тяжелых условий грунта. В конце концов эти танки были размещены в различных пунктах вдоль фронта сражения и ими воздушный флот пользовался как наблюдательными пунктами, уведомляя по беспроволочным аппаратам противо-аэропланные батареи о приближении неприятельских аэропланов к нашим линиям. Ими было послано много беспроволочных донесений и получен большой опыт.

В конце сентября, в виду получения специального имущества, оказалось возможным поставить дело обучения более прочно, чем это было раньше. Это было очень кстати, так как дало возможность перед сражением у Камбре усиленно заняться подготовкой службы связи. Во время этого сражения применили значительно более полную систему связи и беспроволочное сообщение оказало неоценимые услуги в под-

держании связи с тыловыми штабами, а также в передаче приказаний вперед. В первый день этого боя был выполнен успешный опыт прокладки с танка кабеля; пять тонн кабеля на салазках были буксированы танком, сам же танк вез 120 шестов, телефоны и различные необходимые аппараты для линии от нашего фронта до города Маркоина.

Опыт, приобретенный в сражении у Камбре, в смысле организации связи, оказался чрезвычайно ценным, особенно в том отношении, что указывал на бесполезность сбора донесений с передовых пунктов боевой линии. Даже если бы эти донесения возможно было собирать, что, однако, представляет трудную задачу, то они были бы узко местного характера и настолько сомнительного значения, что они могут скорее ввести в заблуждение, чем ориентировать того, кто их получает. Сборные пункты в 600 ярдах за линией сражающихся танков были признаны наиболее подходящими местами для установки оптических и беспроволочных станций. На эти станции назначались офицеры для принятия донесений и составления из них сводок, которые от времени до времени передавались беспроволочными аппаратами в соответственные штабы.

После сражения у Камбре была сформирована 4-я рота связи. В этой роте штат впервые был заполнен офицерами службы связи и подготовленными людьми. Они особенно хорошо работали во время мартовских операций 1918 г.

Полная организация службы связи того времени может быть представлена графически следующим образом:

Служба связи.

(Техническое инструктирование, назначение офицеров и нижних чинов, управление всеми складами службы).

1-я танковая бригадная рота связи. (Администрация, дисциплина, имущество, постановка и эксплоатация линий, беспроволочные станции).		2-я танковые бригадные роты связи.	3-я	4-я	Ремонтный взвод беспроволочных аппаратов.	Штабной взвод.
Прием телеграмм от посыльных.	Постановочная команда.	Взвод штаба батальона.		Взвод штаба батальона.	Взвод штаба батальона.	Транспорт.

В начале 1918 года употреблявшийся тип беспроволочного аппарата был установлен с постоянной волной, так как при ней аппарат мог быть более компактный, и она допускала

больший радиус действия при малых воздушных мачтах, которыми должны были пользоваться танки.

Восемь таких установок были введены в каждую бригадную роту связи и обучение с ними было закончено к началу августовских операций. В общем, они действовали успешно и оправдали их применение, но по мере накопления опыта становилось очевидным, что нужно что-то лучшее и более солидное.

В сентябре рассматривалась новая схема, по которой вся организация связи корпуса танков должна была подвергнуться коренной переработке для согласования ее с новой групповой системой танков, которая тогда разрабатывалась на 1919 г. Эта организация предусматривала групповые роты связи и бригадные роты связи, более крупные по сравнению с существовавшими; главным аппаратом по этой новой организации должен был быть беспроволочный. В каждой танковой роте должна была быть только одна установка в танках, другие же станции должны были перевозиться вперед в каретах, для придания им большей подвижности.

Значение связи в таком роде войск, как корпус танков настолько велико, что переоценить его невозможно и это значение будет увеличиваться по мере введения быстродвижущейся машины, так как если донесения и приказания не будут быстро передаваться вперед и в тыл, то будет упущено много благоприятных моментов, особенно для действия резервами. Полное использование времени есть залог всякого успеха и его нельзя достичь, если начальник не стоит в теснейшей связи с его сражающимися и тыловыми войсками и управлениями.

ГЛАВА XXV.

Французский танковый корпус.

Французский танковый корпус обязан своим существованием неутомимой энергии одного человека—полковника (ныне генерала) Этьенна. Этот офицер, тогда командовавший артиллерией 6-ой французской дивизии, 1-го декабря 1915 года отправил главнокомандующему французской армии записку, в которой выражал твердую уверенность, что боевая машина, приводимая механически в движение и защищенная броней, приспособленная для перевозки пехоты и орудий, выведет из того тупика, который создался на западном фронте. Идея такой машины зародилась в голове полковника Этьенна, как результат его работы в 1915 г., когда ему пришлось видеть тракторы Гольта, находившиеся в британских артиллерийских частях.

12-го декабря полковник Этьенн был приглашен во французскую главную квартиру, где он изложил свою теорию машинной войны. 20-го декабря он посетил Париж для обсуждения деталей с инженерами фирмы Шнейдера, но только 25-го февраля департамент артиллерии и боевых припасов решился заключить договор с этой фирмой на поставку 400 таких бронированных машин.

Тем временем полковник Этьенн возвратился на свою должность в артиллерию 3-го корпуса под Верден, но оставался в неофициальных сношениях с заводом.

Два месяца спустя он узнал, что подобное же число машин, но другого образца, должно было быть построено заводом Сен-Шамон. Эти машины были более тяжелого типа и с бензино-электрической тягой.

В июне 1916 г. созданное в этот промежуток времени французское министерство снабжений постановило устроить в Марли-ле-Руа полигон для производства опытов и обучения. Позже, в Серкотте был образован склад для приема имущества. 30-го сентября полковник Этьенн был произведен в генералы с назначением командовать штурмовой артиллерией французской армии и, как представитель главного командования по вопросам, связанным с танками, был прикоманди-

рован к министерству снабжений; таким образом, он сделался официальным связующим звеном между полевыми армиями и строительным отделом министерства.

В октябре в Шамплье, на южной опушке Компьенского леса, был образован лагерь для обучения и здесь 1-го декабря были собраны первые танковые части. В течение следующих месяцев продолжали прибывать машины Шнейдера и Сен-Шамон и обучение велось в этом лагере до германского наступления 1918 года.

20-го июня были посланы в министерство снабжений штаты танковых частей, которые были утверждены месяц спустя. По этим штатам предусматривалось содержание 4-х батальонов с танками Шнейдера и 4-х батальонов с танками Сен-Шамон и, кроме того, помимо лагеря в Шамплье подлежали образованию лагери для обучения в Мартиньи и Майи-Пуавр.

Тем временем генерал Этьенн в июне посетил Англию, и, после осмотра британской машины марки I, пришел к убеждению в необходимости иметь более легкий танк. Этот танк был воплощением его идеи иметь на поле сражения разомкнутые волны застрельщиков, одетых в броню и вооруженных пулеметами, которыми они могли бы пользоваться во всех направлениях. Вес брони вызвал неизбежность вспомогательного средства передвижения, что в свою очередь создало необходимость иметь другого человека для управления машиной. Эти мысли были изложены генералом Этьенном в июле 1916 г. пред фирмой Рено и в то же самое время он безуспешно настаивал в министерстве на необходимости введения легкого танка. Однако, полные проекты были подготовлены и 27-го ноября генерал Этьенн имел возможность предложить маршалу Жоффру постройку для будущих операций большого числа легких танков и уведомить его о существовании разработанного проекта такой машины; действительно, 150 таких машин уже были заказаны в это время, они предназначались для тяжелых батальонов, как командные. Однако, министерство все еще не было убеждено и только после производства дополнительных опытов, оно, в мае 1917 г., решилось заказать 1.150 таких машин. Это число было в июне увеличено до 3.500 машин, когда был сформирован под'отдел министерства снабжений, известный под названием под'отдела артиллерии, на который было возложено проектирование и постройка танков.

Несмотря на все старания генерала Этьенна, приверженцы старой школы, продолжавшие верить в „штыки и сабли", оказывали ему непреклонное сопротивление, которое оказалось столь ужасным тормазом для развития британского корпуса танков и только после сражения у Камбре, французское министерство снабжений убедилось в ценности тан-

ков. Противодействие тогда прекратилось и, с целью увеличения производительности, к постройке chars d'assauts были привлечены заводы Рено, Шнейдера и Берлие.

В декабре 1917 года было решено сформировать 30 легких танковых батальонов, каждый из 72 боевых машин и 3-х с беспроволочными станциями. Из этих 30 батальонов, ко дню подписания перемирия, 27 находилось уже на фронте, а 3 проходили курс подготовительного обучения в Серкотте.

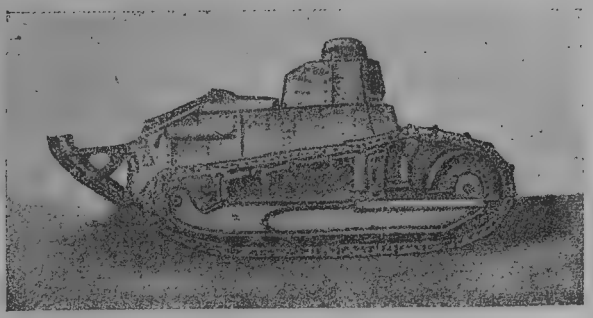


Рис. 11. Легкий танк Рено (французский).

Операции французского корпуса танков могут быть разделены на три резко определенных периода:

1. Первый период: 1917-й год—рождение и детство танков типа Шнейдера и Сен-Шамон;

2. Второй период; первая половина 1918 г.—юношество и зрелость танков Шнейдера и Сен-Шамон и детство танка типа Рено;

3. Третий период: вторая половина 1918-го года—юношество и зрелость машины Рено.

В первом периоде было три сражения с участием танков:

15-го апреля 1917 года французские танки получили первое боевое применение, приняв участие в операциях 5-й французской армии, пытавшейся проникнуть на Шмен-де-Дам. Приняли участие 8 рот Шнейдера, 3 из них должны были оперировать между Краонским плато и Миеттой и 5 между Миеттой и Эном. Первым не удалось войти в бой и они понесли большие потери от огня неприятельской артиллерии, так как она, занимая высоты Краонского плато, командовала над их путем; последним же удалось пересечь вторую и третью линии неприятельской оборонительной системы, но несмотря на то, что они оставались долгое время перед фронтом пехоты; последняя не могла следовать за ними, в виду сильного пулеметного огня. С наступлением темноты танки отошли, понеся серьезные потери людьми и машинами. Спе-

циальные команды пехоты были назначены для сопровождения танков и подготовки пути для их продвижения, но они были недостаточно обучены и их усилия принесли мало пользы.

5-го мая одна рота Сен-Шамон и две Шнейдера приняли участие в спешно-подготовленной операции 6-й армии. Шнейдеровские роты провели пехоту в успешной атаке на холм Лаффо, что же касается танков Сен-Шамон, то из 16 назначенных для боя только один перешел германские окопы.

Между маем и октябрем 6-ой армией велись приготовления для атаки на западную часть Шмен-де-Дам и для этой атаки пехота, совместно с танками, обучалась в Шамплье; были сформированы специальные отряды, под названием troupes d'accompagnement, которых обучали оказывать помощь танкам при проходе через окопы.

Эта атака, известная под названием сражения у Мальмезон, произошла 23-го октября. В ней приняли участие 5 рот танков, под начальством полковника Валь, который незадолго до этого был назначен командовать танками 6-ой армии. Эта должность послужила ядром для последующего формирования танковых бригадных штабов, которые соответствовали штабам групп в последней организации британского корпуса танков. В этом бою рота Шнейдера действовала успешно, роты же Сен-Шамон не оправдали себя, так как только одна или две машины достигли плато. 25-го числа рота Сен-Шамон была снова в бою.

Вообще говоря, было признано, что французские тяжелые танки оправдали их постройку, однако, многие еще сомневались в их пользе, пока, наконец, сражение у Камбре не рассеяло все сомнения французов.

Второй период открылся предпринятыми французами рекогносцировками вдоль французского фронта, ввиду ожидания германского наступления. В марте 1918 года все наличные танки были сосредоточены за фронтом 3-й французской армии, как войска контр-атаки, и с таким назначением они приняли участие в следующих небольших операциях, предпринятых главным образом для обратного захвата пунктов тактической важности: 5-го апреля у Совилер; 7-го апреля у Гривен, 8 го апреля у леса Сенека и 28-го мая у Кантиньи, совместно с американскими войсками.

Вслед за сильным мартовским ударом по стыку британской и французской армий, германский генеральный штаб решил атаковать французов 27-го мая. Мне кажется, эта атака первоначально предназначалась только для обеспечения за собой высот к югу от реки Вель, но, в виду поразительного первоначального успеха, 29-го числа было решено продолжать атаку с конечной целью захватить Париж и, таким образом, кончить войну прежде, чем Америка могла бы развернуть все свои силы.

На такое намерение противника указывает созыв военного совета в захваченном районе, на котором присутствовали император, кронпринц, Гинденбург и Людендорф и на котором было решено развить добытый успех до крайнего предела, не теряя, однако, из виду первоначального плана, в который входил захват Реймса.

Это наступление можно считать выдохшимся около 4 июня, когда германцы расширили захваченный выступ до 40 километров в глубину, на фронте также в 40 километров. Однако, старая столица Франции оставалась во французских руках и это обстоятельство лишало занимающие выступ войска крайне необходимой им линии снабжения.

9 июня атака была расширена и направлена против 3 армии между Нойоном и Мондидье. За фронтом этой армии были собраны 4 батальона тяжелых танков. Первая и вторая линии скоро попали в руки врага и французские войска, предназначавшиеся для контр-атаки, были поглощены обороной. 10-го числа были спешно собраны подкрепления и 11-го генерал Манжен бросил в контр-атаку пехоту и танки. Сражение продолжалось до 13-го и, несмотря на много затруднений, 111 из 144 собранных танков тронулись в бой в нуль часов. Потери в машинах были тяжелы и около 50% команд было убито и ранено, но, несмотря на это и на то, что танки скоро обогнали пехоту, неприятелю был нанесен тяжелый удар и его атака была окончательно сломлена.

В бою 11 июня танки Шнейдера и Сен-Шамон достигли зенита своей карьеры. С этого времени, хотя они и продолжали принимать участие в боях, но постепенно ими переставали пользоваться, как отдельными частями, смешивали их с танками Рено и, наконец, в октябре 1918 года остававшиеся два смешанные батальона были вооружены британскими танками марки V со звездой; однако, этим батальонам не суждено было участвовать в бою.

Для остановки неприятельского натиска 27 мая, 2 батальона с танками Рено были спешно отправлены по обыкновенным дорогам к северо-восточной опушке леса Виллер Коттре и 31 мая был их дебют, выразившийся в совместном действии двух рот с колониальной пехотой на плато к востоку от фермы Кравансон. Начиная с этого числа и до 15 июня эти 2 батальона продолжали обороняться совместно с утомленными войсками и им удалось предупредить дальнейшее продвижение германских армий. Этим заканчивается второй период.

Во время первых двух недель июля 3 и 5 батальоны Рено были двинуты на фронт и первый из них прикомандирован к 5 французской армии, к югу от Дормана и второй к 10-й. Эти машины участвовали в боях 15, 16 и 17 числа этого месяца.

15 июля немцы повели свою последнюю большую атаку и направили удар между Шато-Тьерри и Реймсом. Французские армии, вовлеченные в это сражение, занимали следующие участки:

1) 10 армия между Эном и Урком;
2) 6 армия между Урком и Марной;
3) 5 армия между Марной и Реймсом;
4) 4 армия к востоку от Реймса.

Предварительное распоряжение для сосредоточения частей было получено штабом французского корпуса танков 14 июля. В это время штаб 10 армии имел в своем распоряжении 5 тяжелых батальонов и 3 легких, а 5 и 6 армии получили по одному тяжелому и по 3 легких батальона. Таким образом, общее число наличных батальонов равнялось 7 тяжелым и 9 легким.

Для выполнения главной атаки была назначена 10 французская армия; 5 и 6 армии должны были вступить в бой, когда скажется результат атаки 10-й и наседать на противника при его отступлении, которое должно было быть неизбежным при успехе главной атаки. Вся операция должна была основываться на танках, которые должны были быть введены в бой до последней машины. Так как это было самое большое, за время войны данное французами, сражение с участием танков, то интересно несколько подробнее войти в рассмотрение действий танков, приданных 10-й французской армии.

14 июля было получено приказание о сосредоточении танков на фронте 10 армии; полковник Шедевилль, командир 2-й танковой бригады, находился в это время в 3-й армии. Он имел в своем распоряжении 3 батальона Сен-Шамон (10, 11 и 12), 2 батальона Шнейдера (3 и 4) и одну легкую бригаду в составе 1, 2 и 3 батальонов Рено и одного батальона Шнейдера. Из числа этих батальонов первые 5 были в районах 1 и 3 французской армий и жестоко пострадали в контр-атаке 11 июня. Получив приказание, полковник Шедевилль собрал своих батальонных командиров и об'яснил им положение. В 6 часов пополудни последовало вторичное совещание, на котором были распределены участки для рекогносцировки. Эти последние были закончены в 6 часов пополудни на следующий день и на полученных данных был основан боевой приказ по армии за № 243, по которому танковые части распределялись следующим образом.

I КОРПУС.

3 тяжелый танковый батальон придается 153 дивизии (27 танков).

XX КОРПУС.

12 тяжелый танковый батальон (30 танков) придается 2 американской дивизии.

11 тяжелый танковый батальон (30 танков) придается 2 американской дивизии.

4 тяжелый танковый батальон (48 танков) придается Марроканской дивизии.

1 тяжелый танковый батальон (48 танков) придается 1 американской дивизии.

XXX КОРПУС.

10 тяжелый танковый батальон (24 танка) придается 38 дивизии.

В АРМЕЙСКОМ РЕЗЕРВЕ В РАЙОНЕ ВИЛЛЕР КОТТРЕ-ФЛЕРИ.

1 легкий танковый батальон (45 танков).
2 „ „ „ (40 „).
3 „ „ „ (45 „).

Сборные пункты различных частей были следующие (с севера на юг) (см. план № 6).

3 тяжелый танковый батальон—овраг к юго-западу от Монтиньи и Легрен.
12 „ „ „ —овраг к северу от Мортфонтеня.
11 „ „ „ две роты — овраг Лонгавен и ферма Лепэн, одна рота—овраг на 1 километр к северу от Суси.
4 тяжелый танковый батальон—северная опушка леса Виллер-Коттре к юго-востоку от Вивьера.
1 тяжелый танковый батальон—дом лесника в 200 метрах к сев. от железной дороги на дороге из Виллер в Суассон.
10 тяжелый танковый батальон—перекресток дорог к юго-востоку от креста Кордильеров в лесу Виллер-Коттре.
1 легкий танковый батальон—северная опушка леса Виллер-Коттре, юго-западнее Вивьера, в готовности к атаке по следам марокканской дивизии.
2 легкий танковый батальон — северная опушка леса юго-западнее Вивьера, в готовности следовать за 2 американской дивизией.
3 легкий танковый батальон—крест святого Георгия, в готовности поддержать 48 дивизию или XI корпус.

Вследствие нераспорядительности властей военного транспорта произошла большая задержка в прибытии нескольких частей, и некоторые танки должны были остаться позади. Вообще говоря, разгрузочные станции были назначены недостаточно близко к фронту, и результат этого сказался в позднем прибытии 1 и 3 легких батальонов к пунктам их назначения.

В течение ночи с 17 на 18 июля различные части направлялись к их исходным тыловым пунктам соответственно с их фронтом атаки.

3 тяжелый танковый батальон 153 дивизия	Сен Бандри, Саконен и Брей-Воксбюэн
11 тяжелый танковый батальон 12 „ „ „ 1 американская дивизия	Кютри—Мисси-о-Буа—Плуази.

4 тяжелый танковый батальон Мароканская дивизия	Сен Пьер Эгль-Шодэн-Виллемонтуар.
1 тяжелый танковый батальон 2 американская дивизия	Шавиньи — лес Борепер — Виерзи—Тиньи.
10 тяжелый танковый батальон 38 и 48 дивизии	Лонгпон—Виллер Элон-леПлессие-Юле.

Атака была начата в 4 часа 35 мин. утра при легком тумане, увеличившем внезапность. Артиллерийской бомбардировки не было. В 7 часов 30 минут утра, в виду трудности сообщения и быстроты продвижения, легкие танковые батальоны, находившиеся в армейском резерве, были переданы в распоряжение XX и XXX корпусов для поддержки наиболее глубоко продвинувшихся дивизий. Во время этой атаки сопротивление неприятеля не было слишком упорным и танки и пехота продвинулись без затруднений на значительную глубину. Несколько танков 12 тяжелого батальона отпали на пути, но машины 10 батальона справились сверх ожидания с трудными местами в окрестностях Лонгпона. Из батальонов Рено только 1 вошел в бой; в 7 час. утра он был брошен в атаку на Вокскастильский овраг, во время которой ему удалось провести вперед пехоту на глубину от 3 до 4 километров.

Из 324 танков, сосредоточенных на участке 10-й французской армии, в бою 18-го июля приняло участие 225 машин, за время боя это число уменьшилось на 102 машины, при чем 62 танка были выведены из строя артиллерийским огнем. Потери команд равнялись приблизительно 25% участвовавших в бою.

19-го июля были сформированы сборные части, и 105 машин приняло участие в бою этого дня, состоявшем в дивизионных атаках с ограниченными об'ектами действий, веденных в различные часы. Здесь уже сопротивление врага настолько возросло, что несколько танковых батальонов сильно пострадали. 3-й тяжелый танковый батальон к концу этого дня потерял оставшиеся у него машины, за исключением двух, но, неся эти потери, ему удалось продвинуть атаку до Шоссе Брюнео. В 12-ом тяжелом батальоне только один танк достиг конечной цели. Несмотря на жестокое сопротивление, атака была чрезвычайно успешной. Из 105 вошедших в бой танков, 50 были подбиты артиллерийским огнем, и потери команд равнялись 20% участвовавших в бою.

На следующий день происходили только контр-атаки местного значения, в них приняли участие 32 танка, из которых 17 были подбиты, и их команды понесли не менее 52% потерь.

21-го июля XX-й корпус выполнял подготовленную атаку, первым об'ектом которой была линия Бюзанси — восточная опушка леса Конкруа—лес Артенн и вторым—линия Шакриз.

Атака была поведена без артиллерийской подготовки, и деревни Тиньи и Виллемонтуар были захвачены, но позже взяты обратно врагом. В этот день было введено в бой 100 танков, из которых 36 оказались подбитыми, и потери в командах достигали 27% наличного их состава.

Вечером 21-го июля было решено отвести все танки в резерв армии, чтобы они могли подготовиться к атаке на 23-е число. Эта атака была начата XX-м и XXX-м корпусами в 5 часов утра. Главной характерной особенностью этого дня было то, что атака была направлена против неприятеля, занимавшего оборонительную позицию, поддержанную очень сильной артиллерией. В результате этой атаки не меньше 48 танков из 82 оказались подбитыми. Необходимо помнить, что под-ряд в течение 6 дней боя танковые части, приданные 10-й армии, постепенно истощались и сражались до последнего человека и последней машины. Вечером 23-го числа они были отведены в резерв армии, а три дня спустя назначены в резерв главной квартиры.

Тем временем 6-я армия принимала необходимые меры, сообразно с требованиями главной атаки. Танковые части этой армии вечером 14-го июля были поставлены под начальство подполковника Мишеля; в них входили: 503-й полк Рено: 7-й, 8-й и 9-й батальоны; 13-й батальон Сен-Шамон.

15-го июля ротные командиры рекогносцировали фронт атаки, танки же готовились к бою. 18-го июля все танковые части находились на местах при пехотных частях, к которым они были приданы:

7-й легкий батальон	2 роты	ко 2-й	дивизии.
8-й „ „	3 „	„ 47-й	„
9-й „ „	1 „	„ 164-й	„
	2 „	„ 63-й	„
13-й тяжелый „	1 рота	„ 47-й	„

2 роты в резерве армии.

2-я и 47-я дивизии были во II-м, а 63-я и 164 в VII-ом корпусе.

В нуль часов тридцать минут танки двинулись со своих исходных пунктов: 7-й и 8-й легкие батальоны хорошо действовали при захвате высот к западу от Нейли-Сен-Фрон и холма 167; 325-я рота 9-го легкого батальона, действуя с с 47-ой дивизией, выполнила блестящую атаку к северу от Куршан.

Вечером танки собрались на сборном пункте с тем, чтобы продолжать атаку всеми годными машинами на следующее утро.

Как правило, взвод из 5 танков придавался каждому атакующему батальону. Этой нормы придерживались до конца

операций, 26 июля, когда полк, более уставший от перебросок, чем от боя, был оттянут на отдых. Потери на этом участке были очень легкие.

Когда фронт атаки, поведенной немцами 15 июля, сделался известен французскому главному командованию, легкий полк танков, состоявший из 4-го и 6-го батальонов, был спешно направлен из 6-й французской армии в 4-ю армию к востоку от Реймса. 5-й батальон 15 июля ввел в бой одну роту с 73-й пехотной дивизией 6-й французской армии для обратного захвата леса Жанвие к югу от Дормана, а две роты 16 и 17 июля для очистки от неприятеля местности в направлении Буа-де-Конде, к востоку от Шато-Тьерри.

Когда обнаружилось, что германская атака к востоку от Реймса потерпела неудачу, 4-й и 6-й батальоны были спешно переправлены между 16-м и 19-м июлем по обыкновенным дорогам к югу от Марны,—на юго-запад от Реймса, для участия в местных контр-атаках. Эти атаки были возложены на 9-ю французскую армию, которой были подчинены все французские войска, находившиеся к югу от Марны и которая имела в своем распоряжении 4 й, 5-й и 6-й легкие танковые батальоны и 2 роты тяжелых танков, спешно доставленные по железной дороге из Сен-Жермена в район между Эпернэ и Реймсом.

2 взвода 4-го легкого полка вошли в бой 18 июля, совместно с 2-мя батальонами 7-го пехотного полка, два—20 июля с 97-м и 159-м полками и один—19 июля с 131-ой дивизией, все в районе леса Левриньи, к югу от Марны. Позже, 23-го июля, взводы 4-го батальона сражались с британскими войсками, с 186-ой пехотной бригадой в атаке на Марфо и с 56-м и 60-м батальонами chasseurs-à-pied в Конетрей, в то время как в этот же день два взвода 6-го батальона атаковали с частями 15-ой британской дивизии между Эпеи и Марфо и еще два взвода неудачно действовали с 37-м пехотным полком против фермы Фоан.

Этим заканчивается отчет о действии танков в сражении под Суассоном.

Эта большая победа имела, с точки зрения танков, поразительное влияние на последующие операции, выразившиеся: 1) в настойчивости, с которой пехотные командиры теперь требовали танков, и 2) в ускорении формирования и обучения новых танковых батальонов.

Начиная с этого времени, батальоны с танками Рено начали прибывать со скоростью одного в неделю, и результат этого сказался в скорой смене утомленных батальонов свежими; поэтому они никогда не расстраивались полностью, как это было в британском корпусе танков, который между августом и ноябрем 1918 года получил только 2 свежих батальона, и притом один из них прибыл настолько необученным, что его нельзя было пустить в бой.

Операции, последовавшие за этим периодом, будут, из-за недостатка места, описаны лишь вкратце. Однако, интересно хотя бы перечислить бои с участием танков, так как этот перечень показывает, что без помощи танков армии опять уперлись бы в тупик.

1 августа 45 французских танков приняли участие в сражении у Гран-Розой. Затем последовала большая атака британских танков 8 августа у Амьена, где принимали участие 1-я и 10-я французские армии и где было в этот и последующий день введено в бой 110 французских танков, из которых 80 продвинулись с пехотой на расстояние 18 километров к югу от дороги Руа-Амьен, а 30 машин продвинулись на 5 километров близ Мондидье. Между 16-м и 18-м августа атака развернулась к западу от Руа; здесь приняли участие 60 машин Рено и 32 Шнейдера, совместное действие с пехотой было, однако, в этом бою затруднено избитым артиллерией грунтом, так как атака продвигалась по старому полю сражения.

Следующей операцией было продолжение наступления 10-й армии между Уазой и Эном; начавшись 20 августа, оно с промежутками тянулось до 3 сентября включительно, 20 и 22 числа 12 танков Шнейдера, 28 Сен-Шамон и 38 Рено вошли в бой к северу от Суассона.

В течение недели, начавшейся 28 августа, 3 легких батальона продвинулись на 5 километров между Эном и Айеттой и в этих операциях в разное время вводили в бой 305 машин.

Следующей операцией, в которой приняли участие танки, было срезывание выступа у Сен-Мьеля, где французские танки действовали со 2-й французской и американской армиями. Во время двухдневного боя 12 и 13 числа было введено в бой около 140 танков.

14-го сентября 10-я французская армия возобновила свое наступление к востоку от Суассона, где 85 танков Рено действовали 14-го и 16-го числа. Десять дней спустя была начата длительная атака 5-й и 2-й французских армий, совместно с американской и продолжалась до 9 го октября.

4-я армия атаковала в Шампани на фронте в 15 километров; во время этой атаки танки Рено имели 630 боевых дел, а танки Шнейдера 24. Тем временем 2-я французская и американская армии атаковали между Аргоннами и Маасом на фронте в 12 километров и, в связи с их продвижением, танки Рено имели 350 боевых дел, Шнейдера—34 и Сен-Шамон—27.

По срочному требованию командующего 6-й французской армией, под начальством которого находилась большая Фландрская армия (после окончания ее работы в июле у Суассона), батальоны Рено, исключая одной роты и нескольких тяжелых танковых частей, были отправлены по железной дороге

в Дюнкирхен, 3-я же рота этого батальона была отдельно послана в Салоники по срочному требованию генерала Франше д'Эспери. 30-го сентября, 3-го и 4-го октября, 55 танков были введены в бой к северо-западу от Рулера и с 14-го по 19-е число насчитано 178 танковых дел, в которых неприятель был отброшен километров на 15. Это продвижение было продолжено 31-го числа в направлении Тьельта; в этот и два последующих дня произошло 75 танковых боевых дел.

Начиная с конца сентября, операции обычно состояли в преследовании врага вдоль всей линии и в оттеснении его арьергардов. 30-го сентября произошло небольшое танковое дело между Эном и Велем, 16-го октября другое на восточном берегу Мааса и между 17 и 19 октября—еще одно, к северо-востоку от Сен-Кентена, во взаимодействии с британской атакой, распространявшейся далее к северу. В этой последней атаке французская армия продвинулась на 10 километров, на фронте в 3 километра. Последние бои танков произошли между 25-м и 31-м октября: первый к югу от Уазы в направлении на Гиз, когда на фронте в 5 километров было сделано продвижение не менее 15 километров; второй—к северо-востоку от Ретеля и третий—к северу от Круизантем во Фландрии.

В заключение, интересно подвести итоги имеющимся статистическим данным и сравнить их с итогами британского корпуса танков, приведенными в конце XXXVII-й главы.

В августе численность французского корпуса танков достигала 14,649 человек, т. е. приблизительно была равна составу пехотной дивизии. В течение 1918 года насчитано 3.968 отдельных танковых боевых дел: 3.140—танков Рено, 473—Шнейдера и 375—Сен-Шамон. Танки вводились в бой в течение 45 дней из 120, протекших между 15-м июля и 11 ноября. В личном составе за этот период корпус танков потерял приблизительно 300 офицеров и 2.300 прочих чинов.

Можно сказать, что, подобно тому как не может быть сомнения в том, что 18-е июля было вторым крупным поворотным пунктом в войне на Западном фронте, принимая за первый сражение на Марне в 1914 году, так не может быть сомнения и в том, что французы никогда не выиграли бы сражения у Суассона, если бы они не располагали мощными средствами танков, которыми им удалось достичь первоначального успеха. Германский генеральный штаб, который должен быть лучшим судьей в этом вопросе, откровенно признает, что победа обязана „массам танков". Также и главнокомандующий французскими армиями не замалчивал этого факта, так как 30-го июля в особом приказе он обратился к французскому корпусу танков со словами: „Vous avez bien merité la patrie", а генерал Этьенн, которому французская армия была многим обязана, получил, за оказанные отечеству услуги, орден почетного легиона и был произведен в чин дивизионного генерала.

ГЛАВА XXVI.

Подготовка к большому наступлению.

Как скоро положение, создавшееся в результате большой германской атаки 21-го марта, начало упрочиваться, штабом корпуса танков были предприняты шаги для реорганизации пополнения и снабжения батальонов. Работа была чрезвычайно трудной, так как противник снова повел наступление в районе реки Лиса и для остановки его продвижения потребовалось обращение 4-й танковой бригады в пулеметную часть и отправка ее на север. Помимо этого, в середине апреля были получены распоряжения, указывавшие, что в виду трудности получения для пехоты потребного пополнения, число танковых бригад должно быть сведено с 6 на 4; это означало расформирование 5-й бригады во Франции и 15-го, 16-го, 17-го и 18-го танковых батальонов в Англии. С другой стороны, встретились с затруднениями в вопросе перевооружения: при отступлении много машин было потеряно, в виду же недохвата транспорта, отправка во Францию новых танков марки V была признана невозможной, хотя производство их в Англии шло полным ходом. Все эти затруднения были, в конце концов, превзойдены и в результате, в течение июня и июля, 4 бригады корпуса танков были перевооружены. Но прежде чем заниматься этим вопросом, необходимо возвратиться назад к операциям в период между 4-м апреля, днем окончания второго сражения на Сомме и 8-м августа, когда началось наше большое наступление.

9-го апреля немцы повели против британского фронта вторую большую атаку между Фестюбером и Флербе. Успех ее, как кажется, превзошел их ожидания; 11-го числа неприятельский фронт шел приблизительно следующим образом: восточнее линии Плегстеерт—Армантьер—Стеенверк—Эстер—Лестрен—Вией Капель, через Фестюбер на Живанши с вершиной выступа возле Ньеппа. Эта атака была задумана, по всей вероятности, как демонстрация против слабого пункта нашей линии, с угрозой угольному району Брюэ и должна было побудить маршала Фоша ослабить свои резервы в Шампани и на Сомме. Достигнув первоначального успеха, герман-

ское командование, кажется, пыталось развить демонстрацию в решительную атаку, результатом чего было то, что оно вовлекло в сражение, не меньше чем союзники, свои собственные резервы, которых было не так много.

Для удовлетворения потребностей создавшейся обстановки, 11-го апреля были отправлены отряды 7-го и 11-го батальонов 1-й танковой бригады для обороны фронта к западу от Мервиля. Два дня спустя 4-я танковая бригада состоявшая теперь из 4-го, 5-го и 13-го батальонов, была обращена в пулеметную бригаду. 13-го числа 5-й батальон двинулся в Бертену, 16-го числа 13-й батальон к Бешеппу и 17-го числа 4-й батальон к тому же самому пункту. 17-го апреля распределение частей корпуса танков было следующим:

1-я танковая бригада. Штаб в Буа д'Олен.	11-й батальон—	Северо-восточнее Бюна.
	7-й „	Молингем.
	12-й „	Симанкур.
2-я танковая бригада. Штаб в Солти.	6-й батальон—	Байлеваль.
	10-й „	Ла-Коши.
3-я танковая бригада. Штаб в Мсллиен-о-буа.	3-й батальон—	Тутанкур.
	9-й „	Мерлимон.
	1-й „	Фрешанкур.
4-я танковая бригада. Штаб в Годверсвельде.	4-й батальон—	Бешепп.
	5-й „	Бертен.
	13-й „	Бешепп.
5-я танковая бригада. Штаб в Монши-Кайо.	2-й батальон—	Бланжи.
	8-й „	Юмиер.

Бои, кои велись пулеметными частями, были настолько жестокого характера, что понесенные ими потери причинили величайшее беспокойство в штабе корпуса танков, тем более, что пополнения в Англии были очень ограничены; кроме того, все еще надеялись спасти находящиеся в Англии батальоны для корпуса танков, почему прибегать к выхватыванию из них пополнений было особенно нежелательно.

Рано утром 24-го апреля, неприятель повел атаку к югу от реки Соммы на фронте от Виллер—Бретонне до леса Ангар. Эта атака особенно интересна, так как это был первый случай, в котором немцы употребили против нас танки их собственного изготовления [1]). Посредством этих танков неприятель проник через наш фронт, захватил большую часть обширной деревни Виллер-Бретонне и продвинулся до леса Аббе. До начала этой атаки, вследствие сильного обстреливания химическими снарядами, спрятанный в лесу Аббе взвод танков 1-го батальона передвинулся от него к востоку.

[1]) Германские, опубликованные в апреле, донесения утверждают, что танки употреблялись ими 21-го марта против британской армии. Так как ничего определенного об их действиях неизвестно, то надо полагать, что им не удалось войти в бой.

В 8 часов 30 минут утра этот взвод, по приказанию из 23-й пехотной бригады, двинулся вперед для обороны скрещивания окопов у Каши, которому угрожала неприятельская атака; ровно час спустя две наши машины, обе женского типа, вышли в поле зрения неприятельского танка и были выведены из строя его орудийным огнем,—необходимо помнить, что танки женского типа вооружены только пулеметами. Вскоре вслед за этим показался на горизонте британский танк IV-й марки мужского типа и поспешил к месту боя, где таким образом произошла первая, отмеченная историей, дуэль двух танков. Прибывший танк мужского типа скоро прямым попаданием в своего противника повредил его, после чего команда покинула танк и бежала. Тем временем показались еще 3 неприятельских танка, с ними IV-я марка вступила в бой и в то время, как она выходила из поля боя, машина получила прямое попадание снаряда полевого орудия и была выведена из строя.

Юго-западнее Виллер—Бретонне в $10^1/_2$ часов утра были высланы 7 машин Уиппет для выяснения положения к востоку от деревни Каши. Обходя северо-восточную сторону этой деревни, они внезапно натолкнулись на собиравшихся в ложбине германцев, силой в 2 батальона и готовившихся к производству атаки. Без колебания 7 Уиппетов построились в линию и пошли вниз по скату в атаку, прямо на сомкнутые строи пехоты. Неописуемое смятение последовало за прорывом Уиппетов сквозь эти строи,—неприятель рассеивался во всех направлениях, некоторые, моля о пощаде, бросались перед машинами на колени, но лишь только для того, чтобы через них проехали эти машины и они были бы ими раздавлены. В несколько минут не менее 400 германцев было убито и ранено. Уиппеты, выполнив возложенную на них задачу „выяснения обстановки", возвращались с об'езда, когда одна из машин была выведена из строя артиллерийским огнем. Потери в командах за это время 5 человек.

Две чрезвычайно интересные подробности этого маленького дела: первая—беспомощность 1200 человек пехоты перед 7 машинами, обслуживаемыми 7 офицерами и 14 нижними чинами, вторая,—что танки оставили свой исходный пункт, удаленный от места боя на $3^1/_2$ мили, в $10^1/_2$ часов утра, сделали 10 миль пути, имели бой и возвратились обратно в $2^1/_2$ часа пополудни.

25 апреля произошли небольшие танковые бои в районе Виллер-Бретонне, главным образом восточнее леса д'Акен и Монюман, а на следующий день, первый раз в истории войны, британские танки действовали совместно с французской армией, а именно: 4 танкам 1 батальона было приказано помочь мароканской дивизии в атаке леса Ангар. Эта атака не была успешной по совершенно исключительной причине: два де-

рева, которые должны были служить танкам ориентировочными пунктами, были срублены ночью и дымовая завеса была по ошибке пущена к востоку, а не к западу от германской линии. Вследствие этого танки не только сбились с направления, но и подверглись сильному пулеметному огню при приближении к германской позиции, а это последнее обстоятельство исключило возможность содействия французской пехоте.

Май был главным образом потрачен на приведение в порядок батальонов и на отдых команд. Запрет на вывоз из Англии был снят и марка V прибывала во Францию по 60 машин в неделю. Эта машина, очень похожая по наружному виду на марку IV и марку I, была, однако, значительно более совершенным оружием, нежели предшествующие типы, благодаря ее большей подвижности и управляемости. Немедленно был выработан новый способ действий танков, сообразно с их увеличивавшейся мощностью и приступлено к практическому обучению обращения с новыми машинами.

Приблизительно около этого времени значительное количество французских войск было расквартировано в районе расположения корпуса танков и приятно отметить обнаруженный ими живейший интерес ко всему, что касалось танков и их способа действий. Генерал Метр, командующий 10 французской армией, расположившийся со своим штабом в Бовале, особенно настаивал на демонстрировании танков перед его частями. Его просьба была исполнена и в течение мая и июня, два или три раза в неделю, производились эти демонстрирования. Кроме французских войск, на этих показательных маневрах присутствовали части I, XI, XIII, XVII и XVIII английских корпусов, а также части канадского и австралийского корпусов, несомненно извлекавших из этого большую пользу.

С начала июня началась подготовка всех частей танкового корпуса, которая должна была закончиться к 1 августа. Это вызвало усиленную работу по обучению, перевооружению и снабжению. Были заготовлены салазки для буксировки грузов, мосты для переправы легких танков через широкие окопы, приспособления для прохода больших танков, состоявшие из шестисторонних плетеных корзин, служивших для той же цели, что и фашины в сражении у Камбре, аппараты для срывания проволочных заграждений, переносные железнодорожные аппараты, а также заказаны были дымовые аппараты. Это было особенно оживленное время в лагерях для обучения и в мастерских, и последовавшие события показали, что не напрасно принялись так рано за работу, ибо, как будет видно в одной из последующих глав, корпусу танков, призванному вновь для выполнения большой операции, был предоставлен всего восьмидневный срок для приведения его частей в боевую готовность.

ГЛАВА XXVII.

Сражение у Хамеля и Морейля.

См. планы №№ 7 и 8.

В течение июня и июля части танкового корпуса участвовали в трех сражениях: первым был ночной набег 22—23 июня, вторым—сражение у Хамеля и третьим—сражение у Морейля или Совиллера. Ночной набег интересен в том отношении, что это был первый в истории корпуса танков во Франции случай, когда танки были назначены для ночной работы. Набег был выполнен 5 взводами пехоты и 5 танками женского типа, против неприятельских оборонительных позиций у Бюкоя. Его назначением был захват или уничтожение гарнизонов ряда постов и произведен он был в 11 час. 25 мин. ночи. При переходе нейтральной зоны у моста, известного под названием „кукольного дома", отряд подвергся сильному заградительному огню из окопных мортир и пулеметов; пехота остановилась и, хотя ее и поддержали, она не могла продвинуться дальше. Танки после этого продвинулись одни и выполнили атаку сообразно с полученными приказаниями. Необходимо отметить, что ни один танк не был поврежден, несмотря на чрезвычайно сильный заградительный огонь траншейных мортир. Танки встретили несколько неприятельских команд и несомненно нанесли им потери. Один танк был атакован командой неприятеля, но она была расстреляна револьверным огнем; позже этот танк спас раненого взводного командира, который был захвачен германцами.

Этот набег интересен в том отношении, что он показывает возможность маневрирования танков ночью в неприятельских линиях, а также свидетельствует о неуязвимости танков в темноте.

В сражении у Хамеля, 4 июля, впервые вошли в бой машины V марки. На эти машины много возлагали надежд и они больше чем оправдали ожидания. Цель атаки была двоякая: во-первых, отрезать выступ между рекой Соммой и дорогой Виллер—Бретонне—Варфюзе и, во-вторых, вернуть австралийскому корпусу доверие к танкам, которое было подорвано неудачей у Бюллекура в 1917 году.

Как скоро атака была решена, то в Во-ан-Амьеннуа, штабе 5-й танковой бригады, приступили к обучению австралийцев совместным с танками действиям. Для этой цели танки были прикомандированы к австралийцам и между ними установились товарищеские отношения.

По общему плану сражения, 5 танковая бригада должна была поддержать 4 австралийскую дивизию в атаке против Хамельской возвышенности, отходящей от главного плато Виллер—Бретонне к Сомме. Ширина фронта атаки, равная вначале 5.500 ярдам, расширялась у последнего об'екта действий до 7.500 ярдов, при глубине в 2.500 ярдов. Главными тактическими пунктами позиции были рощи Вер и Хамель, грушевидная траншея и деревня Хамель. На позиции не было правильной системы окопов, исключая старой британской траншеи прямо к востоку от Хамеля, предназначавшейся в свое время для наблюдения в восточном направлении, а вся остальная местность простреливалась из 3 пулеметных гнезд.

Для атаки было назначено 5 рот с 60 танками; последние были разделены на две волны: перволинейная в 48 и резервная—в 12 машин. Их распределение было следующим:

6 австрал. пех. бригада	2 взвода (6 танков)
4 „ „ „	1 рота (12 „)
11 „ „ „	6 взвод. (18 „)
Связь между 4-й и 11 бригадами	1 рота (12 „)
Резерв	1 „ (12 „)

Помощь артиллерии должна была выразиться в передвижном заградительном огне и дымовых завесах. За первым должна была продвигаться пехота, имея за собой танки, которые должны были опережать ее лишь при встрече сопротивления. Этот способ действий не хорош и может быть рассматриваем, как наследие Бюллекурской неудачи. Дымовые завесы должны были быть спущенными на возвышенности к западу от Варфюзе—Абанкура к северу от Соммы и южнее Морланкур. По достижении атакой последнего об'екта, артиллерия должна была поддерживать постоянный заградительный огонь для укрепления на новой позиции. Так как вся операция была очень ограниченного размера, то в образовании обширной системы снабжающих складов не было надобности, а ограничились тем, что поручили каждому боевому танку везти вперед боевые запасы и воду для пехоты, а четырем танкам снабжения—инженерный материал и другое необходимое имущество. Каждый из них доставил груз весом около 12.500 фунтов к пунктам, лежавшим в 500 ярдах от конечного об'екта действий, спустя полчаса после их захвата. Полный груз, доставленный 4 июля, считая 40 фунтов на человека, потребовал бы команды в 1250 чело-

век, тогда как команды, обслуживавшие танки снабжения, имели всего 24 человека.

Танки, без помехи со стороны врага, собрались в ночь с 2 на 3 июля в деревнях Хамель и Фуйуа. На следующую ночь они продвинулись вперед на линию, отстоявшую приблизительно на 1000 ярдов к западу от исходной линии пехоты; их продвижение маскировали аэропланы, летавшие над неприятельскими линиями и заглушавшие шум танковых машин. Нуль часов был назначен в 3 часа 10 минут ночи, танки же должны были двинуться в 3 часа 2 минуты под прикрытием артиллерийского огня; этот огонь открывался в эти же часы в предшествовавшие дни, чтобы неприятель привык к нему, он длился 7 минут, а затем, после минутной паузы, открылся заградительный огонь по неприятельской передовой линии и длился 4 минуты. Это дало танкам 20 минут времени для продвижения на 1200 ярдов и достижение линии пехоты в 0 час. 4 минуты, когда заградительный огонь должен был быть прекращен. Все танки были на исходной линии во-время, что показывает на большую надежность машин V марки по сравнению со всеми предшествовавшими типами. Когда заградительный огонь был прекращен, пехота и танки двинулись вперед. Положение танков относительно пехоты было различно, но, вообще говоря, танки были впереди пехоты и непосредственно за разрывающимися снарядами. Неприятельские пулеметчики сражались упорно и в нескольких случаях или задержали бы пехоту, или нанесли бы ей большие потери, если бы не было танков для их уничтожения. Способность маневрирования танка V марки была ясно демонстрирована во всех случаях, где пехота задерживалась пулеметами; там машины переезжали через пулеметчиков, прежде чем они могли скрыться. Было много случаев переезда танков через пулеметы и раздавливания обслуживавших их команд. Эти переезды через пулеметные гнезда составляли отличительную черту этой атаки и исключали всякую возможность для неприятеля „возвращаться к жизни".

Танки, назначенные на правый фланг, выдержали жестокий бой и нанесли врагу большие потери, оказав в то же время большую услугу своим войскам. Танки, назначенные для поддержки пехотных батальонов, обходивших рощи Вер и Хамель и деревню Хамель, охраняли их фланги, когда эти маневры были в ходу.

Эта танковая атака была большой неожиданностью для немцев и все цели удалось взять в назначенное время. Неприятель понес большие потери, и, кроме убитых, было взято 1.500 пленных. 4-я австралийская дивизия потеряла убитыми и ранеными 672 человека, а 5-я бригада имела только 16 человек ранеными и 5 машин подбитыми. Все эти машины были спасены в ночь с 6-го на 7-е июля.

Взаимодействие между пехотой и танками было, насколько возможно, близким к совершенству; все чины команд танков, принимавшие участие в бою, свидетельствовали о великолепном духе австралийских войск; они не считали, что присутствие танков освобождает их от необходимости сражаться, а наоборот, использовали полностью созданную танками благоприятную обстановку. С этого дня установились самые прочные товарищеские отношения между танками и австралийским корпусом. Бюллекур был забыт и с психологической точки зрения этим сражением, предшествовавшим большой августовской атаке, достигли важной цели.

Вторым сражением, в котором принял участие в июле корпус танков, было сражение у Морейля или Совиллера; оно особенно интересно, так как это был единственный за всю войну случай, когда наши танки действовали с французской армией. Другой интересной особенностью этого сражения является та быстрота, с которой атака была подготовлена.

В 2 часа 30 минут дня 17-го июля командир 5-й танковой бригады был уведомлен, что он должен немедленно приготовиться для выполнения совместной атаки с IX-м корпусом 1-й французской армии и что для этой цели под его начальство назначается 9-й батальон 3-й танковой бригады, сам же он с этим батальоном поступает в распоряжение 3-й французской пехотной дивизии. Цель операции была троякая:

1) Захватить лес С. Рибер и обойти Майи-Реневаль с юга.

2) Захватить германские батареи в окрестности С.-Рибера или понудить их уйти оттуда.

3) Продвинуть французские легкие батареи в восточном направлении для открытия ими огня по хребту, командующему правым берегом реки Авр.

Атакующими французскими дивизиями были: 152-я на правом фланге, 3-я в центре и 15-я на левом фланге. Их соответственные участки атаки назначались в 950, 2000 и 800 метров. Наибольшая глубина атаки должна была быть в 3.000 метров.

Операция должна была быть выполненной внезапно, после короткой, но сильной артиллерийской подготовки; главные об'екты действий должны быть взяты окружением с последующей их „очисткой".

Об'ектов действий было три: в первый входили лес Арраши, Совиллер, деревня Монживаль, ферма Адельпар и Увраж-детруа-Букете; для него было назначено 12 танков и 4 батальона пехоты. Второй целью было очищение плато к северу от леса Совиллер и захват юго-западного леса Арпон,—сюда назначались 24 танка с 4 свежими пехотными батальонами. Третьим об'ектом действий была, известная под названием синей линии, передовая линия, прикрывавшая второй об'ект действий;

ее должны были занять 8 сильных пехотных патрулей и все свободные танки.

Атаке должна была предшествовать часовая сильная бомбардировка, включавшая также и огонь по батареям противника. Ползучий заградительный огонь должен был состоять из бризантных и дымовых снарядов и передвигаться со скоростью 200 метров в 6 минут до первой цели, после чего скорость уменьшалась до 200 метров в 8 минут.

Танки должны были атаковать взводами из трех машин, причем два составляли фронт атаки, а третий поддерживал их в непосредственной близости; пехота должна была продвигаться малыми группами непосредственно за танками. Как только были даны приказания, сейчас же начались приготовления. 18-го июля командир 9-го батальона подполковник Вуд и назначенные на рекогносцировку офицеры посетили начальника 3-ей французской дивизии генерала Бургона [1]), который изложил им план атаки. На следующий день эти офицеры произвели рекогносцировку местности, на которой батальон должен был действовать и в Во-ан-Амьеннуа, на полигоне школы 5-й танковой бригады, было произведено тактическое учение с участием французских войск. 20-го и 21-го июля продолжали совместное учение, равно как и дальнейшее исследование местности, а 22-го июля были окончательно установлены подробности атаки. Несмотря на непрерывную работу нескольких последних дней, все чины горели желанием показать 3-ей французской дивизии, что способен сделать британский корпус танков.

Тем временем были выбраны места для штабов, установлена связь, образованы склады и разработаны и намечены пункты сбора частей во время атаки.

Передвижение 9-го батальона особенно интересно, ввиду быстроты его выполнения. 17-го числа он был в районе Бюлез-Артуа, 18-го числа он без дорог прошел 16.000 ярдов и, не зная назначения, погрузился на поезд в Розеле и высадился в Конти. В ночь с 19-го на 20-е июля он прошел 4000 ярдов из Конти в Буа-де-Кемето; в ночь с 20-го на 21-е июля сделал 9.000 ярдов к лесу Рампон; с 21-го по 22-е—7.000 ярдов к лесам де-Юр и дю-Фай и с 22-го на 23-е—4.500 ярдов от этих последних лесов к месту боя, имея 35 машин из 42, первоначально подготовленных к бою.

Местность, на которой должен был произойти бой, была волнистая и, исключая больших лесов, на ней не было препятствий для маневрирования танков. Перед боем стояла хорошая погода, но в день атаки пошел сильный дождь, затруднивший наблюдение, и задул южный ветер умеренной

---

[1]) Генерал Бургон был большим другом корпуса танков. Он подарил в его штабное офицерское собрание прекрасный трофей.

силы. Предварительная бомбардировка началась в 4 часа 30 минут утра, а час спустя, танки, продвинувшиеся благополучно к своим исходным пунктам, начали атаку. Они шли впереди пехоты, лес Арраши был очищен от неприятеля и атакована деревня Совиллер, которую танки заняли за четверть часа до подхода пехоты. На ферме Адельпар и в Летруа-Букете сопротивление неприятеля, поскольку дело касалось танков, было легким и немецкие пулеметные посты скоро были раздавлены. Из деревни Совиллер, через 2 часа после начала боя, танки продвинулись к лесу Совиллер, в который они, вследствие его густоты, войти не могли, а обходили по опушке, давая вглубь леса залпы. В это время другие танки двигались в направлении леса С.-Рибер, но так как пехотные патрули не показывались, то они повернули обратно, чтобы возобновить связь с французской пехотой. Около 9 часов 30 минут утра при крейсировании 6 из этих танков были один за другим выведены из строя прямыми попаданиями с батареи, расположенной к югу от леса С.-Рибер. В 9 часов 15 минут командиром роты В 9-го танкового батальона и командиром одного из батальонов 51-го полка была импровизирована атака на лес Арпон. Эта атака была особенно успешна; французская пехота, следуя с большим порывом за танками, поставила свои посты в лесу. После этой атаки танки отошли на сборный пункт.

В этом сражении танки понесли тяжелые потери в людях: 11 офицеров и прочих чинов было убито и 43 ранено и 15 танков выведено из строя. Потери французских дивизий были: 3-ей—26 офицеров и 680 прочих чинов, 15-ой—15 офицеров и 500 прочих чинов; 152-ой — 20 офицеров и 650 прочих чинов. Следует заметить, что хотя 3-я дивизия, с которой сражались танки, атаковала более обширную систему окопов, ее потери почти равняются потерям каждой из других дивизий.

Во время этого сражения захвачено: 1.858 пленных, 5 орудий, 45 окопных мортир и 275 пулеметов.

После атаки, когда танки возвратились на сборные пункты, командующий 1-й французской армией генерал Дебеней оказал большую честь 9-му батальону личным осмотром его 25-го июля и выразил крайнее удовлетворение доблестью, с которой сражался 9-й батальон. В знак тесных товарищеских уз, установившихся отныне между войсками 3-ей французской дивизии и 9-м танковым батальоном, последнему были пожалованы отличительные знаки этой дивизии, которые люди этого батальона с этого времени носят на левом рукаве.

ГЛАВА XXVIII.

Действия германских танков.

Несмотря на то, что в течение всей войны немцы не имели в своем распоряжении более 15 танков собственной постройки и около 25 захваченных и исправленных британских, на их применении стоит остановиться.

Как уже было упомянуто, немцы мало чему выучились из знакомства с танками I-й марки, которые они захватили и удерживали в течение нескольких дней во время сражения на Сомме. Как кажется, они действительно смотрели на танки во время этих операций с презрением. Эта машина была действительно посредственна, и немец, который по существу достаточно глупый человек, не мог, повидимому, отличить недостатки механических деталей от выгод основных принципов, каковы подвижность, безопасность и наступательная сила, которые воплощались в танке.

Сражение у Бюллекура, повидимому, открыло немцам глаза на возможность танковой атаки, т. е. атаки, в которой танками пользуются для уничтожения сопротивления продвижению пехоты. Если два танка могли выполнить то, что было выполнено двумя машинами I-ой марки 11-го апреля 1917 года, то почему 200 машин не могли бы одержать большой победы, а 2.000 машин выиграть войну? Как бы то ни было, приблизительно в это время—весной 1917 года—немцы впервые приступили к постройке танков на заводе Дэймлера близ Берлина и в результате получили 15 машин под названием „A. 7. V“, из коих некоторые были отправлены на фронт в марте 1918 года.

Главными особенностями этого танка были: скорость на ровной местности до 8 миль в час и неспособность, в силу их формы, переходить почти через все окопы и передвигаться по изрытой снарядами местности. Они весили около 40 тонн, имели, особенно с фронта, очень толстую броню, сопротивлявшуюся бронебойным пулям на близких дистанциях и небронебойным снарядам легких орудий на дальних дистанциях. Они были, однако, очень чувствительны к разрывам обыкновенных пуль, в виду уступов и стыков брони.

Наиболее интересной особенностью этой, в общем, посредственной машины было снабжение их ведущих полотен рессорными тележками. Применение рессорных ведущих полотен в такой тяжелой машине было единственным, сделанным немцами шагом вперед в деле постройки танков.

Германский танк имел 34 фута длины и 10 фут. 6 дюймов ширины; он был вооружен одной 57 мм. пушкой и 6 пулеметами; его команду составляли один офицер, 11 унтер-офицеров и 4 рядовых, т.-е. вдвое более команды британского танка IV-й марки. Эта команда разделялась на шоферов

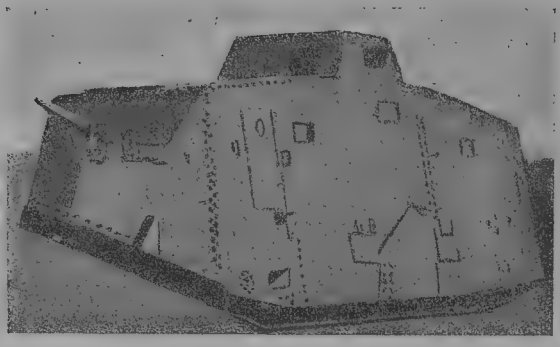


Рис. 12. Танк марки А. 7. V (германский).

(механиков), прислугу у орудия (артиллеристов) и пулеметчиков (пехотинцев). Эти люди работали каждый по своей специальности и между их работой было мало взаимной связи.

Как танки германского производства, так и захваченные британские танки, группировались во взводы по 5 машин каждый со следующим штатом команд:

	Германские танки.	Захваченные танки.
Командир взвода (капитан)	1	1
Младших офицеров (поручиков или подпоручиков)	5	5
Шоферов	81	81
Пулеметчиков	48	20
Артиллеристов	22	14
Чинов связи	12	12
Фельдшер	1	1
Вестовых и пр.	6	6
Итого	176	140

Этот штат был очень широким, особенно при сравнении его со штатом взвода машин IV-й марки, имеющим всего 6 офицеров и 35 человек прочих чинов.

Кроме машин марки „A. 7. V.“, немцы пользовались во время различных наступлений 1918 г. некоторым числом гусеничных тракторов для подвоза снабжения, известных под названием „Munitions Schlepper“ или „Tankautos“. Они могли двигаться как по дорогам, так и без дорог.

Дух войск германского корпуса танков был, вообще говоря, не высок, особенно команд, обслуживавших захваченные британские танки IV-ой марки, так как немцы затратили значительные усилия, чтобы доказать своим войскам показом уязвимость и малоценность этого типа танков. Обучение корпуса танков, кажется, было посредственным; некоторая часть штурмовых дивизий обучалась с телегами, изображавшими танки, и только небольшая часть пехоты обучалась совместному действию с настоящими танками.

Способ действий германских танков заключался в простой очистке от неприятеля сильных пунктов. В некоторых случаях они действительно появлялись перед фронтом атакующей пехоты, но ни в коем случае не вели атаку. Следующая выдержка из инструкции германской главной квартиры, озаглавленной „Взаимодействие пехоты с танками“, указывает, что никакого взаимодействия по существу и не предполагалось. Она гласит:

„Пехота и танки продвигаются независимо друг от друга. Никаких специальных инструкций, рассматривающих взаимодействие с танками, издаваться не будет. При продвижении с танками пехота не должна подходить к ним ближе 200 шагов, так как по танкам будет открыт артиллерийский огонь“.

Всего зарегистрировано девять случаев, в которых немцы пользовались танками и первым из них было наступление, начатое 21-го марта 1918 года. Во время этой атаки были введены в бой 10 германских и 9 захваченных британских машин и, хотя они и сделали немногое, о них много писалось в германской печати.

Спустя несколько больше месяца, 24-го апреля, была выполнена единственная за время войны успешная танковая атака. В этом случае, упоминавшемся уже в главе XXVI, на фронте атаки было 14 танков и из них 12 вошли в бой и захватили Виллер-Бретонне,—пункт большой тактической важности; последовавшая контр-атака австралийского корпуса с несколькими британскими танками восстановила, однако, положение.

Месяц спустя, немцами было использовано несколько танков против французов в день открытия большого Энского наступления, 27-го мая. Ни одной из этих машин, однако, не удалось перейти через широкий окоп второй оборонительной системы, носившей название Дарданельского окопа.

1-го июня 15 танков оперировали с небольшим успехом на Реймском участке и 8 из них были покинуты во фран-

цузских линиях. Столь же неуспешные операции были выполнены 9-го июня и 15-го июля.

31-го августа три германских танка приблизились к нашим линиям и два из них были подбиты нашим артиллерийским огнем и, в конце концов, захвачены нами.

8-го октября около 15 захваченных британских машин были использованы против нас в районе Камбре. Германский отчет утверждает, что в этом случае танки были применены с оборонительной целью для заполнения бреши в их линии. Так ли это было, или нет, но несомненно то, что они произвели деморализующее влияние на наши войска и что удалось восстановить порядок лишь после того, как два из них были выведены из строя. Три дня спустя, 11-го числа, несколько танков были применены в Сент-Обере; это был последний случай применения немцами танков в великую войну. Как ни был посредственен способ действий германских танков по сравнению с нашим, однако, один факт остается несомненным, а именно, что британская пехота, так же как и германская, не выносила танков и не могла противостоять их атаке. Об'яснение этого чрезвычайно простое: она была бессильна сделать это. Настолько ясно было выражено это чувство беспомощности, что, когда во время нашего отступления в марте 1918 года, пронесся слух, что приближаются германские танки, то люди на нескольких участках фронта нарушили свой долг и бежали. Во время германского наступления, несколько месяцев спустя после этого, мы присутствуем при таком же упадке духа под влиянием самовнушенного страха, основанного на сознании своего бессилия противустоять опасности. Этот производимый танками моральный эффект был понят немцами, так как в одном из приказов XVII-ой германской армии мы находим:

„Наши собственные танки укрепляют дух пехоты в громадной степени, даже если они применяются лишь в малом числе, и опыт показал, что они оказывают значительное деморализующее влияние на неприятельскую пехоту".

ГЛАВА XXIX.

Сражение у Амьена.

См. план № 9.

Возобновленное германское наступление на фронте Шато-Тьерри—Реймс началось 11-го июля и вскоре оказалось несостоятельным.

Очутившись в столь незавидном для каждой армии положении в стратегическом и тактическом отношении, силы кронпринца получили 18-го июля ошеломляющий удар, когда маршал Фош бросил свою большую танковую контр-атаку против западного фланга Суассонского выступа.

Во время этой атаки бригады корпуса танков были распределены вдоль фронта 1-й, 3-й и 4-й армий, с тем, чтобы встретить контр-атаками возобновление наступления против этих армий.

Со дня жестокого coup-de-main, выполненного 4-го июля, 4-й австралийской дивизией, совместно с 5-й танковой бригадой в сражении у Хамеля, общий интерес к танкам сильно увеличился. Большая танковая атака в сражении у Камбре убедила в ценности танков всех, кто принимал в ней участие, но эта репутация была несколько дискредитирована недавним германским наступлением на фронте Соммы, почему военные старой школы воспользовались этим поводом для подкрепления своих утверждений, что день танка пришел и прошел и что разыграть второе сражение у Камбре было бы слишком рискованным предприятием, чтобы можно было его испробовать. Предложено было составить ряд проектов, предусматривавших производство операций в различных районах: в 4-й армии—против Амьенского выступа, в 3-й—между Бюкой и Бапомом, во 2-й—против Кемельской возвышенности и в 1-й—против Мервильского выступа. Только один из этих проектов давал виды на решительный успех и это был первый проект.

13-го июля главная квартира предложила командующему 4-й армией разработать план атаки на фронте его армии. Планом, составленным к 17-му июля, предполагалось ограничить операцию захватом внешней Амьенской оборонительной линии, от Кастель через Ке на Морикур. Предназначенные

для выполнения атаки силы состояли из 3-х корпусов и 8 батальонов танков. На совещании, состоявшемся 21-го числа в штабе 4-й армии в Фликсекуре, по предложению, исходившему от корпуса танков, число танковых батальонов было повышено с 8 до 12, что составляло весь корпус танков, исключая 1-й танковой бригады, еще имевшей на вооружении машины IV-й марки и занятой обучением личного состава обращению с танками V-й марки.

27-го июля день атаки был назначен на 10-е августа, но 6-го августа его перенесли на 8-е. Все это время, для сохранения в секрете готовившейся атаки, не допускалось никакого о ней упоминания и единственная допущенная подготовка выразилась в посылке офицера корпусного штаба танков в район предполагаемых операций для изучения местности. 30-го июля на совещании, собранном в штабе 5-й танковой бригады в Во, командующий 4-й армией изложил план операции. С этого дня начались приготовления и наряды на железнодорожные перевозки были даны в тот же вечер.

Как было уже упомянуто, первоначальный план предусматривал ограниченную операцию, при чем выполнение атаки в центре возлагалось на австралийский и канадский корпуса. Правый фланг канадцев должен был прикрываться 1-й французской армией, атаковавшей к востоку и юго-востоку от реки Люс. Левый фланг австралийцев должны были обеспечивать две дивизии III го корпуса в направлении на Брей. 29-го июля размер операции был расширен следующими задачами:

освобождением железной дороги Париж—Амьен посредством занятия линии Анже—Харбонньер—Морикур и продвижением к линии Рой — Шольн, с оттеснением неприятеля в направлении на Гам и облегчением продвижения 1-й французской армии на линию Нойон—Мондидье.

Данные в распоряжение командующего 4-й армией силы составлялись из следующих корпусов:

1) Канадского корпуса—4 дивизии.

2) Австралийского корпуса—4 дивизии.

3) III-го корпуса—2 дивизии.

4) Общего резерва (3 дивизии), который должен пополниться в возможно скором времени еще несколькими дивизиями.

5) Кавалерийского корпуса—3 кавалерийских дивизии.

Танковые батальоны были приданы трем пехотным корпусам таким образом:

1) Канадский корпус—4-я танковая бригада: 1-й, 4-й, 5-й и 14-й батальоны.

2) Австралийский корпус—5-я танковая бригада: 2-й, 8-й, 13-й и 15-й батальоны.

3) III-й корпус—10-й батальон.

4) Общий резерв — 9-й батальон (все еще приводимый в порядок в Кавийоне).

5) Кавалерийский корпус—3-я танковая бригада: 3-й и 6-й батальоны.

3-й и 6-й батальоны имели на вооружении каждый по 48 Уиппет-танков; все остальные батальоны были тяжелыми частями, снабженными каждая по 42 машины V-й марки (36 боевых танков и 6 для обучения), исключая 1-го и 15-го батальонов, каждый из которых был вооружен 36 машинами V-й марки с одной звездой.

Как и в сражении у Камбре, атаку должны были начать танки и никакой артиллерийской пристрелки или бомбардировки до штурма не должно быть допущено. Всего должны были участвовать в бою 82 бригады полевой артиллерии, 26 бригад тяжелой артиллерии и 13 батарей тяжелых пушек и гаубиц. Сущность указаний, данных артиллерии, сводилась к следующему:

1) никакой артиллерийской бомбардировки,

2) первоначальная атака должна открыться заградительным огнем в нуль часов,

3) большинство тяжелых пушек и гаубиц должны сосредоточить огонь по неприятельским батареям,

4) бригады полевой артиллерии должны быть готовы к продвижению вперед и оказанию поддержки атакующей пехоте,

5) специальный огонь для заглушения шума от приближающихся танков.

Первой задачей кавалерийского корпуса было обеспечить старую Амьенскую оборонительную систему и держать ее до смены пехотными частями, второй—продвинуться вперед на линию Рой-Шольн. Для этой цели 3-я кавалерийская дивизия, с одним батальоном Уиппетов, была дана в распоряжение канадского корпуса и одна кавалерийская бригада, поддержанная ротой Уиппетов, в распоряжение австралийского корпуса.

30-го июля, т.-е. в день, когда были начаты приготовления, корпус танков располагался следующим образом:

1-я танковая бригада Штаб в Эстрювале . . .	7-й батальон	— Мерлимон.
	11-й „	— Мерлимон.
	12-й „	— Мерлимон.
2-я танковая бригада Штаб в Буа-д'Олен . .	10-й „	— Бувиньи.
	14-й „	— Мон Сент-Элуа.
	15-й „	— Симанкур.

3-я танковая бригада Штаб в Вавран	3-й батальон 6-й „	— Тутанкур. — Мерлимон.
4-я танковая бригада Штаб в Кутюрелль	1-й „ 4-й „ 5-й „	— Куллемон. — Ле-Коши. — Байельваль.
5-я танковая бригада Штаб в Во.	2-й „ 8-й „ 13-й „ 9-й „	— Лес Керрие. — Бляижи (восточн. Амьена). — Сен-Гратьен (вблизи). — Кавийон.

С целью облегчить взаимодействие и штабную работу, решено было временно расформировать 2-ю танковую бригаду и придать 10-й батальон к 3-му корпусу, а 14-й и 15-батальоны соответственно к 4-й и 5-й танковым бригадам.

Кроме упомянутых частей, для снабжения танков и пехоты было назначено 5 рот снабжения и для перевозки орудий.

Общие приготовления выразились вкратце в следующем: 1-й, 4-й, 5-й, 10-й, 14-й и 15-й батальоны были сосредоточены по железной дороге в районе 4-й армий и выгрузка их была произведена между 31-м июля и 5-м августа в Пуленвиле, Салё, Прузеле и Виньакуре, 3-й и 6-й Уиппет-батальоны продвинулись в Наур в ночь с 2-го на 3-е августа и отсюда в ночь с 6-го на 7-ое августа на бульвар Пон-Нойелль в Амьене, где и расположились укрыто под деревьями. Танки были готовы к бою с 31-го июля, когда приступили к образованию складов снабжения. 9-й батальон после сражения у Морейля был оттянут в Кавийон и придан канадскому корпусу для обучения: обучение же австралийского корпуса продолжалось, как и раньше, в Во. Принимая во внимание короткий срок для приготовления, скорость, с которой было организовано это большое сражение, делает честь всем чинам, принявшим в нем участие. Это был триумф хорошей штабной работы.

Интересны следующие подробности подготовки групп танков—3-й, 4-й и 5-й бригад и 10-го батальона.

4-я танковая бригада организовала свой передовой штаб в Дюри. Её батальоны, 1-й, 4-й, 5-й и 15-й, были соответственно приданы 4-й, 1-й, 3-й и 2-й канадским дивизиям.

3-я танковая рота снабжения была разделена между дивизиями канадского корпуса; были подготовлены три пере-

довые беспроволочные станции и одна тыловая приемная станция; были намечены сборные пункты и на 2-ю танковую полевую роту было возложено, с началом боя, очистить дорогу Бертокур-Тени от всех препятствий и подготовить переправы через реку Люс между Ангаром и Демюэном.

План атаки канадского корпуса был следующий: 1-я, 2-я и 3-я канадские дивизии должны были в первый день атаки достичь красной линии, исключая левого фланга 2-й дивизии, который должен был продвинуться дальше и занять синюю линию. Наступление 3-ей канадской дивизии было назначено через 4 часа после начала атаки, так как предполагалось, что в этот срок первые волны атаки пройдут через зеленую линию, 4-я канадская дивизия должна была наступать за 1-й и 3-й к синей линии и далее на линию Морейль-Демюэн-Марселькав. К этой дивизии был придан 1-й танковый батальон и ему было поручено доставить в каждом из своих танков, помимо своих команд, по две смены пулеметов Люиса и Виккерса, каковые назначались в помощь кавалерии на синей пунктирной линии. Кроме вышеназванных частей, отдельный отряд, состоявший главным образом из канадских моторных пулеметов, должен был действовать на дороге в Рой.

5-я танковая бригада установила свой передовой штаб в Оспис-Фуйуа, с постом для приема донесений в северо-западном углу леса Кат. Ее батальоны были распределены следующим образом: 2-й батальон и одна рота 13-го батальона приданы ко 2-й и 5-й австралийским дивизиям, 13-й батальон (без одной роты) к 3-ей австралийской дивизии; 8-й батальон—к 4-й; 15-й батальон был разделен пополам; 18 танков были приданы 4-й австралийской дивизии, а другие 18—5-ой.

Что касается организации снабжения, то австралийскому корпусу была придана 1-я рота для перевозки орудий с назначением выполнять транспортную работу. Также были подготовлены две передовые и одна тыловая приемная беспроволочные станции и были намечены сборные пункты.

По общему плану, танки должны были продвинуться до первой цели под прикрытием артиллерийского заградительного огня. По достижении второй цели все танки, исключая машин 15-го батальона, должны были отойти на сборные пункты, танки же 15-го батальона должны были продвинуться к синей пунктирной линии для доставки пулеметчиков.

10-й батальон. Все танки этого батальона, за исключением одного взвода, должны были действовать против первой цели и затем продолжать наступление ко второй, после чего они должны были отойти на сборный пункт к западу от первой цели.

3-я танковая бригада. 3-й танковый батальон был придан 3-ей кавалерийской дивизии, а 6-й—1-й кавалерийской дивизии. Назначением этих двух батальонов было обеспечение района между красной линией и старой Амьенской оборонительной системой. Наступление 3-ей и 1-ой кавалерийских дивизий должно было начаться через 4 часа после начала атаки. До достижения красной линии кавалерийские разведчики должны были предшествовать танкам для рекогносцировки переправ через р. Люс между Иньокуром и Демюэном. В случае нахождения переправ, Уиппеты должны были воспользоваться ими, в противном случае продвигаться в восточном направлении к Ке. Эти два батальона должны были действовать в строю, имеющем одну роту в передовой линии, как прикрытие кавалерии с фронта, на интервалах в 200 ярдов танк от танка, одну роту в поддержке и одну в резерве.

Местность между нашим фронтом и линией Рой-Фриз была во всех отношениях удобна для маневрирования танков. К востоку от линии Рой-Фриз начиналась французская часть старого поля сражения на Сомме, и здесь местность была местами сильно изрыта артиллерийскими снарядами, однако же, вполне проходима для тяжелых танков. Самыми слабыми пунктами были фланги атаки,—они, с одной стороны, не позволяли пользоваться наступающими крыльями, а с другой—давали хорошие позиции для неприятельских пулеметов.

Атака началась в 4 ч. 45 м. утра, когда 415 боевых танков, из назначенных 430 [1]), пошли в бой; это одно указывает уже на значительные усовершенствования механической стороны машин. Атака была ошеломляющей неожиданностью для врага, и хотя он сильно занимал позицию, но оказал лишь слабое сопротивление в нескольких пунктах. Германские пулеметчики узнали в сражениях у Хамеля и Морейля на что способна машина V-ой марки с ее увеличенной подвижностью и потому, не желая быть раздавленными 30 тоннами стали, они во время этого сражения доставляли меньше хлопот, чем в любом из предшествовавших боев. Несмотря на это, много неприятельских пулеметных постов было выгнано из хлебов и раздавлено. Взаимодействие с пехотой всюду было хорошим, особенно же на фронте канадских и австралийских войск, где атака развивалась неудержимо. На фронте 3-го корпуса атака началась несколько беспорядочно, вследствие тумана и неопределенного состояния исходной линии, так как немцы атаковали 3-й корпус 6-го числа,

[1]) Девять тяжелых батальонов с 324 машинами и два средних батальона с 96 танками. Кроме того, 42 танка были в механическом резерве, 96 танков снабжения и 22 машины для перевозки орудий. Всего, не считая машин 9-го танкового батальона, было 580 танков.

а последний в контр-атаках 7-го числа взял обратно большую часть потерянных окопов. Это, несомненно, усложнило его атаку 8-го августа.

К югу от Соммы все об'екты действий были взяты в назначенное время, на правом фланге трудная долина реки Люс была перейдена всеми танками, исключая двух, что делает большую честь командам танков, так как, вследствие тумана, подступы к реке представляли значительные трудности.

Оба батальона Уиппетов вошли в бой с кавалерийскими дивизиями, которым они были приданы, и им пришлось выдержать большой бой в окрестностях леса Кайе, Ле-Кенеля, восточнее Мезьера, в Гийокуре и на железной дороге к югу от Харбоньера, которая оборонялась неприятелем с большим упорством до дороги Розьер-Вовийер.

За этот день боя всего было временно выведено из боя 100 танков, главным образом, огнем с хребта Шипийи, который, в силу частичной неудачи III-го корпуса, оставался в руках неприятеля в течение нескольких дней после 8 августа. Вечером 8 августа танки отошли на сборные пункты, но их команды были так утомлены прохождением большого пути (максимальная достигнутая глубина проникновения равнялась $7^1/_2$ милям) и жарой, что пришлось прибегнуть к формированию сборных рот для операций следующего дня, ибо неиспользованных резервов оставалось немного, а 9-й танковый батальон, двинутый из Кавийона в восточном направлении, не был в состоянии войти в бой раньше, чем через 48 часов.

В ночь с 8 на 9 августа фронт наших атакующих войск шел с севера на юг приблизительно следующим образом: вдоль внешней Амьенской оборонительной линии к Пройару—восточнее Ренекура—восточнее Вовиллера,—восточнее Розьера, восточнее Меарикура—восточнее Рувроя—восточнее Бушуара. К югу от дороги Амьен—Рой линия продолжалась французскими войсками, которые захватили Анже, Арвийер и Пьерпон.

До шести часов утра 9 августа через британские и французские лагери прошло около 16.000 военнопленных и было насчитано до 200 захваченных орудий. Многие пленные свидетельствовали о быстроте продвижения танков, которые, показываясь внезапно из тумана, делали всякое сопротивление бесполезным. Интересно отметить, что те пленные, которым пришлось видеть танки и раньше, прежде всего, отмечали, что теперь они встретились с новым типом, который быстрее двигался и легче маневрировал, чем старые типы.

Изданный вечером 8 августа приказ предписывал возобновление атаки на следующее утро, с целью продвижения к линии Рой—Шольн—Брей-сюр-Комм—Дернанкур, при чем особенное внимание обращалось на левый фланг. Предписывалось занять сильную позицию к северу от Соммы, которая должна служить оборонительным флангом 4-й армии.

9 августа 10-й батальон ввел в бой к северу от Соммы 16 танков с 12-й и 58-й дивизиями. Атака, однако, сначала была задержана пулеметным огнем из лесов вокруг Шипийи, вступить же в бой с этими пулеметами с помощью танков было чрезвычайно трудно, вследствие пересеченной местности, крутизны скатов и густоты лесов. Позже, в течение дневного боя, цели были достигнуты ценой вывода из строя пяти танков.

К югу от Соммы 5-я и 4-я танковые бригады с 89 машинами атаковали на фронте Фрамервиль — Розьер — Бушуар. Вблизи Лихон 5 машин получили прямые попадания, в бою же у Фрамервиля была подбита только одна из 13 машин; незначительность потерь в танках в этом бою об'ясняется прекрасным взаимодействием с пехотой,—стрелки работали рука об руку с танками и немедленно снимали артиллеристов, как только машины входили в сферу неприятельских артиллерийских наблюдений.

Действия 3-й танковой бригады с кавалерийским корпусом были неудачны, потому что танки были слишком долго задержаны в бригадном штабе. У Бофор и Варвийер Уиппеты оказали большую помощь пехоте, изгоняя из хлебов неприятельских пулеметчиков и расстреливая их при бегстве.

В бою этого дня участвовало 145 танков, из которых 39 были подбиты неприятельским артиллерийским огнем.

В ночь с 9 на 10 августа атака достигла линии Бушуар — Варвийер — Розьер — Фрамервиль — Мерикур, на 10-е число 4-й армии было приказано продолжать продвижение с целью достичь общей линии Рой — Шольн — Брей-сюр-Сомм — Дернанкур. Для атаки на фронте южнее Мондидье должны были войти в бой свежие французские силы.

Утром 10 августа 10-й батальон действовал совместно с 12-й дивизией в двух малых атаках; в них приняло участие 7 танков, атаковавших неприятеля к северу от Морланкура и вдоль дороги Брей — Корби. Это было последним делом 10-го батальона на этом фронте.

К югу от Соммы 5-я танковая бригада выполнила небольшую ночную операцию против Пройара, а 4-я танковая бригада с 43 танками поддерживала 32-ю дивизию (свежая дивизия из общего резерва) и 4-ю канадскую дивизию в атаке на линию Рой—Аттанкур—Аллю; в виду позднего получения приказа, час ее начала был изменен и, в конце концов, она произошла при дневном свете и без дымовых завес. Здесь встретились с упорным сопротивлением и 23 танка из 43, участвовавших в бою, получили прямые попадания.

Уиппеты с кавалерией действовали так же скверно и в этот день. Им было приказано захватить Парвийер, но, в силу необходимости пройти через старые окопы и по изрытой местности, ни кавалерия, ни Уиппеты не достигли этого пункта. Теперь подошли уже к старому полю сражения на

Сомме и приближалось время, когда изрытая снарядами местность будет служить столь же большим препятствием для атаки, как и помощью для отступавшего врага. В бою 10-го числа приняло участие всего 67 танков и из них 30 получили прямые попадания.

11 августа на британском фронте не произошло заметного изменения. Лихон, однако, был захвачен 1-й австралийской дивизией с помощью 10 танков 2-го батальона, в других же местах большинство танковых операций состояло в очищении от врага укрепленных пунктов. Вечером этого дня, 4-я и 5-я бригады были выведены из боя для приведения их в порядок.

В течение нескольких следующих дней было решено, что в то время как давление должно поддерживаться к югу от Соммы, на север от этой реки должно начаться новое сражение на фронте 3-й армии и в нем должны принять участие 3 танковые бригады; этим вызывалась переброска 4-й танковой бригады в район III-го корпуса к северу от Соммы и изъятие 10-го, 14-го и 15-го батальонов из района 4-й армии; таким образом 4-я танковая бригада располагала 1-м, 4-м и 5-м батальонами, а 5-я танковая бригада—2-м, [illegible]-м и 13-м батальонами.

17-го августа общее положение было следующее: в боях 8-го, 9-го, 10-го и 11-го августа всего перебывало 688 танков; 480 танков пришли в полную негодность и были сданы в тыл, очень небольшое число из оставшихся машин было пригодно для длительного боя и все требовали полного осмотра, между тем только четыре дня могли быть даны на это, ибо, как мы увидим, начало следующего сражения назначено было на 21 августа.

Большое сражение у Амьена закончилось. Ужасный материальный, но что еще хуже—моральный удар был нанесен врагу; не только он потерял 22.000 пленных и 400 орудий, но также всякую надежду на выигрыш войны силой оружия. 16-го августа командующий 4-й армией генерал сэр Генрих Роулинсон издал следующий приказ, который объясняет причину этой большой победы:

„Успех операций 8-го августа и последующих дней многим обязан выдающейся роли, сыгранной 3-ей, 4-ой и 5-ой бригадами корпуса танков и я хочу отметить мою искреннюю оценку громадных услуг, оказанных, как маркой V-ой, так и маркой V со звездой и Уиппетом.

„Работа по сосредоточению в тайне такого большого числа танков потребовала тяжелого и непрерывного труда в течение четырех или пяти ночей перед боем от всех, кого она касалась.

Тактическое управление танками в бою требует от отрядов искусства и физической выносливости, но они справились с этой задачей благодаря проявлению чувства долга и доблести выше всяких похвал.

„Я хочу отметить мою оценку того блестящего успеха, которого они достигли и сердечно поздравить весь корпус танков с совершенством их организации и с выказанной всеми участниками этого боя храбростью.

„Много существенно важных уроков может быть почерпнуто из этого опыта. Я верю, что они охотно будут приняты к сведению всеми, кого они касаются, и полностью учтены к тому моменту, когда корпус танков вновь будет вызван на поле брани.

„Выпавшая на долю танков и Уиппетов роль в бою 8-го августа была исполнена ими во всех отношениях прекрасно".

Успех операции может быть приписан внезапности, моральному действию танков, высокому духу нашей пехоты, быстроте продвижения наших орудий и хорошим дорогам для подвоза снабжения.

Выводы, которые можно сделать из этого сражения следующие:

1) Если подготовительные мероприятия приводятся в исполнение, то почти невозможно изменять их для приспособления к новой цели.

2) Сохранение энергии атаки зависит от общего резерва. В этой атаке общий резерв танков был слаб, почему после 8-го августа атака начала выдыхаться.

3) Тяжелый танк есть оружие штурма. Его роль—в позиционной войне. Коль скоро начата маневренная война, пехота должна защищать танки от артиллерийского огня.

4) Продолжительность боевой службы современных танков может быть оценена в три дня, после чего они требуют полного осмотра.

5) Танк снабжения слишком тяжел и медлителен; требуется заменить его более легкой машиной, подобной бездорожному трактору.

6) В настоящее время нельзя полагаться на беспроволочную и аэропланную связь; самой надежной и самой простой формой связи является связь быстроходными посыльными.

7) Прикомандирование танков к кавалерии не достигает положительных результатов; в этом сражении каждый из этих родов войск во многих отношениях скорее мешал, чем помогал другому. При походном движении часто доносили, что Уиппеты не могут поспевать за быстрым маршем кавалерии, во время же самого боя часто было обратное. В полдень 8-го августа за неприятельским фронтом развивалось большое смятение и в это время Уиппетам следовало бы действовать в 5 или 10 милях впереди пехоты, усиливая деморализацию противника, в действительности же, будучи привязанными для поддержки кавалерии, они были далеко позади продвигающейся пехоты на том основании, что кавалерия не может скрываться как пехота, ложась на землю, и потому она должна отходить либо на фланг, либо в тыл и тем избежать уничтожения пулеметным огнем. А так как практически невозможно достигнуть тесного взаимодействия между танками и кавалерией, то от попыток установить его страдают оба.

Выдающийся урок сражения у Амьена, насколько он касается танков, свидетельствует, что ни марка V, ни Уиппет не располагают достаточной скоростью хода для маневренной войны. Если бы мы имели машину, которая двигалась бы со средней скоростью 10 миль в час и которая имела бы радиус действия в 100 или более миль, мы в этом сражении не только заняли бы мосты через Сомму между Перроном и Гамом в полдень 8-го августа, но, заходя на юго-восток в направлении Нойона, мы отрезали бы все германские силы к югу от дороги Амьен-Рой-Нойон и нанесли бы такой удар, что, по всей вероятности, война окончилась бы до конца месяца. Принимая во внимание, как положительные, так и отрицательные стороны этого сражения, его можно охарактеризовать как „триумф механической силы над силой человека“ или, если угодно, „бензина над мускулом“.

ГЛАВА XXX.

Дело одного Уиппет-танка.

Размер настоящего труда не позволяет сделать пространные ссылки на единичные действия танков, хотя, в конце концов, на этих действиях основывалась не только боевая годность корпуса танков, но и возможность самой победы.

Вспомним, что для сражения у Амьена 3-й и 6-й Уиппет-батальоны были назначены для совместной работы с кавалерийским корпусом и что это не дало большого успеха, вследствие трудности комбинирования действия механически движимой стали с конским телом. Отчет, приводимый ниже, есть отчет о действиях единичной машины, работавшей далеко впереди атакующих войск против сообщений неприятеля, как то и должны были делать по мнению корпуса танков (существовавшему в то время и посейчас) все легкие машины. Этот отчет настолько интересен и поучителен, что он приводится полностью. Отвага, проявленная командой, состоявшей из одного офицера и двух нижних чинов, хотя и непредставлявшая исключения в корпусе танков, тем не менее достойна высшей похвалы. Эти три человека, подобно древним Аргонавтам, бросили свое сухопутное судно в экспедицию, сопряженную с неведомыми опасностями; они проложили свой путь через бесчисленные преграды и одни очутились перед лицом всего тыла германской армии. Не будь несчастного случая, они могли бы вернуться целыми и невредимыми и, однако, несмотря на неудачу, которая, в конце концов, постигла их, они по самому скромному исчислению должны были причинить неприятелю потери не меньше 200 человек и заплатили за это только ценой одного убитого из своего состава.

Если есть еще сомневающиеся в силе танка и в превосходстве машинной войны над мускульной, то наверно достаточно будет этого одного героического эпизода, чтобы убедить их.

„8-го августа 1918 года я командовал Уиппет танком „Музыкальная коробка“, принадлежащем роте „B“ 6-го батальона. Мы покинули наш исходный пункт в нуль часов (4 часа 20 минут утра) и пошли прямо по местности

к южной стороне железной дороги в Виллер - Бретонне. Мы пересекли эту дорогу колонной по-взводно по мосту на восточной окраине города. Я достиг британской линии фронта и прошел сквозь австралийскую пехоту (2-я австралийская дивизия) и несколько наших тяжелых танков (марки V), совместно с остальными Уиппетами роты „B". Четыре взвода роты „B" шли параллельно железной дороге (Амьен—Гам) по местности, держа курс на восток. Пройдя около 2.000 ярдов в этом направлении, я оказался в голове, в виду того, что другие завязли в пути. Непосредственно перед собой я мог видеть много танков V-ой марки, за которыми сейчас же следовала австралийская пехота. Около этого времени мы попали под прямой артиллерийский огонь 4-х орудийной легкой батареи, вспышки которой я мог видеть между Абанкуром и Байонвиллером. Два танка V-й марки в 150 ярдах вправо от меня были выбиты. Я видел облака дыма, выходящие из этих машин, и оставлявшую их команду. Пехота, следовавшая за тяжелыми танками, несла потери от этой батареи. Я повернул в пол-оборота налево и пошел под острым углом к фронту батареи на расстоянии около 600 ярдов. Оба мои пулемета могли стрелять по батарее, но, несмотря на это, она выпустила по нас около восьми залпов, не причинивших, правда, вреда, но достаточно близких, чтобы быть слышными внутри каюты и я мог видеть вспышку у каждого орудия при его стрельбе. В это время я проходил сзади ряда деревьев, окаймлявших дорогу. Я пошел по этой дороге, пока не поравнялся с батареей, тут я сделал полный оборот направо и атаковал батарею с тыла. Увидя наше появление из-за деревьев, артиллеристы, в числе 30 человек, бросили свои орудия и пытались бежать. Пулеметчик Риббанс и я покончили с ними [1]). Я шел вперед, делая заезд влево и открывая огонь по неприятелю, казавшемуся деморализованным и двигавшемуся по местности во всех направлениях. Этот заезд привел меня обратно к железной дороге, идущей к северо-западу от Гийокура. Я мог видеть приближавшиеся Уиппеты, а также несколько танков V-ой марки.

Австралийская пехота, следовавшая за танками, прошла теперь через батарею, с которой мы покончили, и залегла в выемке дороги приблизительно в 400 ярдах от батареи и несколько от нее влево. Я вышел из машины, подошел к австралийскому поручику и спросил его, не нуждается ли он в помощи? Во время нашего разговора пуля ударилась в металлический наплечный номер поручика и ее оболочка поранила его плечо. В то время, как его перевязывали, прибыл верхом на лошади майор Райкрофт [2]) и поручик Ватерхауз в танке. Прибывший также капитан Страхан из роты B 6-го батальона получил подтверждение от австралийского офицера о нашем деле с батареей. Я доложил майору Райкрофту, что нами выполнено, и сразу же двинулся дальше, так как мне казалось неразумным оставлять 4 машины в одном месте (прибыл также и поручик Уоткинс). Я пошел параллельно железнодорожной насыпи в восточном направлении и обогнал два кавалерийских патруля, человек в 12 каждый. Первый патруль нес потери от команд неприятеля, засевшего в поле. Я занялся ими, убил трех или четырех человек, остальные же скрылись из виду. Продолжая путь дальше в восточном направлении, я увидел второй патруль, который преследовал 6 человек врага Передняя лошадь была настолько уставшей, что едва настигала заднего из гуннов. Какой-то из передних беглецов обернулся и выстрелил в кавалериста, когда последнему удалось настичь врага и он обнаженной саблей готов был нанести удар по спине заднего гунна. Лошадь со всадником свалились влево от дороги. Остальные кавалеристы развернулись вправо и подъехали вплотную к железнодорожной насыпи, где спешились; неприятель, занявший позицию на железнодорожном мосту, стрелял через насыпь и ранил одного или двух человек. Я направил туда машину и, когда мост был у нас на виду, мы открыли огонь и убили четырех человек, остальные же два перебежали через мост, спустились за обратный откос и скры-

[1]) Это было засвидетельствовано находящимися вблизи британскими войсками.

[2]) Командир роты, к которой принадлежал танк.

лись из виду. Влево от меня, приблизительно в расстоянии трех четвертей мили, я мог видеть поезд в огне, двигавшийся с паровозом. Я продолжал путь дальше на восток, все еще параллельно железной дороге и осторожно приблизился к маленькой долине, где на моей карте были отмечены землянки Бошей. Когда я вошел в долину (между Байонвиллером и Харбоньером), то было видно много неприятельских солдат, частью еще укладывавших свою аммуницию, частью уже уходивших. При открытии нами огня по ближайшим, многие другие выскочили из землянок и бросились к концу долины с целью перебраться через насыпь и скрыться из виду. Мы покончили с многими из них. Я кружил на месте, Риббанс вошел в одну из землянок и возвратился, мы насчитали около 60 убитых и раненых. Между землянками видны были следы артиллерийского огня, но несомненно большая часть нанесенных врагу потерь была нанесена нами. Я свернул влево от железной дороги и крейсировал по местности, в зависимости от обнаружения отступавших линий пехоты. Мы стреляли по ним часто с дистанций от 200 до 600 ярдов. Цели были скрывающимися, так как по открытии нами огня неприятель прятался в хлебах. Несмотря на это, мы должны были нанести ему не мало потерь, так как мы крейсировали здесь взад и вперед не менее часа. После упомянутых выше кавалерийских патрулей я не видел больше ни наших войск, ни наших машин. Так как мы были единственной машиной, от которой неприятелю надо было избавиться, то он сильно обстреливал нас ружейным и пулеметным огнем во все время крейсирования. Я хотел бы рекомендовать здесь не возить бензина снаружи машины; нам же было приказано иметь на крыше [1]) 9 бидонов с бензином, с целью иметь возможность пополнить машину горючим при нахождении глубоко в неприятельских линиях (если бы для этого представился удобный случай). Из простреленных бидонов вытекал бензин и разливался по всей крыше будки. Его пары, совместно с непрерывным разрывом пуль и жарой, после нахождения в бою от 9 до 10 часов (в это время), заставили нас дышать через мундштуки респираторной коробки, но без одевания самой маски.

В 14 часов, или около этого времени, я опять взял курс на восток параллельно железной дороге и приблизительно в 100 ярдах от нее. Теперь я мог видеть большой аэродром и привязной наблюдательный шар на высоте около 200 фут; также было видно большое количество конных и автомобильных повозок, двигавшихся во всех направлениях. Поверх другого моста с моей, левой стороны я мог видеть верх грузовика, шедшего в направлении ко мне. Я скрылся из виду и ожидал появления его на мосту, где и подстрелил шоффера. Грузовик свалился в правую канаву. Затем железная дорога вышла из выемки и я мог видеть обе ее стороны. Теперь мне были видны длинные вереницы людей, отступавших по обеим сторонам дороги, и, стреляя по ним с дистанций в 400—500 ярдов, я нанес им тяжелые потери. Я обогнал их и покончил с возчиком и лошадью одной парной, крытой брезентом, повозки, шедшей по противоположной стороне от железной дороги. Затем, мы перешли через небольшую дорогу, пересекающую главную железную дорогу, и перед нами открылся большой конный и автомобильный обоз, переходивший через железную дорогу и шедший возле нее. Пулеметчик Риббанс (правофланговый пулемет) видел южную сторону железной дороги и непрерывно стрелял по конному и моторному обозу, двигавшемуся по трем дорогам (одна с севера на юг, одна почти параллельно железной дороге и одна по диагонали между ними), я же стрелял с дистанции в 600—800 шагов по скоплению обоза с левой стороны и вызвал большое смятение. Ружейный и пулеметный огонь не были сильны в это время, так как в виду того, что все дороги для переезда через железную дорогу проходили по насыпи, нам удалось появиться внезапно. В средней линии обозов находилось человек 12, я открыл по ним продолжительный огонь,—некоторые упали, другие же запрятались между колесами и в кустарнике. Я сделал четверть-оборота влево, в направлении к маленькой возвышенности приблизительно в 200 ярдах, где было скопление людей и лошадей. На этом пути по нас

[1]) Это было в противоречии с уставом корпуса танков.

открыли жесточайший ружейный и пулеметный огонь со всех сторон. Насколько было возможно, мы отвечали огнем, пока левая откидная дверка амбразуры не была оторвана неприятельским огнем. Я втащил передовой ствол, закрепил лафет и приставил тело орудия против дыры. Бензин все еще тек по внутренней поверхности задней двери. Комбинация его паров и жары была очень скверна. Мы все еще продолжали двигаться вперед и в то время, как я кричал шоферу Карней повернуть, так как продолжать бой было невозможно, последовали один за другим два сотрясения и будку охватило пламя. Карней и Риббанс бросились к двери, но там ослабели. Я почти изнемогал, но мне удалось открыть дверь, выброситься на землю и вытащить из будки двух остальных. Горящий бензин лился на землю, на которой мы лежали. Свежий воздух оживил нас; мы поднялись, немного отбежали от горящего бензина, но сами мы горели. В это время Карней был ранен в живот и умер, мы же катались по земле, стараясь потушить пламя. Я видел приближавшегося со всех сторон неприятеля. Первый из прибывших подошел ко мне с ружьем на перевес. Я схватил штык, но его острие вошло мне в предплечье. Другой ударил меня прикладом по голове, ушиб шею и плечо и сбил меня с ног. Когда я пришел в себя, я был окружен десятками людей и каждый, кто мог достать до меня, в ярости бил меня. Наконец, нас оттащили шагов на 25 от толпы и мы стали сами на ноги. Последовало обсуждение нашей судьбы и в конце концов нас направили в убежище, где нам на руки положили бумажные бинты, лица же оставили, как они были. Затем, нас отправили вниз по дороге к железнодорожной магистрали. Затем к нам приставили команду человек из 8 и мы отправились в путь, причем проходили мимо полевой кухни, где я вздохнул о пище. Мы не ели ничего с 8 часов 30 минут предшествовавшего бою вечера, а в 3 часа 30 минут загорелся наш танк. Мы пришли в деревню, где на моей карте было помечено расположение дивизионного штаба. Пожилой, полный офицер обратился ко мне, спрашивая, офицер ли я? Я ответил—„Да“. Затем он задавал различные другие вопросы, на которые я отвечал: „Я не знаю“. Он сказал: „Значит ли это, что Вы действительно не знаете, или просто не хотите сообщить мне?“ Я ответил: „Вы можете принимать это как Вам будет угодно“. Тогда он ударил меня по лицу и вышел. Мы пошли в Шольн, где в походном госпитале мне сделали вспрыскивание от столбняка. Позже меня допрашивали опять с тем же результатом, как и раньше, исключая лишь того, что вместо того, чтобы быть битым, я получил пятидневное одиночное заключение в комнате без окон, где мне давали ежедневно лишь маленький кусок хлеба и миску супа. На пятый день меня опять допрашивали, и я говорил то же, что и при предшествовавших допросах и лишь добавил, что они не имеют никакого права держать меня в одиночном заключении и, что если они меня не выпустят, то я при первом же случае донесу об этом высшему начальству. На следующий день я был отправлен дальше и, в конце концов, достиг лагеря во Фрейбурге, где я нашел своего брата, капитана А. Е. Арнольда, офицера корпуса танков. Поведение пулеметчика Риббанса и шофера Карней во все время боя было выше всяких похвал. Шоффер Карней вел машину, начиная от Виллер-Бретоне [1]).

(Подписано) С. В. Арнольд, лейтенант 6-го танкового батальона.

Января 1-го, 1919 г.

---

[1]) Этот рапорт был написан лейтенантом Арнольдом по возвращении из Германии. Танк его был найден вблизи железной дороги с восточной стороны шоссе Харбоньер—Розьер.

ГЛАВА XXXI.

Германская оценка британских танков.

О позднем развитии у немцев как танков, так и противотанковой обороны, уже упоминалось; из этого видно, что немцы отнеслись неодобрительно к идее танка. В танке они, повидимому, видели лишь забавную и громоздкую машину, сухопутный Мерримак; они были неспособны читать написанное железом, ни понять весть, которую приносила с собой эта машина на каждое поле сражения, а именно: „судьбу всякой войны, которая ведется мускульной силой". Можно предположить, что они мало интересовались танками, потому ли что чувствовали недостаток времени для их развития или потому, что германское высшее командование было чрезвычайно низкого мнения о нашем военном управлении, и это рождало в нем предубеждение против чисто британской идеи. Это, однако, тривиальные соображения, и должно было существовать более широкое и глубокое основание для такого предубеждения. Две последующие выдержки из документов германского генерального штаба, кажется, указывают на эти причины:

1) Из отчета о германском наступлении 1918 года:

„Применение 300 британских танков у Камбре (1917 г.) придало этому сражению характер машинного. Германское высшее командование решило с самого начала не сражаться машинами".

2) Из одного приказа, изданного германской главной квартирой, подобного многим другим, изданным во время войны:

„Высшее командование постоянно слышит, что люди квалифицированные, как „пригодные для несения гарнизонной службы", держатся того мнения, что они не обязаны сражаться, и офицеры не решаются требовать этого от них. Это совершенно ошибочное присвоение себе особого положения должно быть окончательно и решительно искоренено. Люди на фронте, будь они признаны годными для гарнизонной службы или для хозяйственных работ, но могущие носить винтовку, должны сражаться".

Таков был принцип германской тактики: массы людей предпочтительнее качества оружия, количество тел предпочтительнее качества стали.

Политика загона в перволинейные части людей, которые едва могут носить винтовку, началась в 1915 году. С этого

времени раздавалась постоянная жалоба германского полкового офицера, что он должен содержать в своей части все увеличивающееся число бесполезных людей, которые по своим физическим или духовным данным были неспособны к бою, которые никогда не намеревались сражаться и которые никогда и не сражались.

Лучшие люди ушли в пулеметные и штурмовые части. Остаток в большинстве случаев был небольшой боевой ценности, хотя многие из этих людей могли бы быть с пользой употреблены на войне, которая хотя и не была бы машинной, но была бы по крайней мере войной, в которой такие факторы, как экономия живой силы, играли бы важную роль.

Придерживаясь тактики „пушечного мяса", германское высшее командование было способно смотреть на боевой порядок из 250 дивизий, как на громадную мускульную силу на бумаге. Придерживаясь системы назначения в бой людских масс, германцы не были в состоянии найти рабочую силу для постройки такого добавочного оружия, как танки. Теперь кажется ясным, что об этом, по крайней мере поскольку это касается танков, пожалели еще до окончания войны, как говорят следующие выдержки:

В июле 1918 г. генерал Людендорф писал:

„Во всех задачах маневренной войны во время больших оборонительных действий между Марной и Вель французы были способны добиться только одного первоначального успеха, обязанного внезапности, а именно: успеха 18-го июля 1918 года. Это танкам обязан неприятель своим успехом".

Подобное же замечание было сделано в приказе 1-го корпуса от 23-го июля 1918 года:

„Коль скоро танки уничтожены, вся атака терпит неудачу".

Победа танков в сражении у Амьена явилась причиной обширных комментариев со стороны немцев; Людендорф 11-го августа писал:

„Посланные главной квартирой штабные офицеры доносят, что поражение 2-й армии об'ясняется следующими фактами: войска были захвачены врасплох массовой атакой танков и терялись, когда танки, прошедшие под покровом естественного и искусственного тумана, внезапно появлялись в их тылу... артиллерия, приданная резервным пехотным частям... была совершенно недостаточна для оказания нового сопротивления ... против прорвавшегося неприятеля и против танков".

Приказ 21-й пехотной дивизии от 15-го августа содержит следующее:

„Недавние бои показали, что наша пехота способна к отражению неподдержанной пехотной атаки неприятеля и не нуждается в нашем заградительном огне.

„Наоборот, массовая атака танков, подобная выполненной неприятелем в недавних боях, требует более сильных оборонительных артиллерийских мер.

„Обязанность пехоты заключается в том, чтобы не допускать продвигающегося под прикрытием танков неприятеля (пехоту, кавалерию или аэропланы) к нашей артиллерии, с тем, чтобы дать последней свободу действия для выполнения ее главной роли, т. е. борьбы с танками".

Это указание, что главной обязанностью артиллерии стала борьба с танками, достойно внимания, особенно если его сравнить с предшествовавшими приказами, которые утверждали, что выполнение артиллерией противотанковых оборонительных задач не должно мешать установке ею огневых заграждений и ведению огня по батареям противника. В этом же документе дальше говорится:

„Контр-атаки против неприятельской пехоты, поддержанной танками, не имеют никаких шансов на успех и вызывают лишь ненужные жертвы; они, однако, должны предприниматься лишь в том случае, если танки выведены из строя".

Таким образом, два прежние столпа германской обороны, а именно: оборонительное огневое заграждение и немедленная контр-атака отменяются в случае танковых атак. Интересен еще один приказ, а именно: изданный 12-го августа по группе армий кронпринца.

„Главная квартира сообщает, что во время недавних боев на фронте 2-й и 18-й армий, большое количество танков прорывалось на узких фронтах и, продвигаясь прямо вперед, атаковало артиллерийские позиции и дивизионные штабы.

„Во многих случаях никакая оборона не могла быть во-время организована против танков, которые атаковали со всех сторон.

„Должна быть теперь же выработана противотанковая оборона для избежания подобных положений".

„Донесения, касающиеся танков, должны итти в первую голову, ранее всех других донесений и вызовов".

Достаточно только этих нескольких слоев, чтобы показать, что неприятель наконец почувствовал опасность танков и делал бешенные усилия, чтобы организовать, во что бы то ни стало, действительную противотанковую оборону.

Уже более не отвага нашего королевского воздушного флота, не мужество нашей пехоты и не массы наших снарядов, но танк угрожал Германии разгромом, и против него она концентрировала всю свою энергию. Эти усилия были, однако, настолько запоздалыми, что даже изданные проекты и приказы грешили противоречиями, а осуществлявшиеся на практике меры, конечно, были еще более разнообразными.

Начиная с августа 1918 года, успех почти каждой атаки союзников приписывался германскими официальными сообщениями танкам. Даже о тех боях, где в действительности принимало участие лишь очень небольшое количество танков, говорилось, что такие-то и такие-то пункты были захвачены „посредством массы танков". Об'яснения каждой германской неудачи ссылкой на танки скоро оказали заметное влияние как на германского солдата, так и на германское общество.

Так как германское высшее командование легко об'ясняло неудачу в случае танковой атаки, немецкий офицер естественно

начал считать, что присутствие танков есть достаточное основание для потери любой позиции, доверенной его защите. Его люди пришли к заключению, что при наличии танков с них нельзя было требовать сопротивления. Большинство немецких офицеров, по взятии их в плен, старались об'яснить, что плен был неизбежен и что они сделали все, что могли от них ожидать. С этого времени их об'яснения сделались чрезвычайно просты: „Появились танки, ничего нельзя было поделать". Нежелание высшего командования своевременно озаботиться заказом танков для борьбы с танками союзников начало подрывать веру войск в своих начальников.

„Массовые танковые атаки", так часто упоминавшиеся в сводках, естественно, повели к тому, что германские военные корреспонденты начали основательно заниматься этим вопросом. Они указывали на первостепенную важность танков и спрашивали—что предполагало предпринять высшее командование по данному вопросу или же успокаивали читателей, что все необходимые меры приняты и что скоро немецкий танк появится в достаточном количестве. Пресса становилась настолько нервной, что военный министр нашел необходимым дать об'яснение.

Генерал фон-Врисберг, от имени военного министра, сделал в рейхстаге следующее заявление:

„Атака 8-го августа между Авром и Анкром не была неожиданностью для наших вождей. Если же, однако, англичанам удалось достичь успеха, то причину этого следует искать в массовом применении танков и во внезапности их появления под покровом тумана...

„Американские армии также не должны нас пугать. Мы справимся с ними. Более важным для нас был вопрос танков. Теперь мы достаточно вооружены против них. Противотанковая оборона в настоящее время есть больше вопрос нервов, чем средств".

23-го октября германское радио опубликовало следующее утверждение военного министра генерала Шейха.

„Германия никогда не будет принуждена к заключению мира из-за недостатка военного имущества. Своим превосходством неприятель обязан в настоящее время пользованию танками. Мы в течение долгого времени энергично занимались постройкой этого оружия (которое признано важным). Мы будем, таким образом, иметь дополнительное средство для успешного продолжения войны, если будем принуждены продолжать ее".

Это заявление, очевидно, было ответом на общественную критику, но утверждение, что для производства большого количества танков делались усилия, кажется верным.

Сомнительно, однако, чтобы утверждение, что они работали над танками долгое время, было правильным. Достаточно достоверно, что когда Гинденбург посетил германский танковый полигон в Шарлеруа, он заметил: „я не думаю, чтобы танки были годны к какому-нибудь применению, но раз они сделаны, можно их испробовать". Это замечание германского главнокомандующего служило выражением взгляда герман-

ского большого генерального штаба на танки до 8-го августа 1918 г. Оно так же точно выражало и мнение некоторой части высшего командования нашей собственной армии. Как показывает эта глава, немцы, в конце концов, излечились от недостатка предвидения, будем надеяться, что то же произошло и у нас. Что касается последнего, то будущее покажет, насколько это верно.

ГЛАВА XXXII.

Взаимодействие аэропланов и танков.

До 1-го июля 1918 года не было организовано определенного взаимодействия между танками и аэропланами, хотя необходимость такового давно чувствовалась, и в одной из атак на Бурлонский лес в сражении у Камбре аэропланы показали свою ценность, защищая танки от полевых орудий.

Помощь, которую танкам могут оказать аэропланы, можно разделить на два главные вида: осведомление и защита, в будущем несомненно прибавится еще командование и снабжение.

В феврале и марте 1917 года, до сражения у Арраса, были выполнены некоторые опыты по установлению связи между танками, аэропланами и привязными шарами посредством дневной сигнальной лампы Алдиса, но опыты эти не увенчались успехом. Во время сражения у Мессин аэропланы доносили с большой точностью о положении танков на поле сражения. В третьем Ипрском сражении эту полезную работу продолжали, так же как и в сражении у Камбре, но в течение этого последнего сражения дни были настолько туманными, что тормозили ее выполнение.

После сражения у Камбре корпус танков принимал всевозможные меры, чтобы урегулировать это взаимодействие и поставить его на прочную почву, но за исключением нескольких интересных опытов, выполненных 1-й танковой бригадой в феврале 1918 г. в окрестностях Фрикура и ясно показавших огромную помощь, которую приносят танкам низколетающие аэропланы, ничего не было сделано, чтобы установить определенную систему взаимодействия. Чтобы достичь его, надо было одно—прикомандировать для опытных целей взвод или эскадрилью аэропланов к танковому корпусу. Наконец, 1-го июля 1918 г., т.-е. за 5 недель до Амьенского сражения, была прикомандирована к корпусу танков эскадрилья № 8 королевского воздушного флота, снабженная 18-ю машинами Армстронг-Витворта, для совместных с танками действий и выполнения опытов возможно широкого их развития

Эскадрилья эта находилась под начальством майора Лей-Маллори и только благодаря энергии этого офицера удалось достичь в тот чрезвычайно краткий срок, которым располагали, значительного прогресса в установлении взаимодействия танков с аэропланами, особенно же в работе связи. Польза, которую принесло это взаимодействие, огромна.

В начале июня эскадрилья № 42 королевского воздушного флота производила успешные опыты с дымовыми вспышками и огнями Вери, эскадрилья № 22 испытывала телефонную связь, а эскадрилья № 15 оптическую сигнализацию, посредством дисков, выбрасываемых из гондолы.

Эти опыты послужили основанием для работы, которую начала теперь эскадрилья № 8 с 1-й, 3-й и 5-й танковыми бригадами и продолжала ее до начала августовского наступления.

Совместная с эскадрильей № 8 работа может быть удобно разделена на три периода:

1) Период подготовки от 1-го июля до 8-го августа.

2) Сражение у Амьена.

3) От сражения у Бапома до 11-го ноября 1918 г.

Во время последнего периода эскадрилья № 8 была усилена эскадрильей № 73, которая, будучи снабжена машинами Сопвит-Камель, могла успешно бороться с неприятельскими противотанковыми орудиями. Первым условием всякой взаимной работы является товарищество, и в этом отношении с самого начала был образован прочный союз между частями эскадрильи № 8 и теми танковыми частями, с которыми эскадрилья работала. Этого достигали прикомандированием офицеров корпуса танков к взводам эскадрильи и они часто совершали полеты, пилоты же и наблюдатели ездили в танках.

Сражение у Хамеля, 4-го июля, было первым случаем, когда аэропланы были специально назначены для совместного с танками действия, а именно: взвод С был на время этих боев прикомандирован к 5-й бригаде. Утро было особенно пасмурно, с облаками на высоте 1000 фут, тем не менее одному аэроплану удалось подняться в 2 часа 50 минут ночи, а другому в 3 часа. Эти две машины, низко летая над неприятельскими линиями, заглушали шум приближавшихся танков. Позже, другая машина, спустившись в дым артиллерийского заградительного огня, заставила замолчать несколько орудий, причинявших нам значительное беспокойство. В общем, оказанная эскадрильей № 8 в этом первом случае совместной работы помощь давала хорошие виды на будущее.

После сражения у Хамеля опыты и обучение продолжались, при чем взвод В работал с 1-й танковой бригадой над беспроволочным телеграфом и телефоном, а взвод А над оптической сигнализацией с 3-й танковой бригадой.

Опыты беспроволочного телефона, хотя и исключительного интереса, не оказались особенно успешными. При очень благоприятных условиях движущийся танк мог слышать разговор с аэроплана, летящего на высоте 500 фут и не более четверти мили расстояния по горизонту. Поэтому было решено, что для немедленного пользования беспроволочный телефон не был удобным средством связи. К концу июля был выполнен ряд чрезвычайно успешных опытов в области беспроволочного телеграфа, и танки получали депеши с аэропланов с 2.500 фут высоты и 9.000 ярдов удаления. Однако, как ни были успешны эти опыты, им не суждено было выйти из стадии опытов, за недостатком времени для их развития и применения в действительных операциях. Разработанное взводом А сигнализирование диском было принято как средство направления Уиппет-танков на их об'екты действия. Постепенно был выработан полный код сигналов, почему аэроплан мог сообщать как характер, так и направление цели. В связи с сигнализированием диском, испытывались дымовые бомбы и огни Вери и с их применением было выполнено несколько успешных маневров в танковой стрелковой школе в Мерлимоне.

Несмотря на то, что период подготовки был слишком небольшим, чтобы результаты опытов могли быть приложимы в бою, пилоты и наблюдатели познакомились со многими офицерами корпуса танков и, кроме того, научились многому относительно создаваемых для танков их конструкцией возможностях действий и о характере сведений, необходимых их штабам и командам.

Программа работы эскадрильи № 8 в первый день боя у Амьена была следующая:

1) Аэропланы должны летать над неприятельской линией в течение последнего часа пути танков для того, чтобы заглушить шум их машин.

2) Патрули для связи и для контр-атаки должны постоянно осведомлять танковые части, посылая депеши на определенные станции о ходе боя.

3) При всяком удобном случае все аэропланы должны поддерживать танки.

5-го августа эскадрилья сосредоточилась в Виньякуре и взвод *C* был назначен для действия с 5-й танковой бригадой, а взводы *B* и *A* для действия с 4-й и 3-й бригадами.

8-го августа в 2 часа 50 минут ночи поднялись 8 машин для маскирования приближения танков в течение последнего часа их пути. Утро было темным, и облака казались высоко. Каждая из этих машин бросила в неприятельские линии, с промежутками, по 6-ти 25-ти фунтовых бомб. Между 4-мя часами 50 минут и 5 часами утра поднялись первые четыре машины связи. Долины были уже окутаны густым туманом

и в течение часа вся местность на несколько миль расстояния была погружена во мрак. Летая очень низко и воспользовавшись разрывом в тумане, одной машине удалось донести, что танки прошли Демюэн, и, следовательно, стало известным, что мост там сохранился. Первая депеша в передовой штаб корпуса танков гласила следующее:

„В передовой штаб корпуса танков

(аэропланом).

Беспроволочная станция 4. 8-го числа. Снизившаяся в 8 часов 30 минут утра машина доносит. В 6 часов 15 минут утра 4 танка видны в бою на линии в 500 ярдах к западу от дороги через С. 17. в., С. 11. d, С. 12. а.; в 7 часов 15 минут утра 4 танка видны на дороге за Уржем в С. 11 центральном. 3 танка видны вместе в С. 6. d. недостоверно. В 7 часов 20 минут утра зеленая линия взята, танки в сборе для новой атаки. Предыдущее донесение относится к сектору 5-го танкового батальона. В 7 часов 45 минут утра 4 танка на пути, ведущем к северу от Демюэн V. 25. С. 4. 8. Один танк в Д. 1. с. центральном. 4 танка в С. 11. д. 3. 8, идущие в восточном направлении. В 7 часов 45 минут утра французская пехота видна в большом количестве на западной опушке леса Морейль и французский заградительный огонь на линии С. 17. с., С. 23. а. и С. 29. а. и 28. Д. Моторный транспорт, вероятно броневики, видны на пути в И. 26. вблизи Домар. Германский привязной шар замечен около 8 часов утра как раз к востоку от Ке на 1200 фут. Бомбы брошены в W. 22. d. к югу от Харбонньер, цель—орудия. Адресовано передовым штабом 3-й, 4-й и 5-й танковым бригадам. Послано аэропланом на станцию передового штаба корпуса танков.

Дополнительная заметка.

Кавалерия и танки в большом количестве в 8 часов утра движутся к югу от леса д'Акэн.

Офицер разведывательного отделения 8-й эскадрильи королевского воздушного флота.
8 часов 50 минут утра.

Много других подобных депеш было отправлено в течение дня, и штабы танковых бригад хорошо осведомлялись по мере развития атаки. В последующие три дня сражения сопротивление неприятеля в воздухе стало значительно сильнее. 9-го и 10-го числа были с воздуха обнаружены хорошие цели, в виде больших скоплений пехоты и обозов. 10-го числа капитан Вест и лейтенант Гаслэм действовали совместно с танками вблизи Розьера, когда было замечено в окрестностях Рой движение по дорогам. Несмотря на удаление в 8.000 ярдов от наших линий, капитан Вест немедленно направил свои машины в этом направлении и с хорошим результатом стрелял и бросал бомбы в неприятельский обоз, двигавшийся в восточном направлении. Как раз в то время, когда он повернул для обратного полета, он был атакован семью бипланами Фоккера. Почти первым же выстрелом с одной из неприятельских машин, которой удалось подняться над правым крылом машины капитана Веста, у него оторвало левую ногу выше колена, куда попали три разрывные пули. Несмотря на то,

что левая нога капитана Веста упала между рычагами управления и что он был ранен и в правую ногу, ему удалось направить свою машину обратно и спуститься в наших линиях. За этот подвиг капитан Вест был награжден крестом Виктории.

Во время Амьенского сражения помощь аэропланов сводилась, главным образом, к работе патрулей связи и контр-атаки. Однако, в этом сражении танки жестоко страдали от германских орудий, и потому в следующем сражении, у Бапома, было решено сделать стрельбу по неприятельским батареям одним из видов совместной с танками работы аэропланов.

Для выполнения работы связи и контр-атаки посылали не все машины, а возможно бо́льшее их количество оставляли для борьбы с неприятельскими батареями. И с этого времени постоянно стремились сосредоточить все бо́льшие силы на этой важной службе и, как показали новые опыты, результаты ее становились все более и более успешными. По счастью, как раз перед атакой 3-й армии, 21-го августа была прикомандирована к корпусу танков эскадрилья № 73 (Сопвит-Камель) для выполнения этого вида совместной работы.

Интересны способы, усвоенные для выполнения этой работы. Посылать донесения было бесполезно, так как немецкие артиллеристы, как правило, открывали огонь, когда танки находились в 1000 ярдах расстояния. Необходимо было немедленное действие и оно состояло в обстреливании бомбами и пулеметами неприятельской артиллерии до тех пор, пока танки не переходили через расположение орудий. Метод обнаружения неприятельских артиллерийских позиций заключался в тщательном предварительном изучении местности по карте и аэропланным снимкам и в составлении по этим данным карты вероятных артиллерийских позиций противника. 2-го сентября был захвачен чрезвычайно ценный документ, который давал полную, принятую немцами, схему распределения их орудий в связи с противотанковой обороной; кроме того, в этом документе указывались различные типы позиций, которые рекомендовались для занятия противотанковой артиллерией. С помощью этого танкового документа и карты крупного масштаба стало возможным определять наперед большинство возможных артиллерийских позиций. Так как каждый из наших аэропланов имел для наблюдения только участок фронта около 2.000 ярдов, то они имели возможность периодически забрасывать бомбами все вероятные позиции. Этим путем, зная наперед все вероятные места, раскрывали большое число неприятельских орудий, едва лишь они открывали огонь, и тем оказывали большую услугу танкам.

21 августа был наиболее неудобный день для совместной работы эскадрильи № 8 с танковым корпусом. Утро было

очень туманное и машины не могли подняться ранее 11 часов утра, т. е. немного более чем через 6 часов после атаки, которая началась в 4 часа 55 минут утра. Несмотря на это, противобатарейные аэропланы не слишком опоздали для выполнения полезной работы против нескольких батарей; эта работа была, главным образом, выполнена эскадрильей № 73, которая являлась в ней новичком. Ценность добытого в этот день опыта была наглядно демонстрирована этой эскадрильей 23 го числа, когда она атаковала линию неприятельских орудий и рассеяла их прислугу. Хорошим образчиком ценной помощи эскадрильи № 73 может служить выполненная ею работа 2-го сентября.

Была замечена пушка, которую тащили люди в направлении к лесу Шофур. После того, как было выпущено по ней 800 пуль, прислуга бросила орудие и скрылась в лесу. Через некоторый промежуток времени прислуга, выйдя из леса, пыталась втащить туда пушку; аэроплан немедленно открыл опять огонь, но, несмотря на это, артиллеристам удалось достичь поставленной себе цели. Тогда в лес были брошены бомбы и дальнейшего движения не наблюдалось.

29-го танк с беспроволочной станцией был использован, как передаточная станция. Это оказалось очень полезным нововведением, так как один аэроплан, передав свое донесение на эту станцию, нашел по своем возвращении, что его донесение было получено штабом, которому оно было адресовано, через несколько минут после подачи и значительно быстрее, чем это случилось бы, если бы аэроплан передал его сам.

Сношения с танками, находившимися в бою, было также успешно 29-го числа. В одном из сообщений указывалось, что немцы продолжают удерживаться в деревне Бони; группа танков получив это известие, немедленно отправилась в направлении Бони и атаковала ее.

8-го октября аэропланы выполнили еще раз полезную, совместно с танками, работу. Следующая выдержка взята из донесения аэроплана, пилот которого наблюдал танки атакующие Серен:

„Когда приблизились танки, мы бросили бомбы в группы, находившихся в деревне, немцев. Затем танки стали окружать деревню; один из них вошел прямо в середину деревни, другой атаковал фруктовый сад и очищал его от неприятеля, третий же обошел деревню с севера и приближался к маленькой лощине, в мертвом пространстве которой находилось от 200 до 300 немцев. Увидя приближавшийся танк, немцы бежали в восточном направлении; видя это, мы полетели за ними и обстреляли их пулеметным огнем, нанеся большие потери".

Действия, подобные вышеупомянутым, случались ежедневно и только подтверждали то, на чем долго настаивал штаб кор-

пуса танков, а именно, что взаимодействие аэропланов и танков чрезвычайно важно, так как аэропланы защищают танки, а танки защищают пехоту. В будущем несомненно аэропланы будут служить не только для отправки донесений и для приведения к молчанию орудий, но они будут перевозить командиров танковых частей, которые будут связаны со своими машинами при помощи беспроволочного телефона и на них же будет доставляться бензин для танков.

ГЛАВА XXXIII.

Сражение у Бапома и второе сражение у Арраса.

Операции, которые велись после окончания Амьенского сражения и до подписания перемирия, можно разделить на три периода:

1. Сражение у Бапома и второе сражение у Арраса, с 21-го августа по 3-е сентября.

2. Сражения у Эпеи и Камбре—Сен-Кентена, с 18-го сентября по 10-е октября и

3. Сражения у р. Селль и Мобежа, с 17-го октября по 11-е ноября.

Первый период обнимает сражения в опустошенной стране, второй—прорыв через укрепленную систему Гинденбурга и третий—маневренную войну к востоку от этой системы. Каждому из этих периодов будет посвящена отдельная глава, в которой большинство подробностей подготовки к бою будет опущено, дабы избежать повторного описания той работы, которая сделалась в корпусе танков шаблонной.

К концу Амьенского сражения стало очевидным, что неприятель начинает оттягивать свои войска в районе Пюзье-Серр против фронта 3-й армии и, что, по всей вероятности, этот отход есть только часть общего отступления на всем фронте к югу от р. Скарпы. Поэтому 13-го августа было решено, что 3-я армия должна подготовиться к атаке против германского фронта к северу от Соммы, в то время как 4-я армия будет продолжать давление к югу от этой реки. В соответствии с этим решением, 3-й, 6-й, 9-й, 10-й, 14-й и 15-й танковые батальоны были оттянуты из района 4-й армии и сосредоточены в районе 3-й. 15-го августа к этим батальонам были добавлены 7-й, 11-й и 12-й батальоны 1-й танковой бригады. Эти переброски обусловили необходимость полной перетасовки батальонов в танковых бригадах, которые 19-го августа имели следующий состав:

В районе 3-й армии:

1-я танковая бригада:	3-й батальон . . .	Средний А.
	7-й „ . . .	Марка IV.
	10-й „ . . .	Марка V.
	17-й „ . . .	Броневики.
2-я танковая бригада:	6-й „ . . .	Средний А.
	12-й „ . . .	Марка IV.
	15-й „ . . .	Марка V со звездой.
3-я танковая бригада:	9-й „ . . .	Марка V.
	11-й „ . . .	Марка V со звездой.
	14-й „ . . .	Марка V.

В районе 4-й армии:

4-я танковая бригада:	1-й батальон . . .	Марка V со звездой.
	4-й „ . . .	Марка V.
	5-й „ . . .	Марка V.
5-я танковая бригада:	2-й „ . . .	Марка V.
	8-й „ . . .	Марка V.
	13-й „ . . .	Марка V.

Атака на фронте 3-й армии должна была начаться 21-го августа и, в случае успеха, должна была развиваться вглубь, а фронт ее уширяться атакой 4-й армии к югу от Соммы. Общий план был следующий:

VI-й, IV-й и V-й корпуса 3-й армии должны были атаковать линию Бокур-сюр-Анкр-Мойенвиль на фронте в 17.000 ярдов с целью гнать врага в восточном направлении за дорогу Аррас-Бапом и теснить его из района Соммы. Танки должны были принимать участие лишь на фронте между Мойенвилем и Бюкой, так как местность к югу от этого фронта была неудобна для маневрирования танков; на этом основании танки не были приданы V-му корпусу.

Распределение танков было следующее:

VI-й корпус	2-я и 3-я танковые бригады.
IV-й „	1-я танковая бригада.

В виду ограниченности времени и необходимости сохранения тайны, невозможно было произвести обучение с дивизиями 3-й армии; многие из них, однако, посещали в свое время учения в Бермикуре, а в дополнение к этому перед атакой для них было прочитано столько лекций, сколько позволило время.

Недостаток времени затруднил также производство рекогносцировки и опять на выручку пришла старая работа, так как многие офицеры корпуса танков тщательно изучили район атаки перед вторым сражением на Сомме и сражались в нем во время германского весеннего наступления.

На левом фланге 4-й армии III-й корпус должен был атаковать на северном берегу Соммы, между Брей и Альбером, 4-я танковая бригада должна была помогать этой атаке

и машины ее были распределены между дивизиями следующим образом:

4-й батальон	10 танков с 12-й дивизией. 4 танка с 18-й дивизией.
5-й „	10 танков с 47-й дивизией.
1-й „	15 танков в резерве 4-й армии.

5-ой танковой бригаде было приказано действовать совместно с австралийским корпусом к югу от Соммы на фронте Эрлевилль-Шиньоль; целью этой атаки был захват этих деревень и возвышенности, идущей от них в восточном направлении. Танки были распределены следующим образом:

8-й батальон	12 танков с 32-й дивизией;
2-й „	12 танков с 1-й австралийской бригадой;
13-й „	12 танков с 2-й австралийской бригадой.

Начавшееся 21-го августа сражение у Бапома представляет особенный интерес в том отношении, что это была первая атака, имевшая дело с усвоенным неприятелем новым способом обороны, по которому резервы держались достаточно глубоко в тылу за слабо обороняемой передовой линией. В соответствии с этой новой системой обороны в глубину, немцы оттянули свои орудия за линию железной дороги Альбер-Аррас; это усложняло танковую атаку, так как оставайся они впереди, они, как это часто случалось до сих пор, были бы застигнуты врасплох и захвачены в первый период боя; здесь же, как это и было в действительности, они выводили из строя наши машины в третий период боя.

В соответствии с новой неприятельской системой обороны и с различными характерными качествами машин, состоявших на вооружении 1-й и 2-й танковых бригад, их эшелонировали следующим образом:

1. Два батальона танков IV-й марки—для действий до второго объекта атаки.

2. Один батальон танков V-й марки и один марки V-ой со звездой—для действий по второму объекту атаки и далее до железной дороги Альбер-Аррас.

3. Два батальона Уиппетов—для действия за линией железной дороги Альбер-Аррас.

Атака была начата в 4 часа 55 минут утра. Батальон IV-й марки пошел вперед, успешно очистил первый объект атаки и продвинулся далее ко второму. И здесь опять атака оказалась сюрпризом, быть может не столько оттого, что она была неожиданностью, сколько от неспособности немцев встретить ее, особенно при оттянутых орудиях. Для иллюстрации этого достаточно только упомянуть, что в окопах, которые мы пересекали, находились еще горевшие свечи, и разбросанное всюду снаряжение свидетельствовало о спешном бегстве врага. Второй эшелон и Уиппеты имели, однако, перед собой значительно более трудную задачу. Еще до атаки железная дорога Альбер-Аррас

была обращена в сильно укрепленную линию пулеметных гнезд, прикрываемую расположенными восточнее орудиями. По несчастью, стлавшийся по земле туман, который маскировал приближение первого эшелона, начал подниматься, и это дало возможность неприятельским артиллерийским наблюдателям направлять на танки настолько сильный огонь, что каждый отдельный танк становился центром, вокруг которого сыпались пули и рвались снаряды. Избегая этих зон, наша пехота продвигалась с малыми потерями. Во время боя этого дня много неприятельских команд, некоторые численностью более 100 человек, сдавались en bloc, едва они замечали приближавшиеся танки. Такие поступки становились обычной процедурой для германской пехоты при всех танковых атаках. 21-го числа из 190 танков, принявших участие в атаке, 27 машин получили прямые попадания.

22-го августа III-й корпус повел с полным успехом атаку на фронте в 10.000 ярдов. Танки, которые по полученным ими инструкциям III-го корпуса, должны были итти в тылу пехоты, в действительности вели все время атаку и углубились в неприятельское расположение до 4.000 ярдов. Все об'екты атаки были захвачены, и к концу дня наша линия шла восточнее Альбера, Мольта, Счастливой Долины и через западные предместья Брей-сюр Сомм.

На следующий день атака III-го корпуса продолжалась в связи с атакой 3-й армии на севере и австралийского корпуса на юге. III-й корпус захватил высоты Тара и Юсна, воспользовавшись для этой цели шестью танками 1-ой танковой бригады. На австралийском фронте развернулось 36 машин 5-ой танковой бригады и они повели пехоту прямо к об'ектам действий, которые и были успешно захвачены. После этого машины 2-го и 13-го батальонов развивали успех совместно с 3-ей австралийской бригадой к северу от Шиньоля, машины же 8-го батальона отошли на сборный пункт. Во время этой атаки неприятель оказывал упорное сопротивление, его пулеметчики дрались с большим мужеством и во многих случаях продолжали стрелять из своих пулеметов до тех пор, пока не были раздавлены танками. Любопытно отметить, что на ряду с этим в бою предшествовавшего дня, неприятельские пулеметчики на фронте атаки III-го корпуса едва ли оказывали какое-либо сопротивление, и когда их спрашивали почему они не боролись, то они отвечали: „О! из этого ничего хорошего не вышло бы".

Типичный пример танкового боя этого периода находим в следующем отчетном листке командира танка, принимавшего участие в вышеупомянутой атаке.

„В 4 часа 25 минут утра 23-го числа настоящего месяца я с моей машиной женского типа „Мабель" (№ 9382) пошел перед фронтом пехоты. Я выполнил путь со многими зигзагами к лесу на юго-западной окраине деревни

Шиньоль, где натолкнулся на противотанковое орудие, которое было затем выбито лейтенантом Симонсом, действовавшим со своей машиной мужского типа вправо от меня. Тогда я пошел по южной стороне деревни, держа под сильным обстрелом поля с хлебами и лесные насаждения, откуда я выгнал несколько команд неприятельских пулеметчиков. Затем я возвратился к деревне и очистил от неприятеля ее окраины.

Выйдя из дыма двух недолетевших снарядов, я очутился среди неприятельской батареи. Я сразу же принялся за уничтожение ее прислуги и делал это с большим успехом; после я зашел за другую батарею и занялся той же самой операцией. Далее я двинулся, чтобы провести пехоту к возвышенности южнее четырехугольного леса L. 35. d, но был позван обратно одним австралийским полковником, чтобы покончить с несколькими пулеметными гнездами, оставшимися в центре деревни. Здесь я очистил 12 пулеметных гнезд и двинулся в путь, с целью присоединиться к остальным танкам и заградительному огню, но в то время, как я находился на вершине очень крутой насыпи приблизительно в R. 10. b. 30.50, я получил прямое попадание в передние выступы, что сбросило меня к подошве насыпи, где я обнаружил, что у меня сломана одна пластина на левом ведущем полотне. После исправления повреждения, так как заградительный огонь кончился и танки возвращались с сборному пункту, я привел свою машину к сборному пункту в лес Ами".

На фронте 3-й армии операции возобновились атакой при лунном освещении, выполненной 23-го августа против деревни Гомикур. 3-я дивизия, поддержанная 10 танками IV-ой марки 12-го батальона, атаковала эту деревню и захватила ее. Несколько позже гвардейская дивизия с 4 танками IV-ой марки захватила деревню Амеликур. В 11 часов утра VI-ой корпус, поддержанный 15 Уиппетами, атаковал в направлении Эрвиллер--Беаньи--Сапиньи и около полудня находился к востоку от дороги Аррас-Бапом. Вблизи Сапиньи атака была встречена сильным пулеметным огнем, который задержал продвижение нашей пехоты. Уиппеты же продолжали движение дальше. В одной из машин офицер и сержант были убиты, оставшийся же в живых третий человек, сбросив трупы в воронку, продолжал один следовать за танками и, когда показывалась цель, тормозил заднюю ось машины и открывал огонь из пулемета Гочкиса. Хотя Сапиньи и Беаньи не были захвачены, атака все же была удачной, т. к. удалось захватить большое число пленных. Эта атака существенно помогла атаке IV-го корпуса на Ашье-ле-Гран и Биюкур, которые были захвачены 37-ой дивизией и 6-ю танками V-й марки I-ой танковой бригады.

В 5 часов 7 минут утра, несмотря на очень сильную газовую завесу между 2-мя и 4-мя часами, 18 танков 11-го батальона и 8 танков 9-го батальона атаковали, совместно с 52-ой и 56-ой дивизиями, отрог Амеленкур-Хенинель. Обе эти цели были захвачены с малыми потерями.

24-го августа атаки 3-й и 4-й армий энергично продолжались, и 1-я, 3-я и 4-я танковые бригады приняли в них участие.

В 2 часа ночи на фронте IV-го корпуса 4 машины IV-ой марки помогали 37-ой дивизии к западу от Сапиньи, позже

7 машин IV-ой марки и 19 Уиппетов атаковали и захватили, совместно с Ново-Зеландцами и 37-ой дивизией, Гревиллер, Бифвиллер и лес Лупар. На фронте 56-ой дивизии в 7 часов утра начался кровавый бой из-за обладания линией Сен-Лежер—Энен-сюр-Кожель, и в ней принимали участие 11 танков 11-го батальона, сделавших перед боем походный марш в 10.000 ярдов. Все цели атаки были достигнуты. В 2 часа дня атака продолжилась, и два танка провели пехоту к северу от Круазиля до позиции Гинденбурга, которая упорно оборонялась. Обеим этим машинам пришлось вынести особенно много. Одна из них получила прямое попадание, которое привело в бессознательное состояние командовавшего машиной офицера; придя в себя, он немедленно вступил в управление машиной и повел ее вперед. Другую машину команда должна была очистить, так как неприятель забросал ее фосфорными бомбами; перед выходом из машины офицер повернул ее назад и ходил между передними выступами машины, пока не рассеялись облака газа. Все это время танк был окружен неприятелем. Эта атака потерпела неудачу, но интересно отметить, что один из танков 11-го батальона прошел во время атаки 40.000 ярдов в 25 часов.

В 3 часа 30 минут дня 5 танков 9-го батальона приняли участие в атаке на линию между лесными насаждениями Мори и маскирующими насаждениями. Вначале атака не встретила большого сопротивления, но, по достижении насаждений Мори, сопротивление возрасло; неприятель, отказавшийся сдаться, был уничтожен почти до последнего человека, причем одна команда, человек в 60, была расстреляна 4-мя выстрелами картечью из 6-ти фунтовых пушек.

На рассвете этого дня на фронте 4-й армии 5 танков 1-го батальона помогали 47-ой дивизии в обратном захвате Счастливой долины, которая была потеряна после полудня предшествовавшего дня. Эта атака была вполне успешна и, помимо Счастливой долины, была взята большая деревня Брей.

Вечером 24-го августа 3-я танковая бригада была переведена из 3-й армии в канадский корпус 1-й армии для участия в готовившейся на фронте этой армии атаке, которой должно было открыться второе сражение у Арраса. Это вызвало медленный ночной марш в 29.000 ярдов из Блервиля и Буале-о-мон в Мойенвиль, а оттуда в Ашикур.

24-го августа на фронте IV корпуса были выполнены небольшие атаки на Фаврейль, Авен, Тиллуа и Сапиньи, а 26-го августа танки 9-го батальона, из коих некоторые в ночь с 24-го на 25-е число прошли 37.000 ярдов, атаковали совместно с гвардейской дивизией к северу от Мори. Эта атака, вследствие густого тумана, делавшего совместную работу почти невозможной и затруднявшего сохранение направления,

была не особенно успешна. Во время ее производства 5 человек команды одного танка были ранены пулями противотанковых ружей. На фронте канадского корпуса была произведена атака против Фампу и Невиль-Витаса, в коей 2-я и 3-я канадские дивизии действовали совместно с танками 9-го и 11-го батальонов против Ванкур-Гемапп и Монши-ле-Пре. Вблизи Монши было выбито несколько танков и их команды присоединились к пехоте для отражения местной контр-атаки. Сержант одной команды, услышав, что неприятель захватил его танк, собрал людей своей команды, бросился с ними в атаку для спасения машины и прибыл к двери одного спонсона в то время, как неприятель выкарабкивался из противоположной.

На следующий день, 27-го августа, операции продолжались к востоку от Монши-ле-Пре и в районе Гемапп-Шеризи, но участие танков возобновилось лишь 29-го числа. В этот день небольшие танковые операции были выполнены 1-ой танковой бригадой на фронте 3-й армии юго-западнее Беньятр, так как неприятель очистил Тиллуа и Бапом.

Эта же бригада 30-го числа действовала совместно с 5-й британской и ново-зеландской дивизиями против Фремикура, Беньи, Банкура, Апликура и леса Велю, в то время, как 2-я танковая бригада атаковала Во-Врокур. Все эти атаки были успешны. В последний день августа 1918 года, вероятно, наиболее решительного месяца из всей войны, 9 танков IV марки 12-го батальона и 4 Уиппета 6-го батальона атаковали окопы Лонгатта, Морейля и Врокура и захватили все эти пункты, а на следующий день, 1-го сентября, Уиппеты 6-го батальона дополнили вышеуказанные операции, проведя пехоту на восточные склоны Во-Врокура.

Второе сражение у Арраса достигло своего зенита 2-го сентября, когда знаменитая линия Дрокур—Кеан, которой не удалось достичь в апреле 1917 года, была прорвана. На юге 1-я танковая бригада действовала совместно с 42-й и 5-й дивизиями против Беньи и Вилляр-о-Фло. К северу от этой атаки 2-я танковая бригада помогала операциям VI корпуса против Морейля, Ланьикура и Морши. Эта атака находилась в связи с атаками канадского и XVII корпусов против линии Дрокур—Кеан. Эта линия была атакована 1-й и 4-й канадскими дивизиями и 4-ой британской дивизией совместно со всеми танками, которые могли собрать 9-й, 11-й и 14-й батальоны 3-й танковой бригады. Сосредоточение этих машин было затруднено не только пересеченным характером долины реки Сансе, но и тем обстоятельством, что во все время подготовки велись активные операции.

Линия Дрокур—Кеан, построенная весной 1917 года, была ограждена чрезвычайно сильными поясами проволочных заграждений и предполагалось, что неприятель приложит все

усилия, чтобы во что бы то ни стало удержать эту оборонительную систему; однако, в общем, встретились с меньшим сопротивлением, нежели предполагали. Исключая огня из противотанковых ружей, который был особенно чувствителен в Виллер-ле-Каньикур, танки встретились с малым сопротивлением. Было подсчитано, что во время этой атаки одна рота танков уничтожила более 70 неприятельских пулеметов, а германские пулеметчики сдавались танкам при одном их приближении.

Так как неприятель отступал, то на следующий день Уиппеты продвинулись вперед к Эрми и Дермикуру. Таким образом, второе сражение у Арраса увенчалось полным успехом и прославленная линия Дрокур—Кеан была прорвана. Теперь был нанесен удар, от которого дух неприятельских войск уже не мог оправиться.

Всего с 21-го августа в бою было 511 танков и, исключая одной или двух небольших неудач, каждая атака увенчалась дешевым успехом, дешевым в смысле потерь нашей собственной пехоты, особенно, если вспомнить, что в течение двух недель боев у Бапома и у Арраса было захвачено не менее 470 орудий и 53.000 пленных. Таким образом, за срок несколько меньший месяца германская армия отдала 1-й, 3-й и 4-й британским армиям 870 орудий и 75.000 человек, не считая убитых и раненых.

ГЛАВА XXXIV.

Германская противотанковая тактика.

С сентября 1916 года и до окончания войны германская противотанковая тактика прошла три фазы. В первой неприятель или не имел противотанковой обороны совсем, или то, что рекомендовалось, было основано на незнании свойств танка. Во второй, изучив несколько, но мало, танки, неприятель полагал, что потребны небольшие усилия и средства для противодействия оружию такой ограниченной сферы действия. В третьей, с августа 1918 г., он был охвачен паникой и переоценил могущество танка; его усилия в области противотанковой обороны сделались лихорадочными и казалось, что он готов принести любую жертву, чтобы побороть это ужасное оружие.

Захваченные документы показывают, что появление танков было настолько же большим сюрпризом для германского генерального штаба, как и для его войск. Правда, некоторые неопределенные слухи ходили, что союзники готовят какое-то новое оружие, но так как подобные случаи были обычным явлением у обеих враждующих сторон, им не придавали особого значения. Несмотря на то, что танки вводились в бой в нескольких случаях между 15-м сентября и 13-м ноября 1916 г. и что неприятель держал в своем распоряжении захваченный вблизи Гедекура танк в течение около двух недель, он составил себе о нем чрезвычайно неточное понятие.

Зимой 1916—1917 года были изданы наставления для противотанковой обороны; они основывались на следующих, совершенно ошибочных положениях:

1) танки сильно зависят от дорог,

2) танки будут приближаться к германским линиям при дневном освещении,

3) пулеметный огонь недействителен по танкам.

Это повело к созданию препятствий на дорогах, в виде рвов, и к действию по танкам дальним артиллерийским огнем, тогда как в это время наиболее действительным средством, которое с успехом могло применяться против танков, были бронебойные пулеметные пули. Что марка I не была безопасна

против этих пуль, было обнаружено только в апреле 1917 года, после неудачи англичан у Бюллекура. Это открытие, однако, принесло мало пользы, так как к следующему сражению у Мессин марка I уже была заменена IV маркой с более сильной броней.

Очевидно, что в течение этого периода германское высшее командование мало думало о танковом вопросе и ему не удалось оценить возможных достижений машины. Опрашивались пленные и на основании полученных от них данных, составлялись грубые наброски, многие смешные до крайности и опубликовывались для ознакомления. Даваемые ими сведения были ложны и вообще все поведение германского генерального штаба за этот период может быть охарактеризовано, как „глупость пополам со смешным".

В 1917 году немцы начали понимать, что главную защиту от танков составляет артиллерия. Большое распространение получил дальний огонь всех типов пушек и гаубиц и несмотря на то, что было произведено несколько танковых атак на рассвете, неприятель напирал на то, что он называл „дальней обороной". Как показал боевой опыт, дальний артиллерийский огонь производил мало эффекта, разве лишь по сломанным машинам. Поняв это отчасти, немцы прибегли к специальным противотанковым пушкам, в среднем—по две на каждый дивизионный участок, установленным в бетонных казематах; кое-где они были усилены захваченными бельгийскими и старыми германскими пушками. Противотанковые пушки принесли мало пользы, так как, хотя ими и было выбито несколько танков в Гленкорском лесу в 1-й день 3-го Ипрского сражения, но обычно они уничтожались нашей ужасной подготовительной бомбардировкой. Любопытно отметить, что в то время, как дальний огонь и специальные орудия не давали желаемых результатов, мало внимания уделялось простейшей форме артиллерийского огня против танков, а именно огню прямой наводкой полевых пушек.

Пехотной противотанковой обороной в 1917 году пренебрегали, и инструкции, касающиеся этого вопроса рекомендовали лишь „не терять головы", предоставив все остальное артиллерии; рекомендовалось применение связок ручных гранат и, хотя не настаивалось на стрельбе разрывными пулями, но и действие разрыва обыкновенных пуль не было оценено ни в малейшей степени.

До сражения у Камбре (в ноябре 1917 года) настоящей защитой от танков служила грязь от артиллерийского огня и дождя. В этом сражении неприятель был застигнут совершенно врасплох, его оборона против танков была поверхностна, но характерной чертой явилось импровизированное пользование несколькими легкими орудиями, которые нанесли танкам тяжелые потери, особенно у Флекьера. В общем,

неприятель понял недействительность своей противотанковой обороны; однако, любопытно отметить, что и теперь он не выказал решительной склонности к принятию огня прямой наводки, как основы этой обороны. Несмотря на вывод из строя значительного числа танков германской батареей под командой одного офицера, что было отмечено в британских донесениях, неприятель все же оставался равнодушным к прямому артиллерийскому огню и вместо того, чтобы хвалить артиллеристов, что сделали мы, он хвалил. Познанские войска, которые выказали решительное сопротивление танкам в Фонтен-Нотр-Дам.

Германская контр-атака 30-го ноября 1917 года, имевшая результатом захват значительного числа танков, кажется совершенно устранила беспокойство, вызванное атакой 20-го числа, так как хотя вопросу противотанковой обороны и было уделено больше внимания, чем это было до сих пор, но практические мероприятия в эту зиму не подвинулись дальше, чем в предшествующую.

Германское наступление весной 1918 года отодвинуло все оборонительные вопросы на задний план. Этот период, однако, дал новое средство,—германское противотанковое ружье.

Впервые это ружье было захвачено 4-го июля в сражении у Хамель; тогда оно имелось лишь в некоторых дивизиях, другие получили его позже. Длина ружья равнялась 5 футам 6 дюймам, а вес 30 фунтам; стреляло оно одиночными выстрелами, бронебойными пулями калибра 5,3 миллим. Оно было слишком бросающимся в глаза и слишком медленным оружием для того, чтобы быть действительным против танков, хотя оно и могло легко пробивать их с расстояния в несколько сот шагов. Его главным недостатком было то, что германский солдат не хотел пользоваться им, не только потому, что он не был обучен этому, но и потому, что он боялся его отдачи, а еще больше самих танков. Сомнительно, чтобы из одного процента противотанковых ружей захваченных в наших танковых атаках, было произведено хотя бы по одному выстрелу.

Французская контр-атака между Марной у Эном в июле и последовавшие за ней в августе британские победы у Амьена и Бапома, поразили германский генеральный штаб, как гром с ясного неба, и в отношении танков был сделан полный volte face. Издаваемые инструкции отводили противотанковой обороне первое место в каждом проекте; глаза генерала Людендорфа, наконец, открылись и, поняв серьезность танковой проблемы, он писал 22-го июля следующее:

„Наибольшее внимание должно быть уделено поражению танков,—наши предшествовавшие успехи против танков повели к некоторому презрению к этому оружию. Мы должны, однако, считаться теперь с более опасными танками".

Это — более разумный документ, чем изданные впоследствии начальником германского генерального штаба. Людендорф теперь ясно понял, что противотанковой обороной пренебрегали; он, вероятно, понял также, что не легко было об'яснить это пренебрежение армии и обществу, которые вследствие неудач, стали относиться более критически к своим вождям, чем это было когда-либо раньше.

Не ясно, однако, понимал ли Людендорф еще большую серьезность танковой проблемы, а именно, что теперь было слишком поздно, чтобы организовать действительную оборону против „более опасных танков". Такая оборона могла быть организована до появления этих танков в значительном количестве, теперь же она могла быть создана лишь при условии, чтобы давление, производимое союзниками, прекратилось, а это было невозможно, потому что движущей силой этого давления был танк.

Предпринятые германским генеральным штабом шаги для поражения танков представляются интересными. К штабам армейских корпусных, дивизионных и бригадных групп были назначены специальные офицеры, единственной обязанностью которых была организация противотанковой обороны в этих соединениях. Признали, наконец, легкую пушку наиболее действительным, из имеющихся, противотанковым оружием.

Оборона им была организована следующим образом:

1) Несколько выдвинутых, до поры до времени не стреляющих пушек в каждом дивизионном участке служили передовыми пушками.

2) Взводам от резервных батарей были назначены определенные участки. В случае производства танковой атаки, они должны были скакать вперед и поражать каждый танк, который появлялся на их участке. Эти взводы служили основой германской противотанковой обороны.

3) Всем батареям (включая гаубицы) приказано было занимать позиции, с которых они могли бы поражать танки прямым огнем.

Наиболее действительной дистанцией для этой цели признавали сначала около 1.000, а затем ее уменьшили до 500 ярдов.

Батареи, указанные в пунктах 1-м и 2-м, должны были употребляться только для противотанковой работы, батареи же пункта 3-го, вообще, выполняли другие задачи, но в случае танковой атаки, поражение танков становилось их главной задачей.

Обязанностью же пехоты все еще оставалось „не терять головы" или „сохранять спокойствие", т.-е. действия, которые германскому главному командованию в этот период нельзя было достичь раз имелись на-лицо танки. Другие приказы указывали, что, в случае танковой атаки, „пехота должна отходить на фланг". Как это должно выполняться в случае танковой атаки на фронте в 20—30 миль—об'яснено не было.

Бронебойным пулям больше не доверяли, но любопытно, что эффект разрыва, как средство ослепления танка, вряд ли еще надлежаще оценивался и это после двух лет танковой войны.

Так как искусственные препятствия оказались мало надежными, то с конца июля, когда немцы отошли за реки Анкр и Авр и до подписания перемирия, принимались все меры для использования линий рек, как защиты против танков. Препятствия на дорогах и эстакады были еще в употреблении, хотя, будучи препятствием для броневиков, они не представляли такового для танков.

На устройство минных полей было затрачено большое количество труда и взрывчатых веществ. Сначала употребляли специальные мины в виде плоских коробок, впоследствии их заменили снарядами. Недостаток времени помешал, однако, противнику развить достаточно большие минные поля, чтобы добиться ощутительных результатов.

Идея комбинирования различных видов противотанковых мероприятий, управление которыми сосредоточивалось бы в одних руках, т.-е. образование своего рода противотанкового форта, было развито на бумаге и только в очень малом числе случаев применено на практике. Идея, несомненно, здравая и, хорошо сочетаясь с естественными препятствиями, она дала бы при средствах, которыми располагал противник, наилучшие результаты.

Противотанковый форт должен был состоять из 4-х полевых пушек, 2-х минометов с пологой траекторией, 4-х противотанковых ружей и 2-х пулеметов, стреляющих бронебойными пулями. Форт должен был располагаться в нескольких тысячах шагов позади передовых орудий и вблизи главной линии обороны.

В течение последних двух лет войны случайные, добытые немцами в борьбе с танками, успехи были обычно обязаны следующим обстоятельствам:

1) Пользованию танками свыше допускаемых их конструкцией пределов.

2) Заминке или неудаче в выполнении плана атаки.

3) Проявлению исключительного присутствия духа, инициативы и храбрости со стороны некоторых отдельных германских солдат.

Вообще говоря, основным тоном всей германской противотанковой обороны был недостаток предвидения, вследствие чего возможность развития танка не учитывалась. Среди очень большого числа захваченных приказов, касающихся противотанковой обороны, нет ни одного, где бы можно было найти указания на возможность появления более совершенного типа. Германскому генеральному штабу не хватало воображения и способности оценить значение оружия, которое не было об'яснено ему в школе; устарелость взглядов туманила предвидение.

ГЛАВА XXXV.

Сражения у Эпеи и Камбре—Сен-Кентена.

4-го сентября все танковые бригады были взяты из армий и назначены в резерв главного командования для реорганизации и приведения в порядок частей. Когда это было исполнено, то они имели следующий состав:

1-я танковая бригада:	7-й батальон.	Марка IV.
	11-й „	Марка V со звездой.
	12-й „	Марка IV.
	15-й „	Марка V со звездой.
2-я танковая бригада:	10-й „	Марка V.
	14-й „	Марка V.
3-я танковая бригада:	3-й „	Средний А.
	6-й „	Средний А.
	9-й „	Марка V.
	17-й „	Броневики.
4-я танковая бригада:	1-й „	Марка V.
	4-й „	Марка V.
	5-й „	Марка V.
301-й американский батальон		Марка V со звездой.
5-я танковая бригада:	2-й „	Марка V.
	8-й „	Марка V.
	13-й „	Марка V.

В 7 часов утра 17-го сентября, в проливной дождь, 4-я и 3-я армии, атакуя на фронте в 17 миль от Ольнон до Гузокура, начали сражение у Эпеи, 1-я же французская армия действовала к югу от Ольнон.

18 сентября 4-я и 5-я танковые бригады были взяты из резерва главнокомандующего и приданы к 4-й армии, 2-й же таковой батальон был переведен в эту армию 13-го сентября.

В этот день сражение у Эпеи продолжалось на фронте в 7000 ярдов от Эпеи до Виллере. В атаке этого дня 20 тан-

ков 2-го батальона помогали III-му, австралийскому и IX корпусам. На фронте III корпуса встретились с сильным пулеметным огнем, который был подавлен и много пулеметов было уничтожено. На фронте IX-го корпуса продвижение было медленным, австралийцы же, не встречая большого сопротивления, захватили Ронсуа и Аржикур.

После двухдневного отдыха, атака возобновилась 21-го числа и 9 танков 2-го батальона действовали на фронте III-го корпуса против ферм Кнолль и Гийемон. Две из этих машин везли вперед пехоту, но, вследствие жестокого пулеметного огня, не было возможности высадить ее. В этот день неприятель оказывал наиболее упорное сопротивление и введенных в бой танков оказалось недостаточно для приведения к молчанию его пулеметов.

Последовали еще два дня отдыха и атака возобновилась на фронте IX-го корпуса против Френой ле-Пти и Четырехсторонника, в ней 19 машин 13 го батальона атаковали совместно с 1-й и 6-ой дивизиями. В этот день настолько сильна была газовая завеса, что некоторые из команд танков принуждены были носить респираторы более двух часов. Несмотря на то, что неприятель был силен, 18 машин помогли пехоте. Так закончилось сражение у Эпеи и хотя продвижение было небольшим, однако, было захвачено около 12.000 пленных и 100 орудий.

Теперь было приступлено к подготовке большой атаки против позиции Гинденбурга и ее вспомогательных линий обороны, каковые вместе взятые составляли укрепленную полосу, простиравшуюся в глубину от 8.000 до 16.000 ярдов и в большей своей части снабженную сильными проволочными заграждениями. Эта атака вызвала новую спешную реорганизацию танковых батальонов, закончившуюся 26-го сентября, когда боевой состав бригад был следующим:

1-я танковая бригада: Штаб в Биюкур	7-й батальон	Марка IV . . Бюллекур.
	11-й „	Марка V со звездой . Баратр.
	12-й „	Марка IV . . запад. Рюйолькура.
	1-я танковая рота снабж.	. южнее Велю.
	2-я рота для перевозки орудий	. . . Банкур.
2-я танковая бригада: Штаб в Гомикур	10-й батальон	Марка V со звездой . Оши-ле-Эден.
	14-й „	Марка V . . . лагерь Виннипег.
	15-й „	Марка V со звездой . Эрми.
	2-я танковая рота снабжения	. . . Томикур.
	1-я рота для перевозки орудий	. . . Северо-зап. Врокура.

3-я танковая бригада: Штаб в Барлё.	5-й батальон	Марка V . . Вост. Картиньи.
	6-й „	Средний А. . Южн. Тэнкура.
	9-й „	Марка V . . Южн. Тэнкура.
	3-я танковая рота снабжения	Южн. Тэнкура.
4-я танковая бригада: Штаб в Тампль-ля-Фосс.	1-й батальон	Марка V . . Мананкур.
	4-й „	Марка V . . Южн. Мананкура.
	301-й америк. батальон.	Марка V со звездой . Южн. Мананкура.
	4-я танковая рота снабжения	Южн. Мананкура.
5-я танковая бригада: Штаб в Буа-де Бюир.	2-й батальон	Марка V . . Сюзанн.
	3-й „	Средний А. . Южн. Руазель.
	8-й „	Марка V . . Южн. Тэнкура.
	13-й „	Марка V . . Южн. Тенкура.
	16-й „	Марка V со звездой . Южн. Тэнкура.
	17-й „	Броневики . Бюир.
	5-я танковая рота снабжения	Южн. Тэнкура.

Быстрота, с которой были произведены эти изменения, несколько месяцев тому назад сбила бы с толку как штаб корпуса танков, так и бригадных и батальонных командиров; теперь же приобрели сноровку в быстрых перегруппировках, и хотя и требовалась большая работа при таких реорганизациях, но они обыкновенно выполнялись во-время и исправно.

27 сентября на фронте в 16 миль началось большое наступление, охватывавшее 1, 3 и 4 армии. Поле сражения разделялось на два главных участка: к северу, между р. Сансе и Гузокуром, участок 1 и 3 армий, имевших задачей захват Бурлонской возвышенности; и к югу участок 4 армии, имевшей задачей захват Кнолля, фермы Гийемон и фермы Кеннемон.

К востоку от 1 армии находился северный канал, представляющий громадное препятствие для танков, не взирая на то, что он был незакончен постройкой и был сухой. Этот канал имел ширину по низу от 36 до 50 фут. и глубину в 12 фут., откосы же его берегов были во многих местах крутые; неприятель, подозревая, очевидно, что танки будут пытаться перейти через него, местами, между Мевром и Инши, эскарпировал восточный берег на высоту 9 фут и на длину нескольких сот шагов, надо думать, для того, чтобы сделать на некоторое время такой переход невозможным. На участке Макион—Бурлон было сделано мало противотанковых приготовлений, вероятно на том основании, что сам канал представлял значительное препятствие, на участке же Бокамп

противотанковые мероприятия были исключительно развиты и здесь было установлено на позиции много противотанковых ружей.

16 танков 7 батальона, все IV марки, из которых некоторые сражались почти на той же местности в ноябре 1917 года, были приданы для совместных действий канадскому корпусу. Несмотря на громадный, лежавший перед их фронтом ров, 15 танков перешли северный канал вблизи Мевра и атаковали деревню Бурлон и западную опушку Бурлонского леса. Из этих 15 машин было выведено из строя только 3: одна — миной, заложенной на дороге через брешь в канале и две — батареей вблизи холма Делиньи.

На фронте 3 армии корпуса были расположены, считая с севера на юг, в следующем порядке: XVII, VI, IV и V.

26 танков 15 батальона действовали с XVII корпусом к югу от Бурлонского леса и с VI корпусом против Флекьер и Преми-Шапель. Здесь прекрасно справились с переходом через канал, и хотя для многих танков потребовалась не одна к тому попытка, все же 9-футовую стену они успешно одолели. Эта атака была чрезвычайно успешна, несмотря на то, что танки понесли тяжелые потери: из 26 действовавших машин 11 были выбиты на последней цели. На фронте IV корпуса 12 машин 11 батальона атаковали между Гузокуром и Треколь; эта атака имела, однако, только частичный успех.

На фронте 4 армии 27 американская дивизия, поддержанная 12 танками 4 танкового батальона, выполнила подготовительную атаку на фермы Кнолль, Гийемон и Кеннемон, с целью продвинуть передовую линию и иметь лучшее исходное положение для большой атаки 29 числа. Германские войска, оборонявшие этот участок фронта, оказались вполне надежными и управляемыми войсками, и несмотря на то, что что танки и пехота достигли своих об'ектов действий, они были контр-атакой отогнаны назад и к началу атаки 29-го положение нашей передовой линии было очень неопределенным.

28 сентября была произведена малая местная атака против Районкура и Сент-Олля; атака была вполне успешна и в ней принимали участие 6 танков 7 батальона.

На следующий день 7 танков 11 батальона, совместно с V корпусом, захватили Гоннелье и Виллер Гислен, несмотря на упорное сопротивление врага.

На фронте 4 армии 29 сентября произошло большое сражение значительной важности, в котором участвовало 175 танков. Целью сражения было форсирование позиции Гинденбурга между Белленглиз и Вандюиль. Вдоль этого фронта идет Сен-Кентенский канал, и так как между Белликуром и Вандюилем этот канал проходит тонелем под поверхностью земли, то он давал германским войскам этого участка

хорошие, подземные убежища. Операции на этом участке составляли предмет тщательного изучения их штабом корпуса танков, как во Франции, так и в Англии, начиная с лета 1917 года, так как этот тонель и более короткий. находящийся к северу от Сен-Кентена, представляют единственные, проходимые для танков, переходы через канал. Конечно, вполне понимали, что неприятель окажет наиболее упорное сопротивление для обеспечения обладания этими тонелями, так как, в случае их захвата, вся позиция Гинденбурга, как к северу, так и к югу была бы в опасном положении.

Атака должна была быть выполненной четырьмя корпусами: IX на правом фланге, американским и австралийским в центре и III на левом фланге.

Американский корпус должен был захватить первый об'ект действий, сильно укрепленную систему к востоку от Бони; австралийский пройти через сделанную брешь, а американский последовать за ним и развить успех к северу и к югу; IX корпус, под прикрытием южного крыла, развивать успех американских сил, очистить западный берег Сен-Кентенского канала, в то время, как III корпус должен был продвигаться вперед с левым флангом американского корпуса.

Танки были распределены между корпусами следующим образом:

3 танковая бригада, в составе 5, 6 и 9 батальонов, придана IX корпусу.

4 танковая бригада, в составе 1, 4 и 301 американского батальонов, придана к австралийскому корпусу.

5 танковая бригада в составе 8, 13 и 16 батальонов, назначена в армейский резерв.

301 американский батальон был придан 27 американской дивизии.

Густой туман покрывал местность, когда, в 5 часов 50 минут утра, танки двинулись вперед. Необходимо помнить, что положение против Кнолля и ферм Гийемон и Кеннемон оставалось совершенно невыясненным. Эта атака, назначенная для прорыва хорошо расположенной и сильно укрепленной позиции Гинденбурга, необходимо должна была представлять собой законченное целое, в котором об'екты действий, распределение танков и пр. должны были быть разработаны заранее. План операции был основан на предположении, что линия Кнолль—ферма Гийемон—ферма Кеннемон будет служить исходной линией. Сопротивление, оказанное неприятелем на этом участке, было гораздо сильнее обычного и в результате к началу атаки вышеуказанная линия находилась в германских руках. В виду этого, являлся вопрос: изменять ли спешно программу действий артиллерии или оставить ее так, как она была намечена. Для избежания замешательства

остановились на последнем решении, причем атакующие войска должны были начать атаку на значительном удалении от заградительного огня. Ход боя показал, что поставленная американцам задача была слишком трудна, хотя они с большой храбростью бросились вперед и многие из них буквально прокладывали себе силой путь через германские укрепления. Большинство же, однако, было скошено исключительным по силе, направленным на них пулеметным огнем и атака потерпела неудачу.

Между тем, 301 американский танковый батальон постигло бедствие: продвигаясь вперед от Ронсоя, он зашел на старое, заложенное в феврале прошлого года, к западу от фермы Гийемон, британское минное поле; 10 машин были взорваны и только двум удалось помогать пехоте. Это минное поле состояло из зарытых рядами 2-х дюймовых бомб окопных мортир, причем каждая содержала 50 фунтов аммонала; взрывы были ужасны, во многих машинах была совершенно оторвана нижняя часть и команды почти всех танков понесли очень тяжелые потери.

На юге танки 4 и 5 бригад очистили Норой и Белликур и прорвались через позицию Гинденбурга. Туман начал рассеиваться и вследствие неудачи северной атаки, атаковавшие здесь войска были в тактическом отношении поставлены в опасное положение, ибо неприятель мог стрелять им в тыл. Несколько танков, приданных для действий по дальнейшим целям, оценив серьезность положения, пошли в бой по своей инициативе без поддержки, как артиллерии, так и пехоты. Их отважный поступок, несомненно, избавил пехоту от тяжелых потерь, но сами они сильно пострадали.

Атака IX корпуса на правом фланге была выполнена успешно; в первом же натиске 46 дивизия прекрасно выполнила переход через канал и захватила Маньи и Этрикур с 4000 пленных. Танки, действовавшие с этим корпусом, не могли перейти вместе с войсками, которые переправлялись вброд и вплавь, а направлялись на Белликур, выполнив трудный марш в густом тумане. Здесь они свернули на юг, и идя берегом канала, во-время подоспели для участия в захвате Маньи. Во время этого боя неприятельский артиллерийский огонь оказался очень метким, чего, однако, и следовало ожидать, так как это был уже третий танковый штурм позиции Кнолль—Гийемон—Кеннемон и германские артиллеристы напрактиковались в обороне этого участка.

На следующий день 18 танков 13 батальона действовали против позиций Гинденбурга, у Норой и ле-Кателе, но, по недоразумению, пехота не последовала за ними и естественно операция многого не дала.

На фронте 1 армии 6 танков 9 батальона действовали совместно с 3 и 4 канадскими дивизиями против Кювиллера,

Блекура и Тиллуа: они перешли через дорогу Дуэ—Камбре вблизи Санкура и много помогли пехоте, преодолевая упорное сопротивление пулеметчиков, с которыми встречались в течение всей атаки. На следующий день другие танки того же батальона помогли 32 дивизии в занятии Фонсоммской позиции к востоку от Жонкура. Во время этого боя танками применялись дымовые облака для сокрытия их приближения от германских артиллеристов; эта мера оказалась очень успешной и несомненно уменьшила потери от артиллерийского огня. С одним из танков произошел интересный случай: дымовая бомба разорвалась на его крыше и так как дым втягивался во внутрь, то команда должна была покинуть танк. Командир танка, потушивший огонь, не мог найти своей команды, и так как время было дорого, он вошел в танк и продолжал продвижение один; на своем пути он посадил к себе одного офицера и двух нижних чинов Манчестерского полка, вслед за чем танк пошел в бой против одного пулеметного гнезда. Так как импровизированная команда не знала пулемета Гочкиса, то постоянно происходили недоразумения и командир танка должен был оставлять место шоффера и направлять дело. Вскоре затем подобрали оставшуюся без дела команду и тогда командир танка сначала высадил в укрытом месте своих новых боевых товарищей, а затем продолжал свое дело.

3 октября была произведена атака против фронта Секарт—Бони, в которой приняли участие 60 машин 5 танковой бригады, оказавшие большую пользу 32 и 46 дивизиям. Секарт, также как Рамикур и лесные насаждения Дуна, были очищены, но Монбреэн остался в руках неприятеля.

4 числа 3 танковый батальон был переведен из 5 в 3 танковую бригаду, а день спустя 16 танковый батальон из 5 в 4 танковую бригаду. 8, 9 и 13 батальоны были оттянуты в резерв главной квартиры. Первый период сражения Камбре—Сен-Кентен начался 5 числа неудачной попыткой захватить Боревуар; в этой атаке 6 танков 4 танкового батальона помогали 25 дивизии, но так как дивизия эта не была обучена работе с танками, то взаимодействие было недостаточным. Эта неудача была отчасти исправлена блестяще выполненной атакой австралийцев, поддержанных 12 танками 16 батальона, против Монбреэна. Так как эта деревня упорно оборонялась противником, то явилась возможность поражать неприятеля с близких дистанций картечным огнем из 6 фунтовых орудий. Взаимодействие было образцовое, как это всегда бывало, после сражения у Хамеля, при действии танков с австралийским корпусом и командиры танков постоянно выходили из танков для переговоров с пехотой.

Второй период сражения Камбре-Сен-Кентен начался утром 8-го октября на фронте в 18 миль и сопровождался успехом.

Всего участвовало 82 танка, распределенные следующим образом:

1-я танковая бригада: 12 батальон.—1 рота с IV корпусом.
„ „ „ „ 1 „ „ VI „
„ „ „ „ 1 „ „ XVIII „
„ „ „ 11 „ „ V „
4-я танковая бригада: 1 „ „ XIII „
„ „ „ 301-й американск. батальон с II-м америк. корп.
3-я танковая бригада: 3 батальон. с II американским корпусом.
„ „ 6 „ IX корпусом.

Атаки, выполненные 12-м танковым батальоном на фронте Нирньи—Ля Таржетт, были успешны и пехота постоянно свидетельствовала оказанную ей этим батальоном помощь. Здесь произошла интересная встреча танков, так как неприятель, ведший контр-атаку со стороны Авуан, ввел в бой 4 захваченных британских танка, одного самца и трех самок. С этой контр-атакой скоро справились: ренегат самец был выбит снарядом 6-ти фунтового орудия, выпущенным одним из наших танков, одна самка была выведена из строя снарядом, выпущенным танковым взводным командиром из захваченной германской полевой пушки и две оставшиеся самки бежали при приближении одной из наших машин того же пола. Итак, вторая встреча танков закончилась для нас так же успешно, как и первая, которая, если помнит читатель, произошла 24 апреля 1918 года вблизи деревни Каши.

Другие боевые действия этого дня вкратце сводились к следующему.

Одна рота 11-го батальона помогала 32-й дивизии против Виллер-Утро, другая рота действовала совместно с 21-й дивизией, а третья с 38-й. Эта последняя рота оказала большую помощь, так как пехота была задержана широким поясом проволочных заграждений, которые она не могла пройти до тех пор, пока танки не проложили через него прохода. 6-й танковый батальон, действуя со II-м американским корпусом, выполнил свою задачу, и одна из его машин вывела из строя в лесу Фрекур три батареи полевых пушек, 3-й батальон вошел в бой в окрестностях Серэна. Эта деревня упорно оборонялась, так как под ее защитой неприятель совершал свой отход.

9-го октября атака продолжалась по всему фронту, и 8 танков 4-го батальона вошли в бой к востоку от Премена, а 17-й батальон броневиков действовал при кавалерийском корпусе вокруг Моруа и Оннеши. Два дня спустя, 11-го числа, 5 танков 5-го батальона действовали с 6-й дивизией к северу от леса Ригерваль; это было последним боевым действием танков в этом сражении.

Сражение Камбре-Сен-Кентен окончилось. Позиция Гинденбурга перестала существовать, как препятствие. Она была

прорвана приблизительно на фронте в 30 миль; на этом участке было достигнуто продвижение до 20 миль и последние 14 дней было захвачено не менее 630 орудий и 48000 пленных. Результат этого большого сражения, в связи с успехами французов на юге и операциями на севере, к востоку от Ипра и вокруг Куртре, выполненными британскими, французскими и бельгийскими войсками, сказался в отступлении германских войск в районе Рубэ, Лилля и Дуэ, а вместе с этим отступлением все британские силы во Франции от Менэна до Боэна, в 7 милях к северо-западу от Гиза, перешли к маневренной войне; перед ними простиралась открытая местность, не изрезанная окопами, не опутанная проволокой. Настал период эксплоатации успеха,—тот период, к достижению которого сводились все наши усилия в течение 4-х лет самой отчаянной и неумолимой из войн истории.

Принимая во внимание относительную слабость британской армии, время года и характер боев, должно признать, что пехота Англии и ее колоний, прорвавшись столь глубоко, выполнила замечательную операцию. Продолжать быстрое преследование врага было вне ее сил, так как германская армия, хотя и была разбита, но не была еще сломлена. Нельзя также было рассчитывать, чтобы кавалерия могла выполнить эту задачу, ибо германские арьергарды располагали многими тысячами пулеметов, а пока это оружие существовало, то преследование, о котором мечтала кавалерии, было невозможно. Только одно оружие могло превратить поражение в разгром, это—танк, но мало их оставалось. С 8-го августа танковыми батальонами было сдано 819 пришедших в полную негодность машин и сами батальоны потеряли в своем личном составе 550 офицеров и 2557 прочих чинов,—число небольшое, если сопоставить его с числом боев, в корых принимал участие корпус, но, однако, все же тяжелая потеря при полном его составе в 1500 офицеров и 8000 прочих чинов. Если бы было возможно в этот критический момент выставить в поле две свежих бригады средних танков, стоимость которых приблизительно равнялась бы 1500000 ф. стерл., т.-е. одной пятой стоимости дня войны, то величайшая из войн всей истории окончилась бы вблизи Ватерлоо решительной победой с одной стороны и безусловной сдачей или непоправимым разгромом с другой.

ГЛАВА XXXVI.

Корпус танков Северо-Американских Соединенных Штатов.

2-го апреля 1917 года Северо-Американские Соединенные Штаты вступили в великую войну. До этого дня танками было выполнено немногое. Британские машины принимали участие в сражениях на Сомме и Анкре, а первые французские танки появились на полигоне в октябре 1916 года. В июне 1917 года подполковнику Паркеру было поручено исследование военной ценности танков и в следующем месяце он представил свое заключение по данному вопросу в оперативную секцию пехотного комитета комиссии полковника Бекера. Донесение подполковника Паркера полезно прочесть, оно не только мужественно, но и умно. Очень жаль, что ему не последовали более полно. Ниже приводим выдержку из этого донесения.

„1. Брешь в 30 килом. шириной через всю глубину германской системы достаточна для обнажения коммуникационной линии для фланговой атаки.

Этот прорыв должен быть достаточно широк, чтобы обеспечить прохождение частей с более легким вооружением,—дивизионные пулеметные роты могут следовать за танками, потому что танки проложат им путь.

Волна пулеметов—дивизионные роты—должна свернуть вправо и влево и быть поддержанной второй линией танков для уширения бреши. За волной пулеметов должна следовать кавалерия, как только брешь будет пробита насквозь; эта кавалерия должна во что бы то ни стало поражать коммуникационные линии. Возможно, что мотоциклисты лучше приспособлены для такого использования, но я верю в кавалерию. Вслед за этим надо возможно скорее поддержать ее на машинах пехотой и пулеметами.

„2. Задача сводится к прохождению дефиле, нисколько не больше. Она подобна форсированию горного прохода, где стороны заняты неприятелем, который может обстреливать проход. Проход этот имеет около 30 кил. длиной, и нам необходимо иметь что-нибудь, что могло бы пройти насквозь. Затем повернуться в стороны и расширить прорыв. Для прикрытия штурма необходимо наступать на фронт в 100 кил.

Это старый „летающий клин“ футбола, проходящий через отверстие в линии. Танки играют роль „линейных баккеров“, которые пробивают отверстие, дивизионные пулеметные роты помогают им, а кавалерия прогонит мяч, коль скоро отверстие открыто, т.-е. пройдет сквозь и будет действовать по коммуникационным линиям.

„3. Операция развивается следующим образом:

а) туча аэропланов атаки на большой высоте очищает воздушный район;

h) туча разведывательных аэропланов на низких полетах, как раз перед фронтом линии танков, сбрасывает бомбы и стреляет из пулеметов по окопам;

c) наша дальнобойная артиллерия заставляет молчать германскую артиллерию;

d) наша легкая артиллерия заграждает фронт и препятствует немцам выйти из их передовых линий,

e) наши подвижные пулеметы, следуя шаг за шагом за танками в расстоянии 500 ярдов, прикрывают их огнем, как балдахином

f) наши дивизионные пулеметные роты входят в отверстие за танками, расширяя брешь;

g) наша кавалерия проходит через отверстие, коль скоро оно открыто и, врываясь, действует подобно Стюарту вокруг армии Мак-Клеллана. Она принесена в жертву? Конечно, но достигнув результатов достойных ее;

h) пехота на грузовиках следует с наибольшей допускаемой скоростью для поддержания успеха и обеспечения нашего закрепления;

i) артиллерия в танках или на грузовиках следует с возможной быстротой.

Я верю, что такой план должен принести успех. Фриц не имеет средств для принятия такого плана. Мы имеем, мы обязаны выполнить его и, поскольку дело идет о подготовке материальной части, нужно делать это теперь же. Для подготовки потребно время".

Незадолго до этого донесения полковник Рокенбах, предназначенный к командованию американским корпусом танков, высадился во Франции и проследовал с генералом Першингом в Шомон, главную квартиру северо-американской армии. 23 сентября 1917 года был принят проект штатов корпуса танков. Корпус должен был состоять из 5 тяжелых и 20 легких батальонов, с соответствующими штабами, складами и мастерскими, в Соединенных Штатах же устраивался центр обучения в составе 2-х тяжелых и 5-ти легких запасных батальонов. В мае 1918 года штаты корпуса были расширены до 15 бригад, из одного тяжелого и двух легких батальонов каждая, при чем первые должны были иметь на вооружении танки VIII-й марки, а последние—танки Рено.

Тогда же была разработана громадная строительная программа, как для танков VIII-й марки, так и для танков Рено и, однако, несмотря на это, 11-го ноября 1918 года, т.-е. спустя год и 7 месяцев после вступления Америки в войну, во Франции находилось только около 20 разнообразных, построенных в Америке, машин. Проявленная американцами медлительность в постройке танков особенно бросается в глаза, если вспомнить, что прошел такой же период времени между появлением первого наброска британского танка I-й марки, в феврале 1915 года, и выгрузкой этой машины во Франции в августе 1916 года.

В результате недостатка машин в американском корпусе танков, сделавшего невозможным обучение его личного состава на родине, в начале 1918-го года были открыты два центра обучения—один британский танковый в Бовингтоне и другой в Бурге, в департаменте Верхней Марны, где велось обучение французами. История частей, обученных в этих двух центрах, будет рассмотрена раздельно.

В феврале 1918 года 500 волонтеров из различных родов войск американской армии были собраны для обучения в Бурге. 27 марта было взято у французов 10 машин Рено, другие же 15 машин прибыли в Бург в июне. В августе прибыли 144 танка Рено и, немедленно же сформированные 2 легких батальона под начальством полковника Паттена, были отправлены по железной дороге в район Сен-Мьеля, где они действовали с 1-й американской армией при атаке известного выступа 12-го сентября.

С точки зрения участия танков, атака была крайне неудачна. От головной железнодорожной станции до сборного пункта танки прошли 200 километров, но в первый день атаки, в виду трудных местных условий, на хорошо укрепленной позиции, все время им не удавалось догонять пехоту. Последняя быстро продвигалась вперед, потому что, как известно, в виду частичной эвакуации к этому дню выступа, противник оказывал лишь слабое сопротивление. В виду недостатка бензина, танки не приняли участия на 2-й день боя, а в третий день они, кажется, вошли в соприкосновение с противником только в одном месте, где и захватили некоторое число пленных. На следующий день оба батальона были оттянуты, не понеся потерь и оставив только три испортившихся или сломавшихся машины. В следующий раз американские танки появляются в Аргоннах, где они сражались бок-о-бок с французскими танковыми частями. Воспользовавшись своим предшествовавшим опытом, 2 американских батальона помогли пехоте, хотя они никогда не встречались с ней на учебном поле.

В первый день аргонской атаки, 26-го сентября, было предположено держать резерв танков для операций последующего дня, но в виду того, что пехота была задержана, их ввели в атаку около полудня.

С этого числа до 13 октября эти батальоны постоянно назначались в распоряжение пехотного командования, но их редко вызывали для активного участия в операциях. Часто они проходили много миль, изнашивая свои полотна и машины без достижения большого результата, или же ими пользовались для самостоятельного выполнения рекогносцировок и атак тех позиций, захватить которые пехоте не удалось.

13 октября остатки этих двух батальонов были оттянуты и из них была сформирована временная рота, которая сопровождала продвижение американских сил до прекращения враждебных действий 11-го ноября 1918 года.

301-й американский тяжелый танковый батальон прибыл в Вуль 10-го апреля и продолжал обучение под британским руководством до 24-го августа, когда он погрузился для отправки во Францию. Вскоре после своего прибытия он был прикомандирован к 1-й британской танковой бригаде.

29-го сентября 301-й американский танковый батальон принял участие в важной атаке 27-й и 30-й американских дивизий против участка позиции Гинденбурга к востоку от Белликурского тоннеля. Атака началась в 5 часов 50 минут утра в густом тумане и, хотя 30-я дивизия достигла Белликурского тоннеля в назначенное время, 27-я дивизия была задержана на своем левом фланге. На фронте последней дивизии только одному танку удалось перейти тоннель, остальные же вышли на старое британское минное поле, как это уже было описано в главе XXXV. Из 34 танков, которые приняли участие в этой атаке, на сборном пункте после боя оказалось лишь 10.

8-го октября, когда 4-я армия возобновила наступление, 301-й батальон был придан II-му американскому корпусу, который атаковал позицию приблизительно в 3000 ярдов к северо-западу от Бранкура, имея вправо от себя IX-й британский корпус, а влево XIII-й. Эта атака была вполне успешна; 301-й батальон проложил путь прямо к своей последней цели, оказывая очень большую помощь пехоте, которая работала в тесной с ним связи.

Особенно большой вред нанес врагу один танк: при продвижении ему представилась возможность стрелять из обоих 6-фунтовых орудий по железнодорожной выемке между Боревуаром и Монбреэном, где полотно оказалось усеянным телами убитых немцев.

Девять дней спустя, 17-го числа, атака продолжалась и 301-й батальон опять был прикомандирован ко II-му американскому корпусу, об'ектом действия которого была позиция, расположенная к западу от Бюзиньи—восточная опушка Ля Саблиерского леса (к югу от Бюзиньи)—к западу от Баэна. В этой операции переправа через реку Селль, к югу от Сен-Супле, представляла весьма трудную задачу, так как река протекала в нейтральной зоне; однако, при посредстве низко летавших аэропланов, была выполнена рекогносцировка и ночная работа патрулей, были выбраны места переправ и в день атаки 19 танков из 20, принимавших участие, успешно переправились через поток.

Следующая и последняя атака, выполненная за время войны 301-м батальоном, произошла 23-го октября, когда его 9 танков помогали 6-й и 1-й британским дивизиям в атаке в окрестностях Базюэля и к юго-востоку от ле-Като. Эта атака была частью операции 4-й армии, об'ектами действия которой была возвышенность, командующая каналом Самбры и Уазы, между Катильоном и Буа-Левен и деревни Фонтэн-о-Буа, Роберсар и Бузи.

Все 9 танков двинулись в нуль часов позади заградительного огня и из донесения наблюдателя, видевшего эти машины в бою, следует, что ими была очищена вся местность до до-

роги Базюэль-Катильон. Встретились с очень небольшим сопротивлением, но несмотря на это, в виду плохой видимости в закрытой местности, пехота медленно следовала за танками и последним стоило большого труда поддерживать с ней связь. Тем не менее, все командиры пехотных частей выразили свое полное удовлетворение выполненной танками работой, которая состояла, главным образом, в уничтожении сопротивления опорных пунктов и проложении проходов через заграждения. Все танки после боя собрались на сборном пункте; исключая 5 человек, легко отравленных газами, не было потерь. Атака этого дня была хорошим завершением короткой, но несомненно отважной карьеры 301-го американского танкового батальона.

ГЛАВА XXXVII.

Сражение на реке Селль и у Мобежа.

12-го октября 3-й, 4-й, 5-й, 7-й и 15-й батальоны были оттянуты и помещены в резерв главной квартиры, а на следующий день 6-й батальон был переведен в 4-ю танковую бригаду; тем временем, отступавший неприятель пытался образовать новую оборонительную линию на восточном берегу р. Селль.

На этом фронте 4-я и 1-я французская армии атаковали 17-го октября к югу от ле-Като до Во-Андиньи, на протяжении около 12 миль. Только 4-я танковая бригада была в бою; её батальоны были распределены следующим образом:

1-й танковый батальон придан IX-му корпусу на правом фланге.
301-й американский батальон „ II-му американскому корпусу в центре.
16-й танковый батальон „ XII-му корпусу на левом фланге.
6-й танковый батальон был оставлен в резерве 4-й армии.

Главным препятствием была река Селль, течение которой приблизительно совпадало с исходной линией в нейтральной зоне, а следовательно, рекогносцировка ее была до крайности затруднена. Несмотря на это, в ночное время были сделаны промеры реки, обнаружившие, что местами она была запружена с целью затруднить переправу танков.

Рано утром 17-го октября было настолько туманно, что танки должны были двинуться в начале атаки (5 часов 30 минут утра) по указаниям компаса.

Каждая из принимавших участие 48 машин несла плетеную корзину, которая, будучи сброшена в р. Селль к северу от Сен-Супле и в Молэн, послужила для безопасной переправы через реку 1-го и 16-го батальонов и 301-го американского батальона.

Оказанное неприятелем сопротивление не было велико, так как германцы, повидимому, считали наводненную реку надежным препятствием для танков. Три дня спустя 3-я армия атаковала между ле-Като и каналом Шельды, при чем 4 танка

11-го батальона действовали совместно с V-м корпусом против Невильи и Амерваль. Опять главным препятствием была переправа через р. Селль: она была успешно произведена по подводному мосту из шпал, построенному саперами в ночное время; так как он был под водой, то неприятель не замечал его днем. Атака была вполне успешна, все 4 танка перешли реку и достигли своих намеченных целей.

Около середины октября 2-я танковая бригада была переформирована и в нее вошли следующие батальоны: 6-й, 9-й, 10-й, 14-й и 301-й американский. Во всех этих частях был некомплект людей и машин. 23 октября 37 танков приняли участие в успешной атаке при луне (в 1 час 20 минут ночи) 3-й и 4-й армий к северу и югу от ле-Като с целью закрепиться на всей линии от Самбры, вдоль опушки Мормальского леса до окрестностей Валансьена. В этой атаке приняли участие следующие части.

301-й американский батальон, приданный IX корпусу.

10-й танковый батальон, приданный XIII корпусу.

11-й и 12-й танковые батальоны, приданные V корпусу.

Несмотря на темноту, туман и значительное обстреливание газовыми снарядами, танки достигли всех намеченных целей. Во многих случаях представились хорошие цели, особенно для картечного огня и, в общем, было захвачено около 3.000 пленных. В этой атаке танки оказали значительную помощь пехоте в разрушении препятствий, делая через них проходы.

Атака продолжалась на следующий день, когда 6 машин 10-го батальона действовали в окрестностях Роберсара с 18-й и 25-й дивизиями. Возле фермы Ренюар они оказали пехоте большую помощь и снарядом 6-фунтовой пушки взорвали склад боевых запасов, чем вызвали среди неприятеля большое замешательство и причинили ему большие потери. Этой атакой закончилось сражение на реке Селль, которое прибавило, к уже захваченным трофеям, 475 орудий и 20.000 пленных.

Сражение у Мобежа началось 2 ноября, произведенной IX корпусом атакой к западу от Ландреси. Эта атака была поддержана тремя танками 10-го батальона и имела целью улучшить наши позиции вблизи Аппенгарба перед большой атакой, назначенной на 4-ое. Все об'екты действий были взяты, но, к несчастью, были вновь потеряны перед наступлением темноты.

4 ноября произошла последняя большая танковая атака этой войны, большая, однако, лишь по сравнению с числом годных к бою в то время машин. Атака эта производилась на широком фронте, свыше 30 миль, от реки Уазы до района к северу от Валансьенна. На британском участке этого фронта участвовало 37 танков, распределенных следующим образом:

Третья армия:

VI-й корпус	1 рота	6-го танкового батальона.
IV-й „	2 взвода	14-го „ „
V-й „	1 рота	9-го „ „

Четвертая армия:

XIII-й корпус	5 взводов	14-го „ „
XIII-й „	2 роты	9-го „ „
XIII-й „	2 „	14-го „ „
XIII-й „	17-й батальон броневиков.	
IX-й „	4 взвода	10-го танкового батальона.

Из вышеприведенного распределения видно, как истощались части,—взводы занимали места рот, а роты батальонов.

Начало атаки колебалось для передовых корпусов от 5 часов 30 минут до 6 часов 15 минут утра. Действия танков вкратце свелись к следующему:

Танки 10-го батальона способствовали занятию Катилльона и Аппенгарба, при чем захват первой деревни составлял важный шаг к обеспечению переправы через канал Уазы. Вообще говоря, действовавшие с XIII корпусом танки имели успешный день, особенно же в окрестностях Экк, Пре и северо-западной опушки Мормальского леса. Хотя танки снабжения [1]) не предназначались для боевых целей, однако три из них, подвозившие мостовой материал для 25-й дивизии, вступили в бой вблизи Ландреси. Приближаясь к каналу, они застали пехоту еще на западном берегу, так как переправе препятствовали неприятельские пулеметы. Один из танков был выбит, почему командир взвода решил продвигаться вперед с двумя оставшимися; он привел свое решение в исполнение, и наша пехота последовала за ними, как боевыми танками; неприятельские пулеметчики сдались и противоположный берег канала был занят. На следующий день, 5 ноября, произошло последнее боевое дело танков в войне: 8 Уиппетов 8-го танкового батальона атаковали, совместно с 3-й гвардейской бригадой, к северу от леса Мормаль. Местность являлась чрезвычайно трудной для комбинированных операций, так как она была изрезана бесчисленными рвами и заборами, что делало ее идеальной для аррьергардных операций, которые вела теперь германская армия вдоль всего своего фронта. Уиппеты или уходили слишком вперед и теряли связь с нашей пехотой или, следуя с пехотой, теряли соприкосновение с врагом. Несмотря на эти затруднения, все цели были взяты и последняя танковая атака войны была таким образом успешна.

В течение следующих 5 дней производилась реорганизация корпуса танков с целью образования боеспособной силы из его расстроенных остатков; в то время, как работа эта была

[1]) Танки снабжения были вооружены лишь одним пулеметом Люиса.

в ходу, подписание перемирия 11 ноября положило конец враждебным действиям.

Со времени большой танковой атаки у Амьена, которая была начата 4-й армией 8 августа, протекло 96 дней почти непрерывных боев, в течение которых многие офицеры и нижние чины корпуса танков были в боях ни больше ни меньше как 16 раз. За этот же промежуток времени в течении 39 дней приняло участие в боях общим числом 1.993 танков и броневиков; 887 машин были сданы, как пришедшие в негодность, из них 313 были отправлены в центральные мастерские и 204 по исправлении возвращены в части. Из вышеупомянутых 887 танков только 15 не могли быть исправлены. Потери в сравнении с штатами были тяжелы: убитых, раненых, пропавших без вести и пленных — 598 офицеров и 2.826 прочих чинов; но если принять в соображение, что общий численный состав корпуса танков по состоянию его к 7 августа был значительно ниже пехотной дивизии и что во время ранних артиллерийских боев, как, например, в первом сражении на Сомме, пехотные дивизии часто насчитывали 4.000 потерь в течении 12 часов боя, то потери, понесенные танками, оказываются чрезвычайно легкими. Дело шло не о 12-часовом, а 39-дневном бое по 12 часов в день. Из этого мы можем вывести последний и яркий урок этих сражений, а именно, что механически движимая сталь сберегает кровь, что танк сберегает жизнь, жизни людей, а люди являются наиболее ценным достоянием, которым обладает каждая страна.

Упорство сэра Дугласа Хейга было, наконец, вознаграждено, и усилия, которые привели к неудаче в Пашендале, увенчались полным и окончательным успехом в Мобеже. Прекрасным заключением для всех этих операций служит последний приказ главнокомандующего британскими армиями, который передает потомству справедливую оценку работы, выполненной британским корпусом танков за время вечно памятных месяцев от августа до ноября 1918 года. В этом приказе находятся следующие три параграфа, над которыми стоит задуматься, когда настанет для нас время заняться будущим.

„В решительной борьбе этого периода наиболее сильные и наиболее жизненные части неприятельского фронта были атакованы британскими войсками, его коммуникационные линии были прерваны и его лучшие дивизии вынуждены к обороне. На различных боевых участках нами было захвачено 187,000 пленных и 2.850 орудий, что довело число захваченных в плен в настоящем году до 201.000 человек. Было захвачено также огромное количество пулеметов и окопных мортир, которых насчитано 29.000 и 3.000. Этих результатов добились 59 боевых британских дивизий, которые в течение трех месяцев сражались и разбили 99 дивизий".

„С начала нашего наступления 8-го августа, танки применялись на каждом поле сражения и важность сыгранной ими роли, в преодолении сопротивления германской пехоты, вряд ли может быть преувеличена. Весь план атаки 8-го августа держался на танках и с этого дня в бесчисленных случаях успех нашей пехоты мощно поддерживался или закреплялся их свое-

временным прибытием. Так велико было впечатление, производимое ими на германскую пехоту, что в нескольких случаях, за неимением по различным причинам в достаточном количестве танков, достигали ценных результатов от пользования ложными танками, нарисованными на деревянных рамах, крытых холстом".

„Не в укор будь сказано нашей храброй пехоте или нашей искусной и самоотверженной артиллерии, что подвиги этих основных родов войск оказались бы недостаточными для развития того успеха, который был достигнут нашими армиями, если бы мы не имели доблестной и преданной работы корпуса танков под начальством генерал-майора Элеса".

ГЛАВА XXXVIII.

17-й танковый батальон броневиков.

В марте 1918 года 17-й танковый батальон формировался в танковом учебном лагере в Вуле, когда, вследствие германского весеннего наступления, потребовались столь большие пополнения для танковых частей из средств, находившихся в Англии, что пришлось батальон этот 23-го апреля превратить в батальон броневиков. На следующий день были назначены шоферы и получено 16 броневиков, на которых пулеметы Виккерса были заменены пулеметами Гочкиса.

28-го апреля броневики погрузились на суда в Портсмуте, а 29-го личный состав батальона под начальством полковника Картера отплыл из Фолькстона в Булонь. Таким образом, в течение 6 дней батальон был сформирован, вооружен и высадился во Франции.

Немедленно после высадки, 17-й батальон был прикомандирован ко 2-й армии и получил приказание двинуться в Поперинг, но, в виду улучшения тактической обстановки, этот приказ был отменен и батальон сначала был послан в танковую артиллерийскую школу в Мерлимон, а затем в танковое депо в Мерс.

После десятидневного обучения, 17-й батальон присоединился к 4-й армии и вошел в боевую линию в Ля-Юссуа, где был прикомандирован к австралийскому корпусу. Через несколько дней батальон был передан XIII-му корпусу, находившемуся в резерве главной квартиры, непосредственно за правым флангом британской армии, штаб батальона поместился в Писси. Здесь обучение продолжалось до 10-го июня, когда в 9 часов 30 минут утра подполковником Картером было получено приказание перейти в распоряжение штаба 1-й французской армии, находившегося в Конти.

Из Конти было получено приказание придвинуться батальону в Равенель вблизи Сен-Жюста. Приказание это было передано по телефону и, хотя ночь была темная и сырая и дороги были запружены движением, батальон пришел в Равенель около 5 часов утра 11-го июня, сделав путь в 60 миль и участвовал в тот же день в контр-атаке 10-й французской

армии у Беллуа. Во время этого боя два взвода броневиков батальона обстреляли неприятеля пулеметным огнем, но большое количество разбросанных по дорогам обломков и слабая конструкция шасси броневиков препятствовали свободному их использованию. По окончании этих операций батальон возвратился к XXIII-му корпусу.

18-го июля батальону было приказано присоединиться к армии генерала Файоля, но в бой он не вошел из-за задержек в пути, вследствие усиленного движения на дорогах. 10 дней спустя он был прикомандирован к 6-й французской кавалерийской дивизии, оперировавшей к северу от Шато-Тьерри и следовавшей за отступавшим противником в направлении к р. Урк. На этой речке германцы заняли оборонительную позицию, прикрывая к ней подступы пулеметным огнем; это остановило французскую кавалерию, но не броневиков, которые имея броню, могли приблизиться вплотную к мостам и открыть огонь по неприятельским пулеметчикам. В Фер-ан-Тарденуа батальон очень помог французам своим продвижением по главным улицам деревни, которая удерживалась германцами. Подобная же помощь была оказана американцами в Роншере. Когда 6-я французская кавалерийская дивизия была оттянута на отдых, 17-й батальон направился в Сенли и немедленно же по вступлении в этот город, в 9 часов утра, получил приказание продолжать марш в Амьен и поступить в распоряжение австралийского корпуса. В Амьен, находившийся в расстоянии 100 миль, батальон вошел ночью того же дня.

По прибытии туда подполковник Картер был уведомлен, что его часть должна была принять участие в проектируемой атаке к востоку от этого города. Главным затруднением к действию броневиков в окрестностях города была необходимость перехода через окопы. Хотя для того, чтобы решить, как выйти из этого затруднения, имелся в распоряжении всего лишь один день, решение нашли в прикомандировании небольшого танкового отряда к батальону. Эти танки были использованы для буксирования броневиков через препятствия или вернее по следам, которые они в них оставляли. Это решение оказалось в высшей степени удачным.

Для операции 4-й армии 17-й броневой батальон был подчинен 5-й танковой бригаде. Утром 8-го августа батальон двинулся вперед с сопровождавшими его танками, которые успешно помогали ему в нейтральной зоне. За Варфюзе несколько больших деревьев, поваленных артиллерийским огнем, упали поперек дороги и сделали движение по ней совершенно невозможным; деревья эти были быстро убраны с дороги буксирными танками и таким образом дорога была открыта не только для броневиков, но и для артиллерии, и обозов.

После этой задержки броневики быстро продвинулись вперед и прошли через наши атакующие линии за 20 минут до назначенного пехоте времени для достижения последних целей. Для дальнейшего продвижения броневики должны были пройти через наш заградительный огонь, что ими и было исполнено без потерь.

Здесь путь был свободен и броневики прошли через неприятельские линии, разметывая пехотные части противника, которые они встречали на дороге. Они направились к долине возле Фукокура, где, как было известно, стояли штабные войска одного германского корпуса. Эти последние были застигнуты совершенно врасплох и понесли большие потери от двигавшихся по долине 6 броневиков. Начавшееся смятение вскоре превратилось в панику и неприятель, рассеиваясь во всех направлениях, распространял тревогу.

В то время, как здесь развивалось смятение, несколько взводов броневиков свернуло к югу и к северу от дороги Амьен Брие. Первые встретили большие колонны обозов, офицеров верхами и лошадей в поводу, повидимому, принадлежавшие германскому штабу в Фрамервиле. По ним был открыт огонь с близких дистанций и 4 офицера были убиты почти одновременно. Вскоре вслед за этим достигли расположения германского штаба, где подняли на доме, в котором лишь несколько минут назад помещался командир германского корпуса, флаг австралийского корпуса, который везли для этой цели в одном из броневиков. Приблизительно в это же время в поле зрения одного из броневиков вошел германский поезд; по его локомотиву был открыт огонь, приведший локомотив в негодность; прибывшая вслед затем кавалерия захватила его.

Броневики, которые свернули к северу, вошли в Пройар и Шиньоль; а два из них двинулись вверх по Сомме. В Пройаре броневики застали германские войска за обедом, расстреляли и рассеяли их во всех направлениях, а затем, двигаясь к западу, встретили массы неприятеля, которых австралийцы выгнали из окопов. С целью захватить этих людей врасплох, броневики спрятались в предместьях Пройара и, когда неприятель находился на расстоянии 60—125 шагов, они быстро двинулись вперед, расстреливая врага в большом количестве. Убегая перед броневиками из Пройара, неприятель направился к Шиньолю, но только для того, чтобы быть там встреченным пришедшими в эту деревню броневиками и здесь снова обстрелянным и рассеянным. Вблизи Шиньоля один броневик имел практику стрельбы из своих пулеметов по движущейся цели, каковой был грузовик, полный солдат; обстрел продолжался до тех пор, пока грузовик не свалился в ров. Также было несколько случаев, когда броневики шли

за германскими обозами, при чем последние ничего не подозревали, пока по ним не открывали огня в упор.

Хотя вечером 8-го августа больше половины броневиков оказалось в негодном для боя состоянии, но их команды не имели настолько серьезных потерь, чтобы потребовалось отправление батальона в тыл. После исправления повреждений, полученных 8-го августа, 17-й батальон был передан 1-й армии и 21-го августа принял участие в операциях вблизи Бюкоя. Через большую воронку, образованную разрывом снаряда на дороге при входе в эту деревню, броневики были протащены Уиппетом, после того, как через нее был утрамбован ими гладкий проезд. Вслед за этим броневики проложили себе путь через неприятельские линии и достигли в голове пехоты Ашие-ле-Пти, где привели к молчанию несколько пулеметов. В этом бою 2 броневика получили прямые попадания и один из них был уничтожен пожаром.

24-го августа батальон действовал с новозеландской дивизией в атаке на Бапом, при чем броневики проникли на дорогу Аррас-Бапом, где произошел жестокий бой.

В атаке 2-го сентября 17-й батальон действовал с канадским корпусом в штурме линии Дрокур-Кеан. Во время этого боя 4 броневика были подбиты орудийным огнем, но 2 эскадрильи аэропланов, действовавшие совместно с броневиками, атаковали с такой силой германскую батарею, что позволили командам разбитых броневиков избегнуть плена.

29-го сентября броневики действовали с австралийским и со II-м американским корпусами в атаке позиции Гинденбурга вблизи Бони; здесь неприятелю были нанесены большие потери, но 4 броневика были пожаром выведены из строя. Этот участок позиции был захвачен австралийцами на следующий день.

8-го октября броневики были прикомандированы к кавалерийскому корпусу, который действовал от Боревуара в направлении ле-Като. В этот день броневики держали связь с кавалерией, но на следующее утро они продвинулись вперед через Маретц. В 2-х милях за этой деревней взвод броневиков действовал с южноафриканской пехотой и выгнал германских пулеметчиков с сильной позиции, которую они удерживали.

Броневикам удалось пройти прямо через неприятельский пулеметный огонь и, анфилируя неприятельскую позицию, перебить германских пулеметчиков и захватить 10 пулеметов и 2 окопных мортиры.

Взвод броневиков устремился к железнодорожному мосту на дороге Маретц-Оннеши, но неприятельская подрывная команда, увидя их приближение, зажгла шнур и бежала. Головной броневик, однако, проскочил благополучно и мост был взорван немедленно после этого, почему броневик оказался, таким образом, отрезанным от второго, находившегося

в 50 шагах позади. Головной броневик прошел тогда через Моруа и Оннеши, стреляя из всех пулеметов. Обе эти деревни были набиты войсками. Вблизи церкви в деревне Оннеши броневик по ошибке заехал в боковую улицу, где в тот момент из одного дома выходила группа немцев, 5 человек из коих были уложены в дверях. Этот эпизод на следующий день был с энтузиазмом описан подполковнику Картеру одной французской женщиной, владелицей дома. По прохождении Оннеши, броневик был направлен к мосту, который по имевшимся сведениям еще существовал. Учтя свой предшествовавший опыт, командир броневика решил спасти мост от разрушения и тем не только обеспечить свое отступление, но и сохранить его для британской армии. Для выполнения этого броневик быстро завернул за угол дороги, ведущей к этому мосту, имея свои пулеметы направленными на предполагаемое место нахождения подрывной команды. Этот маневр оказался успешным и подрывная команда была рассеяна пулеметным огнем прежде, чем она подожгла заряд. Мост, таким образом, был спасен и позже оказал важную услугу британским войскам. Броневик, затем, пересек реку и пошел к тому месту, где оставался второй броневик за невозможностью перейти реку и соединился с ним; оба броневика возвратились для составления донесения о своих действиях, каковые, по крайней мере у одного из них, были чрезвычайно отважными и полезными.

4-го ноября броневики были прикомандированы к XVIII-му корпусу и были назначены для совместных действий с 18-ой и 50-ой дивизиями в лесу Мормаль. В этом районе дороги узки и в это время года очень скользки, почему действия броневиков были затруднены. На следующий день броневики 17-го батальона, уже в значительно сокращенном составе, действовали совместно и одновременно не менее, как с пятью дивизиями. 9-го числа все броневики были собраны вместе и прикомандированы к авангарду 4-й армии для оказания помощи в преследовании отступавшего врага.

В последовавших операциях броневики были отрезаны от авангарда разрушением всех мостов через реку, но, несмотря на это, они продолжали продвижение по направлению, параллельному линии преследования. В Радмузи и Лисси были застигнуты три полные поезда с боевыми запасами, а также большое количество тяжелых орудий, грузовиков и артиллерийского транспорта, неприятель был в полном бегстве и совершенно деморализован.

11-го ноября броневики производили рекогносцировку на 7—8 миль впереди британских войск в направлении Эппе-Соваж и Мутье (в 12 милях к востоку от Авен), вблизи бельгийской границы, когда в 10 часов 30 минут утра офицер, командовавший броневиками, был уведомлен одним офицером 38-ой французской дивизии, что ходят слухи о заключении

перемирия; несколько минут спустя посыльный подтвердил это известие с указанием, что враждебные действия должны быть прекращены в 11 часов утра. Огонь продолжался приблизительно до 11 часов без трех минут, когда он прекратился, а ровно в одиннадцать часов раздался последний залп, и затем наступила тишина, — тишина, почти неведомая 17-м танковым батальоном броневиков, который не был вне выстрелов с 17-го июля, когда батальон на Марне начал свою, полную событий, историю с французской армией. Как ни была драматична короткая, но блестящая карьера 17-го батальона броневиков, его работа еще не окончилась. 13-го ноября он собрался в Авен и, присоединившись к кавалерии 4-й армии, двинулся в направлении к Рейну. 26-го четырем взводам броневиков было приказано направиться в Шарлеруа, откуда последовало донесение о беспорядках.

В Шарлеруа 17-й батальон присоединился ко 2-й армии, двигавшейся в Кельн и был прикомандирован к 1-ой кавалерийской дивизии. 1-го декабря он перешел германскую границу в Мальмеди, откуда был немедленно направлен со 2-ой кавалерийской бригадой в Кельн, где вспыхнули беспорядки. Пять дней спустя, 6-го, кавалерия остановилась за чертой этого города, и командир 2-й кавалерийской бригады, сопровождаемый броневиками 17-го батальона, направился в городскую ратушу для обсуждения с бургомистром порядка управления городом. В полдень войска вошли в Кельн во главе с броневиками. После полудня этого дня была занята западная оконечность рейнского моста и флаг корпуса танков начал развеваться над знаменитой рекой.

История этого батальона поистине замечательна. В краткий срок 6 дней он был сформирован, снабжен и высажен во Франции. В течение 6 месяцев он участвовал в десяти различных сражениях с англичанами, австралийскими, канадскими, новозеландскими, южноафриканскими, французскими и американскими войсками и три раза был упомянут в германских сводках. Каждый броневик получил попадания, а многие и несколько и, однако, он потерял убитыми в боях за этот период лишь одного офицера и четырех солдат. Ценой этих 5 человек и 7 уничтоженных машин, этот батальон нанес неприятелю десятки, если не сотни потерь. То обстоятельство, что британская армия не была снабжена значительно большим количеством таких частей, станет предметом загадки, которая будет смущать умы будущих военных историков.

ГЛАВА XXXIX.

Взгляд назад на выполненное танками.

Подобно всем прочим видам человеческой деятельности, война может быть приведена к научным основаниям и если бы это было лучше понято в ходе истории, то сколько тысяч жизней и миллионов денег было бы сохранено и как много горя и разрушения было бы предотвращено!

Наука есть лишь другое название знания, приведенного в порядок и систематизированного, из которого вытекает искусство или приложение этого знания к существующим, вечно меняющимся условиям.

Основная трудность искусства войны заключается в приложении теории к практике, с целью испытания ее ценности. Подобно хирургии и медицине ему нужны для исследования свои пациенты или жертвы и без них чрезвычайно трудно подойти к правильным суждениям и заключениям. Это искусство не есть ни коммерческое, материально прибыльное, ни приложимое к нормальным условиям жизни, поэтому на него скорее смотрят, как на неизбежное зло, на страхование от несчастий, а не как на приложение научных положений, имеющих своей целью предотвращение бедствий войны.

В войне, как прикладной науке, кроются элементы на половину человеческого, на половину механического порядка и потому она прежде всего есть живая или динамическая наука, которая должна развиваться с развитием человечества; при чем таким образом, чтобы средства, приводимые ею в действие, материализуемые в лице воина, могли бы не только держаться на уровне прогресса, но и поглощать его для своих собственных целей. Если мы оглянемся назад на историю войн, то что мы видим? Школу педантов, ощупью блуждающих в прошлом, с закрытыми глазами на будущее, ищущих панацей в прошлых победах и слепо принимающих те условия, при которых они выигрывались, как вечно повторяющиеся явления.

Так загромождают они свои умы обветшалыми мелочами, формулами и критериями, рецептами и ритуалами, которые настолько же неуместны на современном поле сражения, как флогистон или философский камень в современной лаборатории.

Всегда указывалось, что лишь сама война есть единственное испытание достоинства воина, что только на поле сражения может быть отсеяно большое от малого.

А почему? Потому, что мы до сего времени никогда не выходили из того, что может быть названо алхимической эпохой войны, состоящей из иллюзий без знания и действий без понимания. Мы не свели войну к системе знаний, основанной на определенных принципах, не постигли того, что 99% победы зависит от оружия — машины, данной в руки человека, чтобы он мог убивать, оставаясь сам невредимым.

Гален был великим врачем, так же как и Парацельсий, но кто теперь стал бы применять их методы, когда имеются таковые Пастера и Листера? В чем мы были и будем оставаться виновными, если не изменим наших методов мирного времени для подготовки к войне, это в том, что мы не обладаем уменьем подготавливать крупных военных деятелей, научно подготовленных военных людей. Мы не понимаем, что армия имеет целью предупреждение войны, что она состоит из людских атомов, что хороший игрок не будет терять много таких атомов, а плохой скоро станет банкротом; что проигрыш или выигрыш зависит от превосходства ума и оружия, а не от численного превосходства. Когда мы поймем это, мы должны решительно отбросить старые лекарства и заняться в дни мира развитием умственной и механической стороны войны, настолько, чтобы, в случае неизбежности последней, мы могли бы выиграть ее с минимальной затратой людей.

Военные смеялись над Жоли-де-Мезеруа, Массенбахом и Морицем Саксонским по поводу их побед без „вооруженной борьбы“ и „войны без сражений“, и редко их глаза затуманивались слезой при чтении описания победы, стоившей тысячи жизней, победы, которая могла быть куплена ценой нескольких сотен. Однако, бесспорно сохранение человеческих жизней и здоровья у своих является таким же положительным качеством хорошего командования, как и отнятие этого у врага. Разве сила, заключающаяся в человеческих жизнях, или способность их к продолжению борьбы, не составляют фундамента самой победы?

В августе 1914 года началась великая война, которая, по всеобщим предположениям, должна была представлять собой расширенные операции 1870 года. Доктрины соперничавших армий были доктринами 1870 года, их вожди были насыщены идеями 1870 года, их оружие было улучшенным оружием 1870 года; вообще, по тону, манерам, мыслям и тактике это был усложненный 1870 год. Если есть в этом сомнение, то прочтите уставы довоенного времени, сравните их с уставами 1872 года, а затем с событиями самой войны. Возьмите любую большую армию 1918 года и совместите ее с этой же армией 1914 года,—стороны не совпадут. В чем же разница?

В механическом прогрессе оружия, но не в числе людей, так как люди могли и уменьшиться в числе; однако, любая, снабженная всем необходимым, армия 1918 года побила бы армию 1914 года, вследствие имевшихся у нее тяжелых и сверхтяжелых пушек, мортир, снарядов, бомб, гранат, газа, пулеметов, ружей-автоматов, дальномеров, звукометрических приборов, дыма, аэропланов, грузовиков, рельсов, трамваев, броневиков и танков.

Что подумали бы мы об инженер-механике, который пользовался бы теперь методами 1870 года? Ничего;—он стал бы банкротом в шесть недель, если бы повел дело на основах техники 1870 года. Это точно то, что случилось с армиями 1914 года; они тактически обанкротились потому ли, что они были слишком громоздки, потому ли, что театр военных действий был слишком мал, чтобы лишить их возможности стратегического маневрирования. Можно ли было это предвидеть? При данных численности, оружии и театре военных действий, задача на простое тройное правило дала бы в решении ведение осадной войны, тактикой которой является прорыв фронтальной атаки [1]); однако, все полевые уставы занимались тактикой охвата и лишь мимоходом уделяли внимание позиционной войне.

Неизбежно враждующие стороны пришли к предопределенной судьбой тактике прорыва и вот мы видим, как людские атомы выбрасывались пригоршнями через гребни брустверов, как будто люди, вооруженные винтовкой и штыками, которые могли спасти свое существование, лишь оставаясь под землей, имели какой-либо шанс на достижение решительной победы, покидая свои убежища и становясь открыто перед оружием, которое загнало их в землю. Каков был результат? Немцы потерпели поражение у Ипра и Вердена, французы в Шампани, у Вердена и у Реймса и мы у Ньюшапеля, Лооса, на Сомме, у Арраса и у Пашендаля. От 2 до 3 миллионов потерь на одной чашке весов и несколько квадратных миль необитаемой местности на другой,—вот результат этих усилий и это лишь потому, что ни одна армия с 1870 года не поняла механической стороны науки войны. В октябре, 10 недель спустя после начала войны, как о том говорилось уже во II-й главе этой книги, механическая сторона была понята и было найдено решение в постройке колесницы, не слишком отличавшейся от описанной на „Лагашском победном памятнике Эаннатума", за 3000 лет до Р. Х.; не очень новое изобретение механики!

Потребовался, однако, период времени в несколько месяцев для замены бензиновой машиной ассирийских коней и

[1]) См. „Тактика прорыва",—капитана Фуллера (Journal of the Royal United Service Institution, ноябрь 1914). Эта статья написана в апреле 1914 г.

так как нельзя было терять времени, то пришлось исправить механические недостатки, которые могли быть легко предвидены, если бы имели в виду прорыв, а не охват, в качестве главного тактического акта войны.

Вначале каждая из враждующих наций по очереди прошла через кризис колючей проволоки, недостаток пушек и скандал с недостатком огнестрельных припасов. Были изготовлены миллионы миль проволоки, сделаны тысячи пушек, боевые запасы заготовлялись не тысячами комплектов, а сотнями тысяч тонн. Будь любая из армий способна в сентябре 1914 года выпустить в другую 100.000 тонн в пару дней, она вероятно выиграла бы войну. Это в действительности совершилось на Дунайце в 1915 году, где русские были превзойдены в действительности оружия и, следовательно, разбиты.

На западном фронте, где соперничество в росте артиллерии шло более или менее параллельно, застой получился более полным.

Вместо выбрасывания людей на неразрушенную проволоку, выбрасывали снаряды, при чем бомбардировки были настолько длительными, что позволяли немцам перевести во время свои войска из восточной Польши во Францию для встречи готовившегося штурма. Так как участок этого штурма был обычно менее 10 миль протяжением, при общей длине фронта свыше 500 миль, то эту операцию можно сравнить с попыткой убить носорога уколом булавки. Конечно, эта тактика неизбежно терпела неудачу, не только в силу невозможности истощить неприятельские резервы, но и в силу невозможности быстрого продвижения вперед наших резервов, так как, разрушая проволочные заграждения, орудия одновременно создавали столь трудную для движения поверхность, что, если бы даже было возможно продвинуть пехоту, то не было бы возможности питать и снабжать ее.

Увеличение продолжительности позиционной борьбы с возрастанием артиллерийской мощи обеих сторон, не являлось, однако, необходимым; это было ясно доказано во время первых двух немецких атак 1918 года. Около этого времени развитие могущества артиллерии обеих сторон достигло своего зенита, но немцы, угрожая фронту на протяжении 250 миль— от канала до Мааса, — после интенсивной бомбардировки, длившейся только несколько часов, и атакуя на сравнительно широком фронте около 50 миль, были в состоянии развить свой натиск до полного напряжения, т.-е. с наименьшим сопротивлением.

Со времени сражения на Дунайце прошло около трех лет, прежде чем была усвоена идея пользования пушкой, как орудием внезапного действия, что, вероятно, явится одной из наиболее удивительных аномалий войны. Во время этого пе-

риода были изобретены два других вида оружия, которым было предназначено во многих отношениях вытеснить пушку. Возникновение этих новых идей совпало во времени.

В течение многих лет до войны французские и английские инженер-механики считались первыми в Европе, тогда как немцы были передовыми химиками. Обе стороны, коль скоро на войне завязался мертвый узел, стали искать помощи в той области знания, которую они лучше всего понимали в мирное время и к которой, если бы они понимали войну как науку, они обратились бы за содействием много лет до войны.

Первым проблеском гения в минувшую войну было использование газа, впервые примененного 22 апреля 1915 года, а вторым — использование танка 15 сентября 1916 года; в обоих случаях получилась неудача, вследствие недостатка научного понимания войны. Это были пробные атаки, произведенные без достаточной силы или необходимой массы; однако, любопытно отметить, что обе были произведены армиями, которые, будучи воспитаны в идейной школе 1870 года, свято чтили старый рецепт „превосходства в числе в решительном пункте". Мысля только мускульными формами, они не могли приложить этот рецепт к механическому и химическому изобретению, данному в их распоряжение.

Многими военными, даже в настоящее время, не вполне сознается, что газ есть метательное оружие и прямой результат эволюции снаряда. Цельный снаряд непременно должен попасть в цель, чтобы ее разрушить; коль скоро цели стали трудно видимыми, стало необходимым расширить радиус действия цельного снаряда, что было достигнуто заменой его пустотелым снарядом с заполнением пустоты сильно взрывчатым веществом. Этот снаряд мог не попасть в цель, однако, должен был поражать осколками, чем опасная зона увеличивалась во много сотен раз. Как только цели стали не только невидимыми, но и исчезли в подземные убежища, снаряд стал производить малый эффект, если нельзя было затрачивать дней на бомбардировку; следовательно, более действительным способом поражения стало, заменившее снаряд, газовое облако, которое может покрыть значительные площади и проникнуть в окопы и убежища. Газ поэтому бесконечно увеличил радиус действия снаряда и если бы немцы применили его в достаточном количестве, прежде чем союзники могли защищаться от него, они легко могли бы выиграть войну.

Газ, каковы бы ни были его возможности до применения противогазов, остается только снарядом, совершившим эволюцию. Танки же были „творением" и введение на поле сражения движимого бензином бездорожного трактора, надо думать, обозначает определенный конец алхимической эпохи войны. В прошлом вся война на суше зиждилась на мускуль-

ной энергии, впредь она будет основана на машинной. Перемена радикальна и „Big Willie“ Вильсона перейдет в область легенды, на ряду с „Rocket“ Стефенсона. Как пар, использованный в качестве движущей силы, в 150 лет изменил мир больше, нежели он претерпел изменений с первой половины каменного века, так, прежде чем настоящий век закончит свой путь, может произойти такая же перемена в области ведения войны. Причина и здесь и там одна: как изобретение паровой машины заставило в значительной мере устареть ручной инструмент, так применение бензина на поле сражения заставит выйти из употребления ручное оружие и заменить его машинным. Что танк останется на современной ступени своего развития так же маловероятно, как если бы в 1769 году ожидали, что насос Уатта есть „Ultima Thule“ всех таких машин. Печать настоящего гения выявляется не в форме, а в идее,—замене мускульной энергии машинной, как движущей силой армии.

Если бы нации, сражавшиеся в великой войне, обладали большими предвидением, если бы они смотрели на войну, как на науку, а не как на страхование, они могли бы иметь движимый паром танк 30 лет тому назад, а движимый бензином немедленно после южно-африканской войны. Трактор Баттера существовал, по крайней мере в проекте, с 1888 года, а во время южно-американской войны В. Рольстон нарисовал карикатуру, озаглавленную „Война в будущем: посаженная на тракторы пехота в бою“, не говоря уже о повести Уэльса. Но нет, надо было дышать воздухом прошлых сражений и в то время, как военные изучали Иену, Инкерман и Верт, коммерческие науки ежедневно давали одно изобретение за другим, небольшое приспособление которых помогло бы выиграть ближайшую войну в более короткий срок, чем понадобилось бы на изучение томов Клаузевица и Жомини.

Чтобы показать насколько военные эпохи 1870—1914 годов были далеки от науки, достаточно только привести тот факт, что после сражения на Сомме в самых высоких германских военных кругах смотрели на машину, как на игрушку. Повидимому, им не было ясно, что хотя сам танк марки I и был далек от совершенства, тем не менее, будучи способен нести на себе броню и снабдить солдата подвижным оружием на платформе, он революционизировал всю теорию войны 1870 года.

1-го июля 1916 года, в первый день сражения на Сомме, английская армия понесла 40—50 тыс. потерь. 25-го сентября единственный танк заставил сдаться 370 немцев, потеряв лишь 5 человек; однако, в июле 1917-го года танк IV-й марки рассматривался еще, как незначительный боевой фактор. Его конструкция не была достаточно надежна, его действительные возможности были более или менее гадательны, войска не

вполне привыкли к нему и недостаточно доверяли ему, чтобы принять его вместо артиллерии; и, в действительности, на этой ступени своего развития, танк был лишь придатком к пехоте и артиллерии. Таковы были взгляды, высказывавшиеся о назначении танка, когда, подобно грому с ясного неба, по горизонту сражений 1870 года прогремело сражение у Камбре.

Между тем, в Камбре участвовал танк той же IV-й марки, которая была и в июле; танковый корпус не увеличился в размере; пехота состояла по большей части из истрепанных войск, из которых некоторые лишь в течении нескольких дней обучались с танками, а другие даже никогда не видели этих машин. Штурм принес ошеломляющий успех: ценой потери 5.000 человек в пехоте, в течении 12 часов, было выполнено то же продвижение, которое потребовало 19 дней в сражении под Ипром и которое в этом сражении стоило свыше четверти миллиона людей. Однако, несмотря на этот поразительный успех,—так консервативно была настроена армия к действительным нуждам победы—некоторые военные утверждали, что способ действий у Камбре никогда нельзя будет повторить и что день танка пришел и прошел.

Тогда пришла „венчающая милость" атаки у Хамеля. Надо было что-нибудь сделать, чтобы восстановить доверие к корпусу танков. Было лишь три удобных района для действий: первый, против выступа Мервиля,—но местность здесь была пересечена каналами и рвами; второй—в восточном направлении между Аррасом и Эбютерном,—но здесь также местность была сильно изрезана и тактические цели неподходящи; и третий,—к востоку от Виллер-Бретонне, где местность была прекрасна, но австралийцы, которые занимали этот сектор, имели мало доверия к танку.

Человеческие предрассудки, однако, не трудно рассеять знакомому с психологией. После осторожного убеждения, удалось уговорить австралийский корпус принять 60 машин, как „придаток" к их операциям. Танки (марки V со звездой) были подведены на 1000 ярдов к тылу атакующих войск, но через несколько минут после начала атаки они поравнялись с головной волной и повели, как ее, так и последующие волны, прямо к последной цели. Потери 4-й дивизии австралийцев были незначительны, их предубеждение исчезло и между ними и танковым корпусом установилась тесная дружба; все это делает честь, как храбрости австралийцев, так и их здравому смыслу.

Хамель, хотя сам по себе и ничтожное явление, имел большее значение для ближайших задач британской армии, нежели само сражение у Камбре. Командующий 4-й армией генерал Роулинсон оценил по достоинству это явление, последствием которого было то, что после сражения у Хамеля

война сделалась танковой войной. Машина оправдала себя несмотря на предубеждение и опозицию. Германцы потеряли голову, а вместе с ней войну. Что война могла бы быть выиграна без танков,—это вполне возможно, но чтобы без их помощи 59 британских дивизий могли разбить в 3 месяца 99 немецких дивизий, это вряд ли было бы возможно.

В чем же в действительности оказалось влияние танков? Рассмотрим этот вопрос и закончим им этот обзор.

Влияние подвижности танка на широкие операции было велико. В период между зимой 1914-го и летом 1918-го года союзники на западном фронте вели во всех отношениях неподвижную войну. За эти $3^1/_2$ года делались различные попытки, чтобы истощить боевую силу противника, как прелюдию для последующей решительной эксплоатации успеха или преследования; но эти сражения были обоюдно разрушительны и союзники, несомненно, несли больше потерь, чем наносили их сами. Истощение без возможности достижения внезапности или подвижности есть только детская игра уколами булавок и не более как мускульная, но безумная операция. В третьем ипрском сражении она стоила нам четверти миллиона людей. Затем появился танк и действительное истощение стало возможным, так как в танковых сражениях неприятель нес большие потери, нежели мы: едва ли, за время с 8-го августа по 11-ое ноября, мы потеряли убитыми и ранеными столько, сколько взяли пленных. Возможность достичь этого мы получили, благодаря лишь обладанию средствами для выполнения большого тактического акта, — прорыва сплошного германского фронта, сделавшего охват действительностью.

В ограниченных операциях, сочетанием огня и подвижности, подвижности и безопасности, стало возможным, при помощи танка, экономить человеческие жизни. Солдат в танке мог использовать всю свою энергию для управления своим оружием, а не должен был тратить ее на передвижение самого себя; более того, достаточно толстая броня могла быть перевозима для предохранения его от пуль, шрапнели и осколков снаряда. Человеческие ноги не ограничивали более маршей, а человеческая кожа не была более единственной защитой тела, появился новый фактор—подвижная линия огня; рыцарь в латах появился снова, его конь—бензиновая машина, его копье—пулемет.

Стратегия, или наука наилучшего использования времени для целей войны, практически перестала существовать с ноября 1914-года. Даже большие германские передвижения в 1918-ом году резко останавливались, вследствие недостатка провозоспособности дорог, а дороги и рельсы составляли канву, на которой была вытканa вся прежняя стратегия. Бездорожный трактор или танк почти неограниченно расширил дороги. Суша, по-

добно морю, сделалась доступной для передвижений во всех направлениях и для того, кто полагался на танки, морская тактика более подходила бы для него чем сухопутная.

С введением механического передвижения, каждый принцип войны становится легким в приложении и в настоящее время состязание сухопутной машинной армии с армией, опирающейся на дороги, рельсы и мускульную энергию, равносильно борьбе современных линейных кораблей с парусными трехпалубниками. В исходе такого состязания нельзя сомневаться: последние, конечно, будут разбиты, потому что высший тип машины должен одолеть; он экономит время, а время есть преобладающий фактор на поле сражения, так же как и в мастерской.

ГЛАВА XL.

Что может быть выполнено танками в будущем.

Принимая войну, как науку и искусство, и полагая, что она основана на определенных принципах, которые применяются соответственно условиям момента, мы можем разложить ее на составные элементы, каковыми являются: люди, оружие и движение. Сочетание этих трех элементов образует армию, организованную совокупность людей, которые могут передвигаться и сражаться.

Тактика или искусство передвигать вооруженных людей на поле сражения, меняется непосредственно в связи с характером оружия и подвижностью транспортных средств. Каждое новое, улучшенное оружие или способ передвижения вызывают соответствующее изменение в искусстве войны.

Орудия борьбы или оружие, если только они отвечают потребностям обстановки, составляют 99% победы. Стратегия, командование, управление, храбрость, дисциплина, снабжение, организация и все моральные и физические принадлежности войны ничто по сравнению с превосходством в оружии; в лучшем случае они составляют 1%. Действительно, как пишет Карлейль: „Дикий анимализм есть ничто, изобретательный спиритуализм есть все".

Введение танка на поле сражения совершенно изменяет в настоящее время искусство войны:

1) оно увеличивает подвижность, заменой мускульной силы механической энергией;

2) оно увеличивает обеспеченность от поражения, вследствие способности танка перевозить броню и делая этим действие пуль недействительным;

3) оно увеличивает наступательную силу, освобождением людей от переноски на себе оружия или лошадей от перевозки его, а облегчая снабжение боевыми припасами, увеличивает разрушительную силу оружия.

Другими словами, движимая бензином армия может получить от своего оружия в определенное время больший эф-

фект и с меньшими для себя потерями, чем армия, пользующаяся мускульной энергией, как движущей силой. Обеспечивая свою команду в движении, танк дает ей возможность сражаться в неподвижном положении. Он является во всех отношениях „сухопутным кораблем", как он и был вначале назван.

Это наши основные положения и из них мы можем вывести следующее заключение большой важности.

Во всех войнах и особенно в новейших, в которых оружие быстро меняется, никакая армия не может надеяться на успех, если она отстала на 50 лет от противника, будь она даже сплошь составлена из Винкельридов и маршалов Неев. Возьмем следующие примеры:

1) Наполеон, как полководец, был неизмеримо выше лорда Раглана и однако лорд Раглан в 1855 году разбил бы любую, выставленную против него, армию Наполеона 1805 г., потому что солдаты армии лорда Раглана были вооружены ружьями Минье.

2) Мольтке, 11 лет спустя после Инкермана, разбил бы на-голову армию лорда Раглана, но не потому, что он был более искусным полководцем, нежели лорд Раглан, а потому, что его солдаты были вооружены игольчатым ружьем.

Из этого мы можем вывести то заключение, которое было уже высказано, а именно, что оружие составляет 99% всей совокупности условий, необходимых для победы, следовательно генеральный штаб каждой армии должен быть составлен из ясновидящих механиков, прорицателей новых условий, новых областей военной деятельности и новых орудий для последней.

Вся история эволюции машинных орудий производства заключается в исключении рабочего и замене мускульной силы паром, электричеством или другими формами энергии.— „Меньше людей, больше машин, выше производительность"— было за последние 100 лет лозунгом каждой прогрессирующей мастерской. Отныне, мы верим, каждая прогрессирующая армия также усвоит себе этот лозунг. Более того, мы верим, что те нации, которые в прошлом выказали свою способность стоять во главе науки и механического производства, будут в будущем нациями, которые создадут более действительные армии, так как их армии будут построены на основах коммерческих знаний.

Принимая, что главным изменением в военном деле будущего будет замена силы человека силой машины, получаем логический вывод, что идеальная армия, к которой надо стремиться, это—не вооруженный народ, а один человек, притом не какой-нибудь сверхученый, но просто человек, способный нажать кнопку или вынуть пробку и тем привести в действие машины, изобретенные лучшими умами науки

в мирное время. Такой армии нет даже надобности занимать театр военных действий; человек, который ее представляет, может быть спрятан за тысячи милей, хотя бы на Камчатке и вести сражение на западном фронте. Разве это невозможно? Нисколько; даже в минувшую войну мы могли бы представить себе однорукого калеку, сидящего на полуострове Муравьева-Амурского и разряжающего электричеством газ против позиции Гинденбурга, когда индикатор показывает ему благоприятный ветер.

Это касается лишь химика, но разве человек допустит, чтобы он зависел от газа и чтобы судьба людей определялась каким-то „облачком фосгена"?

„Конечно нет", ответит военный механик, „несомненно, что будущее может дать еще много газов, которые, оставаясь неизвестными другой стороне, вряд ли можно будет обезвреживать при помощи респиратора. Но мне респиратор не нужен, я помещу своих людей в газонепроницаемый танк; как только мой индикатор отметит зараженный воздух, люки будут герметически закрыты, машины будут работать аккумуляторами, а люди будут дышать кислородом или сжатым воздухом. Я приложу к сухопутной войне приемы, которые раньше нам и не снились, я построю машину, которая будет, если можно так выразиться, „погружаться", когда приближаются облака газа, подобно тому, как погружается подводная лодка, когда приближается истребитель".

Для каждого оружия имеется свой ответ и та сторона, которая с наибольшей полнотой придумает в мирное время эти ответы, скорее всего будет иметь в дни войны свою Ахиллесову пяту, окованной сталью.

Незачем, однако, путешествовать на Амурский полуостров; достаточно вообразить, что война разразилась вновь спустя 3 года и что мы снабжены танками на 200% более совершенными, нежели наш лучший настоящий тип, т.-е. машиной, ходящей со скоростью 15, вместо 5 миль в час, а немцы, сидя за позицией Гинденбурга, продолжают выставлять людей против машины и численность войск против совершенства оружия.

Армия есть нечто организованное и, как таковое, легко может быть сравниваема с человеком. Она обладает телом и умом; первое—ее сражающиеся войска, второе—ее штабы. В прошлом обычный тактический процесс сводился к борьбе тел. Одно тело двигалось против другого и, подобно двум боксерам, они били друг друга, пока одно из тел не разбивалось другим. Но предположим, что боксер А мог бы какой-нибудь простой операцией парализовать мозги боксера В, к чему послужила бы тогда вся мускульная система боксера А, если бы даже она равнялась силе Самсона и Голиафа, вместе взятых? Ни к чему,—как показал Давид.

Теперь приложим это рассуждение к сражению 1923 года. Флоты танков, под прикрытием густых облаков дыма или в ночное время, движутся вперед не против неприятельского тела, но против его мозга, их целью является не неприятельская пехота или неприятельские орудия, не позиции или тактические пункты, а расположение германских армейских, корпусных и дивизионных штабов. Они их захватывают, избивают или расстреливают; что станется тогда с телом, если его мозг парализован? Кто будет управлять им, питать его резервами, боевыми и жизненными припасами? Кто будет руководить его маневрированием? Или тело останется на месте и будет разбито, или, что более вероятно, охваченное паникой, оно будет негодно к действию.

Каков ответ на этот способ ведения войны против мозга? Ответ—танк; мозг укроется в металлическом черепе или коробке, тела поместятся туда же и один сухопутный флот будет маневрировать против другого.

Развитие этой тактики может быть медленным, но, в конце концов, она станет неизбежной. Может быть, скажут, что легкая пушка есть надежное средство против танка, точно также как береговая батарея против корабля. Это справедливо, если наводчик может видеть цель, а в настоящее время еще не изобретено средство для проникновения зрения через густые облака дыма. Также, может быть, скажут, что тяжелые пулеметы защитят пехоту от танков. Но с одной стороны, подвижность пулемета ограничивается способностью 2-х людей переносить груз весом в 80 фунтов, а с другой—нет причин, препятствующих ношению танком более тяжелой брони, способной сопротивляться пулям такого пулемета. Если будет сделан более тяжелый пулемет, то он должен будет стать на подвижную установку и по преимуществу механическую, т.-е. сделается таким же танком или истребителем танков.

Необходимость на войне брони всегда признавалась и всеобщий выход ее из употребления начинается только с 16-го столетия. Когда не могли больше пользоваться броней, стали искать другие средства защиты—годные лишь на известный период, как то земляные сооружения, укрепления с использованием других, кроме земли, материалов, применение к местности, маневрирование и прикрывающий огонь; что касается последнего, то интересно несколько углубиться в историю, так как даже из беглого обзора ее мы лучше поймем настоящее и предвидим будущее.

В дни Генриха VIII-го, отряды, вооруженные аркебузами, должны были сражаться в 25 шеренг глубиной, чтобы иметь возможность поддерживать непрерывный огонь, т.-е. это значит, что раз первая шеренга выстрелила и отошла в тыл, она будет готова к новому выстрелу лишь после выстрела 25-ой

шеренги. Ко времени Густава Адольфа стрелковое дело и мушкет настолько усовершенствовались, что позволили сократить число шеренг с 25 до 8. Затем усовершенствование пошло быстрее и мы видим Фридриха Великого, уменьшающего число шеренг до 3-х, а Веллингтона на Пиринейском полуострове и до 2-х. Уже в ранний период революционных войн было признано необходимым уменьшить, представляемую легкой пехотой, цель для неприятельского огня переходом к прерывчатому расположению. В 1866 году прерывчатость сделалась еще более возможной, потому что Пруссаки уже были вооружены заряженными с казны ружьями, а в 1899 году такое расположение стало правилом. В 1899 году интервалы возрасли до 10—15 шагов, что может быть принято, как максимум для вооруженного магазинной винтовкой стрелка, при условии, что он должен выпускать в минуту по выстрелу на каждый ярд фронта. В 1904 году начали пользоваться в значительном масштабе окопами, так как, не будучи в состоянии увеличить интервалы, в виду стремления к сохранению интенсивного огня, искали другой способ защиты; поэтому люди, не имея возможности носить броню, принуждены были носить вместо нее лопату и таким образом лишать себя еще больше подвижности. В 1914 году, после короткой свалки маневренной войны, обе стороны привязываются к земле и наступает царство лопаты.

Затем с танком вновь появляется броня и что мы теперь видим? Не только подвижность и непосредственное укрытие, но и восстановление стрелковой цепи, разомкнутой не на 15 шагов между людьми, как было раньше, а на 150—300 шагов между танками, механическими штурмовыми крепостями, ее составляющими. Танк с командой из 6 человек может поддерживать огонь со скоростью 300 выстрелов в минуту, т.-е. является равноценным 30 стрелкам южно-африканской войны; и команда его, будучи прикрыта броней, не несет потерь, почему может состязаться не только с 30, но с 300 и вообще с любым, выставленным против него, количеством стрелков. Отсюда логически вытекает, что интервалы бесполезны, окопы в лучшем случае только полумеры, пехота должна одеться в броню, а так как она не имеет силы носить ее, то она должна сесть в танк. Если так говорит нам здравый смысл, то попытаемся представить себе, во что выльется танковая война будущего.

В машинных войнах будущего мы должны прежде всего согласиться принимать сушу за твердое море, также легко пересекаемое во всех направлениях трактором, как поверхность льда пересекается конькобежцем. Сражения в этой войне, следовательно, будут все более и более приближаться к морским боям. Так как окопы и полевые искусственные препятствия в том виде, как они известны нам теперь, будут

бесполезны, то может явиться необходимость обратить в мирное время стратегические центры большой важности, как-то: фабрики, железнодорожные узлы, склады, столицы и пр. в укрепленные сухопутные порты или центры, в которых сосредоточивается рабочая сила, топливо и управление. Их фортификационные укрепления, вероятно, будут состоять из огромных сухих рвов и обширных минных полей, которые образуют непосредственную защиту против танковых атак. Водные препятствия будут бесполезны, так как природа танка будет через несколько лет несомненно земноводной. Бараки, склады, мобилизационные запасы, танкодромы и аэродромы должны быть помещены достаточно глубоко под земной поверхностью и будущая крепость близко подойдет к типу гигантского убежища, окруженного полем сухопутных мин, взрываемых электричеством.

Вблизи границы эти укрепленные порта будут, вероятно, снабжены и связаны между собой смертоносными газовыми установками и расположенными под землей газодобывающими аппаратами и газохранилищами, которые, по об'явлении войны, могут быть немедленно, посредством электричества, пущены в действие человеком, находящимся, если это необходимо, за тысячи миль. Когда установится такой способ войны, то мобилизация не будет состоять в снабжении оружием людей в данной местности, а в снабжении противогазовыми приборами той части гражданского населения, которая не может быть быстро эвакуирована с площади, подлежащей газовому отравлению, или помещена в безопасные, газонепроницаемые убежища под землей. При этой системе, оборона границ должна быть организована в соответствии с господствующими ветрами и признаки войны будут определяться, не по военным, а по гражданским передвижениям.

Когда будут открыты газохранилища и пущены в ход газодобывающие аппараты, то флоты быстро движущихся танков, снабженных тоннами жидкого газа, против которого неприятель не будет иметь средств защиты [1]), устремятся через границу в неприятельскую страну, где предадут уничтожению все живое на полях, лугах, в деревнях и городах. В то время, как жизнь будет сметаться таким образом в пограничных районах, флоты аэропланов атакуют большие неприятельские промышленные и правительственные центры. Все эти атаки будут сперва направлены не против неприятельской армии, которая будет мобилизоваться под землей, а против гражданского населения, с целью заставить его принять волю атакующего.

[1]) Во время войны, нормальный способ раскрытия природы новых газов состоял в исследовании захваченных респираторов; по составу химических веществ, которые они заключали, определяли газы, от которых эти респираторы защищали. В мирное время такой способ раскрытия газов будет невозможен.

Если неприятель не примет предлагаемых условий, то произойдет борьба между машинами на суше и в воздухе. Танк пойдет против танка и управляемые с воздуха флоты этих машин будут маневрировать между укрепленными портами, уничтожая друг друга морскими приемами. В то время, как эти незначительные человеческие силы, составляющие, быть может 0,5% или 1% всего населения, сильной производством машин, страны, будут находиться в смертельной схватке с врагом, их нации будут изготовлять для них оружие; таким образом, в будущем, по мере уменьшения сражающейся живой силы мы должны ожидать увеличения живой силы на фабриках и заводах военной промышленности.

Будем ли мы в будущем находиться в безопасности на нашем маленьком острове? Если временами в течение „алхимического" периода ведения войны нам угрожали и делали нашествия, то можно с уверенностью сказать, что в научный период мы будем в значительно меньшей безопасности, чем бы были в прошлом. Для того, чтобы перейти от нынешнего танка к танку, который может нырнуть в канал у Кале в 4 часа утра, выйти на берег у Дувра в 6 часов и поспеть к Букингамскому дворцу к раннему завтраку, не потребуется вероятно такого промежутка времени, какой отделял „Меррimак" от „Тигра" или „Королевы Елизаветы" [1]). Если же этот период настолько велик, что он не может обеспокоить современное поколение, то нет никаких оснований сомневаться в том, что через 4—5 лет будут построены суда-носители танков; на них эти машины будут перевезены через океан, спущены на воду вблизи берега, имея на себе запас горючего, достаточный для продвижения на 300—400 миль вглубь страны. От судов-носителей танков только один шаг до аэропланов, их снабжающих и поднимающих, и другой шаг—к аэропланам-танкам.

Если эволюция войны в прошлом была медленной, то не будем обольщать себя надеждой, что таковой она останется и в будущем. Аэроплан быстро эволюционировал из салазок братьев Райт, а мотор, имевший 10—12 лет назад 40 лошадиных сил, превратился в 5 моторов по 400 лошадиных сил каждый, имеющихся на триплане Порта „Сэпер-Бэби" или в 6 моторов Нэпира, марки „Лев", развивающих не менее 3.000 лошадиных сил на триплане Тарранта, имеющем 131 фут длины. Танк находится еще в периоде детства, но он будет расти и в один прекрасный день сравняется в механическом совершенстве и действительности с сверхдреднаутами. Что же тогда? Тогда произойдет тесное взаимодействие между крупными видами механического оружия,—морским, воздушным и сухопутным судами или, что все равно, между кораблем,

[1]) Последовательные типы военных судов (Примеч. ред.).

аэропланом и танком. Эти виды оружия будут сближаться и об'единяться, образуя не три, а один род оружия, который потребует одной оборонительной силы, а не трех. Это даже теперь становится все более и более очевидным и чем скорее разовьется прозорливость тех, кто ведает обороной страны, тем лучше для нашей нации, ибо еще теперь, подобно средневековым волшебникам, мы думаем в раздельных формах о воде, воздухе и земле, а некоторые из нас, также думают о турах, копьях и мушкетонах.

Если большие войны могут быть ограничены или уничтожены устным или письменным соглашением, то вышеизложенные поиски в область будущего, оставаясь возможными, никогда не получат осуществления; однако, перед нами вероятность многих малых войн, границы мелких наций близко подходят к границам последних лет средневековья. Чем больше мелких наций, тем больше войн, а так как добрая половина мелких наций Средней и Восточной Европы смотрит на войну, как на национальный спорт, то становится мало вероятным выполнение соглашений и поддержание мира; к тому же, все договоры, обязательность выполнения которых не может быть поддержана грубой силой, легко могут трактоваться, как „клочки бумаги". Чтобы установить мир великим нациям (которые никогда не будут враждовать), необходима сила и средства для ее применения; здесь выступает на сцену механик и предлагает заинтересованным нациям танки и аэропланы, как средства для достижения этой цели. Он совершенно прав; всеобщее введение механического оружия должно принести с собой конец малым войнам, а может быть и гражданским мятежам. Возьмем оборону Индии. Что составляло всегда наибольшую трудность в наших экспедициях на границе? Не враг наш или его оружие, но местность, которая позволяет афганцам избегать наших колонн и замедляет наше продвижение. Мы должны преодолевать не силу вражеского оружия, которая обычно ниже нашей, но естественные препятствия.

Возьмем карательную экспедицию, отправляющуюся из Пешавера в Кабул. Силы должны состоять из трех частей: малая боевая группа авангарда, главные силы, прикрывающие транспорт, и сильные фланговые отряды, прикрывающие главные силы. Ввиду принятых тактических приемов, продвижение совершается чрезвычайно медленно. Главные силы, идущие по дорогам, которые почти неизбежно пролегают по долинам, должны находиться вне ружейного выстрела, а следовательно фланговые отряды вынуждены обычно „венчать высоты" по сторонам дороги, что вызывает бесконечные карабкания по горам и потерю времени. Если бы движение должно было совершаться по открытой стране, как в Южной Африке, а не в горной местности, то оно было бы упрощено, но все же

охранение флангов остается необходимым, так как главные силы, состоящие из людей и лошадей, подвержены действию пуль. Поражение пулями—вот причина всех затруднений и если нельзя носить непробиваемую для пуль броню, при которой совершенно безразлично с какого расстояния открывается огонь, с двух шагов или с трех миль, то единственным средством предотвратить действие ружейного огня является расположение вне его досягаемости.

До весьма недавнего времени ношение брони было еще невыполнимо, теперь же, когда это стало возможным, продвижение по Хайберскому проходу или обратно с танком хорошей конструкции, представит немного больше затруднений, чем переход по ровной местности. Броня, делая человеческое тело неуязвимым для пуль, устраняет необходимость иметь фланговые отряды и большие обозы, так как наша карательная экспедиция с танками может достичь Кабула в несколько дней и притом не только достичь его, но и бросить свои сообщения, п. ч. они не нуждаются больше в защите. Если защищающие сами себя танковые колонны снабжения признаются слишком медленными, то, раз экспедиция достигла Кабула, и снабжение, и эвакуация больных (раненых будет лишь несколько человек) может поддерживаться аэропланами. Вся операция настолько упрощается, что вряд ли может даже рассматриваться, как военная экспедиция. Стоит только один раз демонстрировать Афганистану безнадежность борьбы с механической карательной силой и он откажется от всяких выступлений, вызывающих необходимость содержания такой силы.

Во многих из наших малых войн нам часто приходилось встречаться с действиями в пустыне, каковые представляют еще большие затруднения, чем действия в холмистой или горной местности. Здесь опять главное затруднение не в превосходстве оружия противника, а естественных условиях—недостатке воды. В 1885 году сэр Генри Стюарт выступил из Корти на Ниле, чтобы выручить генерала Гордона; его затруднения заключались в трудностях снабжения и ему потребовался 21 день, чтобы достичь Гюбата, находившегося в расстоянии 180 миль. Танк, двигаясь со средней скоростью по 10 миль в час, выполнил бы это путешествие в два дня, а снабжаемый аэропланами, мог бы достичь Хартума несколько дней спустя. Один танк захватил бы Мейвэнд, Исандльвену и Эль-Тэб; один танк может противостоять любому количеству мушкетов Тоуера или ружей Маузера; один танк, стоющий скажем 10.000 ф. ст., может не только выиграть малую войну, нормально стоющую 2.000.000 ф. ст., но и сделать маловероятным, если не невозможным, самое возникновение таких войн. Отсюда следует—надо строить танки. От малых войн к внутренней обороне государства—один шаг. Сделайте восстания

безнадежными и они не будут происходить. Мы держим бесполезно в Индии армию в 75.000 британских и 150.000 индийских солдат. Можно, уничтожив эти обе силы, поддерживать порядок и притом поддерживать его с уверенностью, машинной полицейской силой в 20.000—25.000 человек.

Какой можно сделать вывод из вышеприведенных примеров?—Что войны будут ограничены не словами, трактатами или лигами наций, а оружием,—лигами танков, аэропланов и подводных лодок, которые сделают сопротивление безнадежным или возмездие настолько ужасным, что нации подумают не раз или два, а много раз, прежде чем решиться на войну.

Если войны сделаются когда-либо невозможными, то произойдет это вследствие медленной эволюции, при постепенном ослаблении склонности к войне и обращении человечества к некоторому другому идеалу. Ограничивать же войны содержанием солдат в условиях плохо вооруженных варваров, значит отклонять ход эволюции от его естественного течения.

Теперь мы стоим на пороге новой эпохи в истории мира, войны, основанной на бензине, как естественного последствия промышленности, основанной на применении пара. Что мы достигли последней ступени эволюционной лестницы войны—маловероятно, так как механическое и химическое оружие может исчезнуть и на смену ему могут придти другие, еще более ужасные. Электричество еще слабо затронуто и ничего нет невозможного в том, что механическая война будет заменена другой войной, беспроволочной природы и не только вещи, но и человеческое тело будет управляться „флюидом", которого мы даже еще не понимаем. Внушение воли одного человека другому может в свою очередь привести к чисто психологической войне, при которой даже не будет употребляться оружие.

Не будем же поэтому отбивать шаг на наших могилах, не будем оглядываться назад на 1914 год с его ружьями и подсумками, с его саблями и подковами и всем его прочим варварством мускульной эпохи; будем думать, будем искать и тогда мы проникнем за завесу будущего и узнаем, какие надо создать для нашей армии тело и мозг, чтобы, вместе взятые, они могли одержать победу с возможно меньшими потерями.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
	Предисловие	3
	Введение	4— 6
Глава	I. Происхождение танка	7— 18
„	II. Изобретение сухопутного корабля	19— 30
„	III. Особенности механизма танков	31— 44
„	IV. Танк марки I и его тактика	45— 47
„	V. Сражения на рр. Сомме и Анкре	48— 52
„	VI. Развитие организации корпуса танков	53— 57
„	VII. Корпоративный дух танковых частей	58— 60
„	VIII. Тактика танков	61— 67
„	IX. Сражение у Арраса	68— 74
„	X. Реляции о танковых боях	75— 81
„	XI. Второе сражение при Газе	82— 85
„	XII. Работа штаба и подготовка к бою	86— 89
„	XIII. Сражение у Мессин	90— 93
„	XIV. Тактическая оценка обстановки	94— 97
„	XV. Третье сражение у Ипра	98—104
„	XVI. Организация технической части в корпусе танков	105—108
„	XVII. Третье сражение при Газе	109—112
„	XVIII. Происхождение сражения у Камбре	113—116
„	XIX. Сражение у Камбре	117—128
„	XX. Оценка танков пехотой	129—131
„	XXI. Учебный лагерь корпуса танков	132—137
„	XXII. Танковые роты снабжения	138—142
„	XXIII. Второе сражение на р. Сомме	143—146
„	XXIV. Организация службы связи в танковом корпусе	147—152
„	XXV. Французский танковый корпус	153—164
„	XXVI. Подготовка к большому наступлению	165—168
„	XXVII. Сражения у Хамеля и Морейля	169—174
„	XXVIII. Действия германских танков	175—178
„	XXIX. Сражение у Амьена	179—189
„	XXX. Дело одного Уиппет танка	190—193
„	XXXI. Германская оценка британских танков	194—198
„	XXXII. Взаимодействие аэропланов и танков	199—205
„	XXXIII. Сражение у Бапома и второе сражение у Арраса	206—213
„	XXXIV. Германская противотанковая тактика	214—218
„	XXXV. Сражение у Эпеи и Камбре—Сен-Кентена	219—227

Стр.

Глава XXXVI. Корпус танков Сев.-Америк. Соединенных Штатов 228—232
» XXXVII. Сражения на р. Селль и у Мобежа . . . . . 233—237
» XXXVIII. 17-й танковый батальон броневиков . . . . . 238—243
» XXXIX. Взгляд назад на выполненное танками . . . . . 244—252
» XL. Что может быть выполнено танками в будущем . 253—262

РИСУНКИ В ТЕКСТЕ.

1) Шотландская военная колесница 1456 года 9
2) Военная колесница Вальтурио 1472 года 11
3) Боевая колесница Гольцшуера 1558 года 12
4) Сухопутный корабль Симона Стевина 1599 года . . . . . »
5) Трактор Эпльгарта 1886 года 14
6) Трактор Бэтера 1888 года, профиль 15
6а) Трактор Бэтера 1888 года, план . . . . . »
7) Танк марки I 31
8) Танк марки IV 34
9) Танк марки V 37
10) Танк марки А Уиппет 40
11) Легкий танк Рено (французский) 155
12) Танк марки А. 7. V. (германский) 176

ЧЕРТЕЖИ В ТЕКСТЕ.

1—9) Строи танков . . . . . 62—66

ПЛАНЫ СРАЖЕНИЙ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ СРЕДИ ТЕКСТА.

1) Сражение у Арраса.
2) Второе и третье сражения при Газе.
3) Сражение у Мессин.
4) Третье сражение у Ипра.
5) Сражение у Камбре.
6) Сражение у Суассона.
7) Сражение у Хамель.
8) Сражение у Морейль или Совиллер.
9) Сражение у Амьена.

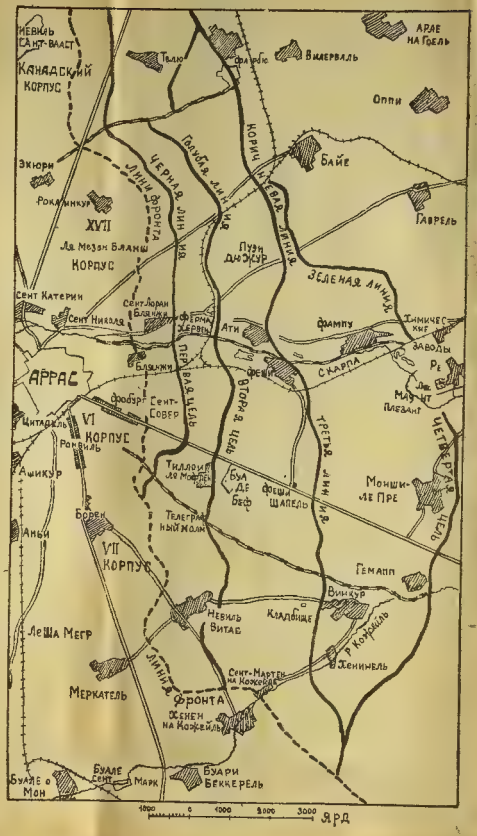
ПРИЛОЖЕНИЕ.

Карта района Амьен—Дуэ—Мобеж—Сен-Кентен.

План № 1.

Сражение у Арраса

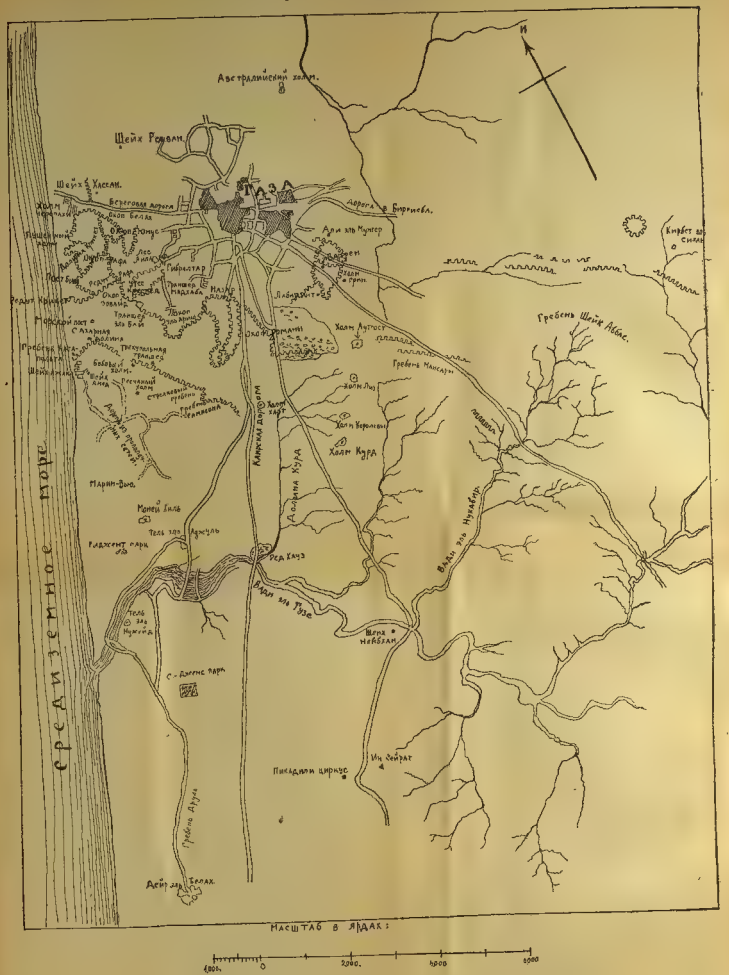
9 апреля 1917 г.



План № 2.

ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ ГАЗЕ

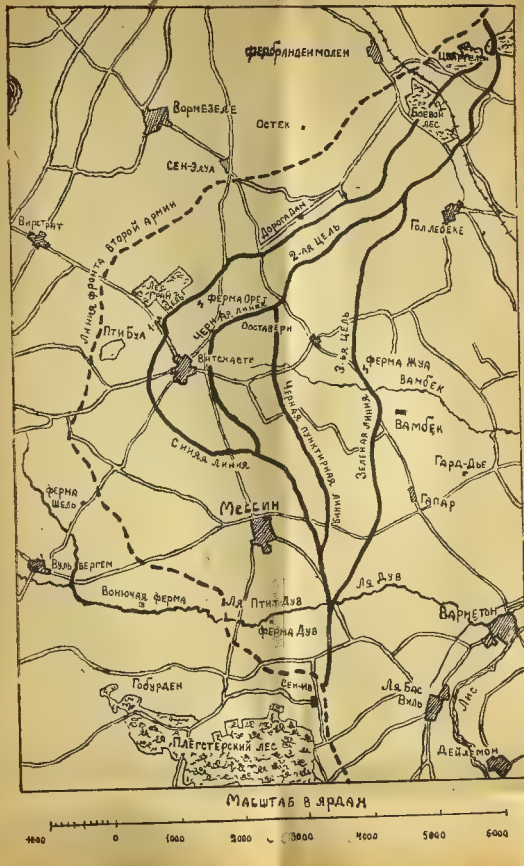
17 апреля 1917 г. и 1 ноября 1917 г.



План № 3.

Сражение у Мессин

7 июня 1917 г.



План № 4.

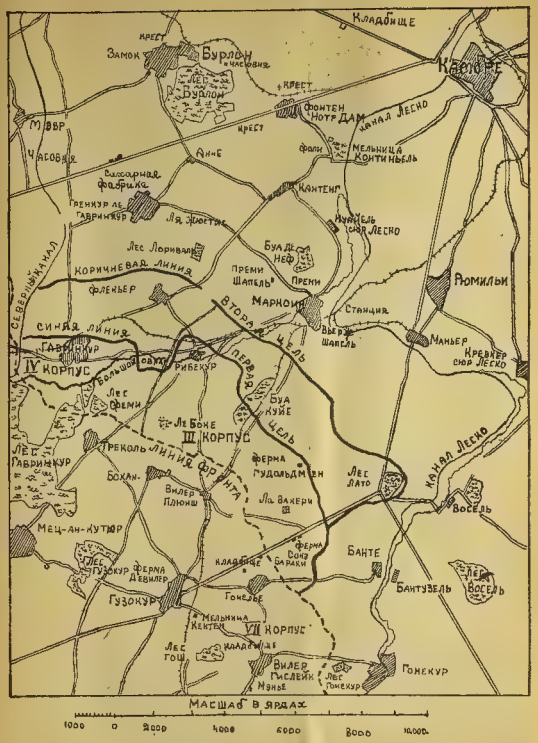
Третье сражение у Ипра

июль — ноябрь 1917 г.

План № 5.

Сражение у Камбре

20 ноября 1917 г.

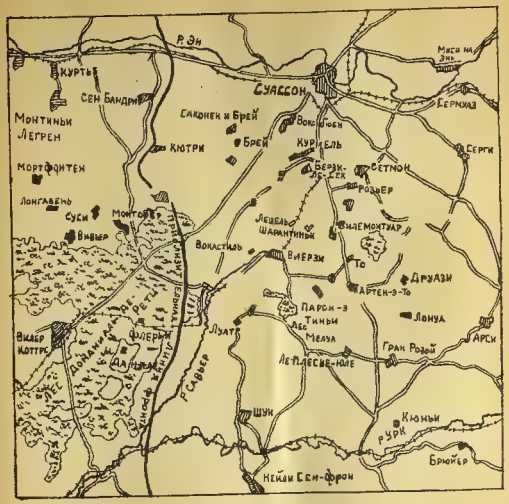


Статистическое Отдѣление

План № 6.

Сражение у Суассона

18 июля 1918 г.



СРАЖЕНИЕ У ХАМЕЛЬ

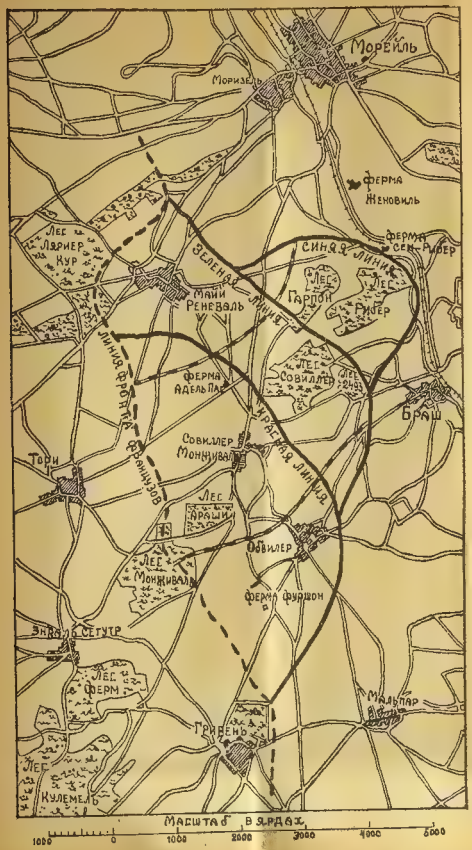
4 июня 1918 г.

План № 7.

План № 8.

Сражение у Морейль или Совиллер

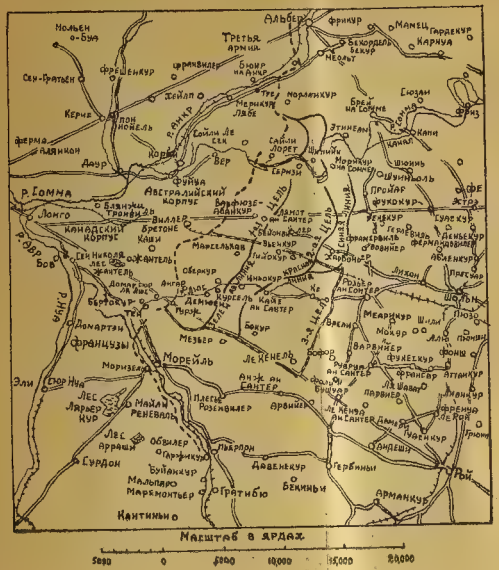
23 июля 1918 г.



План № 9.

Сражение у Амьен

8 августа 1918 г.



ачев.—Дело воздуш-
ысский.—Какая нам
артиллериста.
ля Артсекции ВНО—

Начарта РККА Ю. М. Шейдемана—на отдельном листе.

Арас
Дуэ
Валансьен
Камбре
Мон
Сент Аман
Бапом
Перон
Амьен
Альбер
Сен Кентен
Гам
Нель
Руан
Мондидье
Нуайон
Шони
Ла Фер
Гиз
Вервен
Ле Като
Авен
Мобеж
Ланс
Дулан
Сент-Поль
Бетюн
Ле Кенуа
Бушен
Боен
Масштаб в милях

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

МОСКВА, Смоленский бульв., 53. Тел. № 2-15-20.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАД ИЗДАНИЙ В. В. Р. С.—Арбат, Глазовский пер., 1 Тел. 2-45-98.

Отделение Военно-Научного Общества при Начальнике Артиллерии

Рабоче-Крестьянской Красной Армии

ПРИСТУПИЛО К ИЗДАНИЮ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНОГО ЖУРНАЛА

„КРАСНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ".

Журнал является руководящим печатным органом, стремящимся охватит артиллерийское дело в целом.

Отдав себе отчет в росте интересов и запросов широких масс строевого командного состава, журнал имеет целью дать разностороннее освещение различных артиллерийских вопросов, расширить общий военный кругозор читателя, передать ему необходимые знания и принципы для целесообразного применения артиллерии в сложной и изменчивой обстановке современного боя. Все это побуждает редакцию уделать на страницах журнала особое внимание вопросам тактики и взаимодействия артиллерии с другими родами войск.

Выписывать журнал необходимо не только артиллеристам: и пехотинец, и кавалерист, и инженер, и летчик—должны быть знакомы со своей артиллерией, ее взглядами, ее навыками и методами применения: в этом—залог победы в предстоящих нам кровавых столкновениях с капиталистическими вооруженными силами.

Взаимный обмен мнениями, сведениями и пожеланиями на страницах журнала укрепит идейную связь артиллерии с другими родами войск и создаст прочный фундамент для взаимного понимания, выработки единых тактических воззрений и согласованной работы в бою.

Цена отдельного №—40 коп.

Рукописи, письма, деньги просим высылать по адресу: **МОСКВА, Красная площадь, 2-й дом РВСР—Главное Артиллерийское Управление.**
Редакция журнала **„Красная Артиллерия".**

Вышел из печати и поступил в продажу

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК

„КРАСНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ".

СОДЕРЖАНИЕ.

Ю. Шейдеман.—К пятилетию Красной Армии. **Е. Агокас.**—Пять лет работы Артиллерийского Комитета. **В. Иванов.**—Командный состав Красной артиллерии и его Высшая Школа. **Бортинкер.**—Обзор развития артиллерии Красной Армии во время гражданской войны 1918—1921 г.г. **В. Грендаль.**—От Перекопа к Вереславлю. **Сергей Кремков.**—На пункте. **Г. Калабухов.**—Красная Артиллерия на Восточном фронте в период 1918—1919 года. **Внуков.**—Формирование и боевая деятельность Красной Артиллерии на Северном фронте. **Сергей Кремков.**—Артиллерия на Кавказе. **Е. Смысловский.**—Артиллерийские проблемы. **Е. Бородачев.**—Дело воздушной обороны в Красной Армии. **А. Буров.**—На переломе. **Тысский.**—Какая нам нужна полевая артиллерия. **Тухачевский.**—Задачи Красного артиллериста.

104 стр. Чертежи и схемы в тексте. Портрет Председателя Артсекции ВНО—Начарта РККА **Ю. М. Шейдемана**—на отдельном листе.

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ
МОСКВА
1923